2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 7 № 2
2022

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 7 № 2
2022

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Founder ang publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru

Митько Наталья Викторовна, ответственный секретарь
Natalia V. Mitko, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

BULLETIN
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
volume 7 No 2
2022

Морозова Елена Алексеевна
главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Баранова Инна Владимировна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Бычкова Светлана Михайловна
д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Глушакова Ольга Владимировна
д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Капогузов Евгений Алексеевич
д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Кисляков Михаил Михайлович
д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).

Кравченко Сергей Александрович
д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Кремер Раймунд
Dr. Hab., проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Курбатова Маргарита Владимировна
д-р экон. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Margarita V. Kurbatova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Мекуш Галина Егоровна
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немировский Валентин Геннадьевич
д-р социол. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen State University (Tyumen, Russia).

Нехода Евгения Владимировна
д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Озерникова Татьяна Георгиевна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Резник Семён Давыдович
д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Силин Анатолий Николаевич
д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Слинкова Ольга Константиновна
д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Солодова Галина Сергеевна
д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Суслов Виктор Иванович
д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Удальцова Мария Васильевна
д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Чирун Сергей Николаевич
д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Шашкова Ярослава Юрьевна
д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Литературные редакторы – Е. А. Печёнкина, Л. С. Старикова.
Корректор – Л. С. Старикова.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – E. A. Pechenkina, L. S. Starikova.
Proof-reader – L. S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 2

Социокультурное и политическое развитие общества

О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации
Глушакова О. В. 133

Эволюция регионального электорального процесса (на материале Кемеровской области – Кузбасса)
Кисляков М. М., Востриков К. В. 145

Государственно-частное партнерство в российской системе образования: преимущества, проблемы и направления развития
Шор И. М. 153

Социология управления

Слухи и фальшивые новости – влияние достоверности информации на поведение человека в условиях пандемии коронавируса
Кемпкенс О. Х. 162

Профессиональные предпочтения кузбасской молодежи
Морозова Е. А., Кузнецова Т. А. 171

Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях
Пелых А. Ю. 180

Особенности сегментации региональных туристских потоков
Пустовойтенко С. И. 187

Экономика и управление: теория и практика

Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса
Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. 201

Управление деловым партнерством субъектов хозяйствования: системный и процессный подходы
Гришко Н. В., Степанова Ю. А. 212

Подход к оценке клиентов IT-компании в контексте повышения эффективности проектной деятельности
Сапожников П. А., Коложвари Ю. Б. 225

Региональная экономика

Исследование производительности труда горняков на разрезах и шахтах Кемеровской области – Кузбасса
Батиевская В. Б., Соколовский М. В. 237

Перспективы неоиндустриализации экономики частично признанного государства
Котов Е. В. 243

Статистическая оптимизация показателей региональной экономики в неоднородной изменчивой среде
Черкашин А. К., Мядзелец А. В. 255

Особенности демографической ситуации Республики Татарстан в разрезе экономики
Юсупова Г. Р. 266

Society: Cultural and Political Development
The Strategy of State Cultural Policy 2030 and Its Achievability
Glushakova O. V. 133

Evolution of the Regional Electoral Process in the Kemerovo Region
Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. 145

Public-Private Partnership in the Russian Education System: Advantages, Problems, and Directions of Development
Shor I. M. 153

Sociology of Management
Rumours and Fake News – Effects of Message Credibility on Human Behaviour during the Corona Pandemic
Kempkens O. H. 162

Career Choice of Youthful Population in the Kemerovo Region
Morozova E. A., Kuznetsova T. A. 171

Social and Managerial Transformations in Advocacy Organizations
Pelykh A. Yu. 180

Segmentation of Regional Tourist Flows
Pustovoytenko S. I. 187

Economics and Management: Theory and Practice
Sharing Model as a Determinant Factor of Modern Business
Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. 201

Business Partnership Management of Business Entities: Systemic and Process Approaches
Grishko N. V., Stepanova J. L. 212

Customer Evaluation in IT Business as a Way to Improve Project Activities
Sapozhnikov P. A., Kolozhvari Y. B. 225

Regional Economy
Labor Productivity of Miners at Open Pits and Mines of the Kemerovo Region
Batievskaya V. B., Sokolovsky M. V. 237

Prospects for Neo-Industrialization of a Partly-Recognized State's Economy
Kotov E. V. 243

Statistical Optimization of Regional Economy Indices in a Heterogeneous Changeable Environment
Cherkashin A. K., Myadzelets A. V. 255

Demographic Situation in the Republic of Tatarstan: Economic Context
Yusupova G. R. 266

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2

оригинальная статья

О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации

Глушакова Ольга Владимировна
Новосибирский государственный театральный институт, Россия, Новосибирск
Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк
trinity@ktk.company

Поступила в редакцию 06.01.2022. Принята после рецензирования 25.01.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Рассмотрено содержание Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. в контексте соблюдения ряда принципов (прозрачности, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеримости целей, соответствия показателей целям), установленных федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», и возможности перевода учреждений культуры на многоканальное финансирование. Предмет исследования – качество стратегического управления сферой культуры в контексте разработки Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. как документа системы государственного стратегического планирования. Цель – оценка качества разработки Стратегии и наличия в ней адекватных инструментов контроля ее реализации. Исследование базируется на институциональном подходе. Использованы также методы анализа, синтеза, сравнения. В результате исследования выявлены недостатки в содержании Стратегии. Сделан вывод, что в практике стратегического управления наблюдается только второй этап эволюции подходов к разработке и реализации стратегий – стратегическое планирование. Третий и четвертый этапы эволюции – обеспечение соответствия стратегии стратегическим возможностям самой системы публичного управления и управление в реальном масштабе времени – только стоят на повестке дня. Предлагаемые в Стратегии элементы многоканального финансирования сферы культуры: система налоговых преференций, маркированные налоги, спонсорство и меценатство, институт бюджетных назначений, фонды целевого капитала – либо имеют ментальные ограничения, либо противоречат действующим нормам бюджетного и налогового законодательства. Несмотря на расширение перечня субъектов государственной культурной политики и ролей государства (государство как инвестор, меценат, соинвестор), участие государства в финансировании сферы культуры носит преобладающий характер. Данное обстоятельство формирует риски недофинансирования сферы культуры при возникновении принципиально новых вызовов развития. Финансовый механизм реализации стратегии не содержит прозрачной взаимосвязи стратегии с бюджетными расходами.
Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, стратегия, стратегия государственной культурной политики, принципы, целевые показатели, финансовый механизм реализации стратегии

Цитирование: Глушакова О. В. О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 133–144. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-133-144

full article

The Strategy of State Cultural Policy 2030 and Its Achievability

Olga V. Glushakova
Novosibirsk State Theater Institute, Russia, Novosibirsk
Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk
trinity@ktk.company

Received 6 Jan 2022. Accepted after peer review 25 Jan 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: The article considers the Strategy of State Cultural Policy 2030 and the way it complies with the principles established by Federal Law No. 172-FZ On the State Strategic Planning (June 28, 2014). The principles include transparency, realism, resource availability, measurability of goals, multichannel financing, etc. The research featured the quality of strategic management in the sphere of culture in the context of the abovementioned Strategy. The research was based on the institutional approach and assessed the availability of monitoring tools for its implementation. The study revealed

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

some shortcomings in the content of the Strategy of State Cultural Policy 2030. For instance, the strategic management is only at the second stage in the evolution of approaches to the development and implementation of strategies, i.e., strategic planning. The third and fourth stages of evolution are to adjust the strategic capabilities of the public administration system to the real-time management, and they still remain a matter for the distant future. The elements of multichannel financing of culture include a system of tax preferences, marked taxes, sponsorship and patronage, the institution of budget allocations, endowment funds, etc. However, these measures have certain limitations and contradict the current norms of budgetary and tax legislation. The state remains the main sponsor of culture, despite the expansion of the list of state cultural policy subjects and the roles of the state, e.g., the state as an investor, a philanthropist, a co-investor, etc. As a result, new development challenges may lead to underfunding. The financial mechanism for strategy implementation presupposes no transparent bond between the strategy and budgetary spending.
Keywords: strategic management, strategic planning, strategy, strategy of state cultural policy, principles, targets, financial mechanism for implementation the strategy

Citation: Glushakova O. V. The Strategy of State Cultural Policy 2030 and Its Achievability. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 133–144. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-133-144

Введение

Возведение культуры в РФ в ранг национальных приоритетов[1] предъявляет высокие требования к качеству стратегического управления сферой культуры. Институциональные основы стратегического управления в нашей стране были заложены с принятием в 2014 г. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[2]. За прошедший период только на федеральном уровне было принято более 100 нормативных правовых актов в области государственного стратегического планирования, в том числе документов стратегического планирования, предусмотренных ФЗ № 172-ФЗ и разрабатываемых в рамках: целеполагания[3]; целеполагания по отраслевому и территориальному принципу[4]; прогнозирования[5]; планирования и программирования[6]. Принципиально важным представляется определение в ст. 7 ФЗ № 172-ФЗ таких принципов стратегического планирования, как прозрачность, реалистичность, ресурсная обеспеченность, измеримость целей, соответствие показателей целям, которые, к сожалению, не всегда соблюдаются. В этой связи весьма своевременным представляется утверждение в конце 2021 г. Указом Президента «Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». В данном документе указывается необходимость совершенствования стратегического планирования и принятия мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования, его научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, поскольку только так можно создать условия для достижения целей и реализации задач социально-экономического развития РФ и обеспечения ее национальной безопасности.

Методы и материалы

Исследование базируется на институциональном подходе, позволяющем отследить изменение «формальных правил игры» в сфере стратегического управления сферой культуры. Также применены методы анализа, синтеза, сравнения при изучении содержания нормативных правовых актов и отчетов об исполнении консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов за период 2011–2020 гг., размещаемых на официальном сайте Федерального казначейства. При проведении исследования использованы данные официальных отчетов Федеральной службы государственной статистики и результаты оценки многокомпонентного индекса WGI (World Wide Governance Indicators), размещаемые на официальном сайте World Bank.

[1] Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014. *СЗ РФ*. 29.12.2014. № 52. Ч. I. Ст. 7753.

[2] О стратегическом планировании в РФ. ФЗ № 172-ФЗ от 28.06.2014 (ред. от 31.07.2020). *СЗ РФ*. 30.06.2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.

[3] Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ; Стратегия социально-экономического развития РФ; Стратегия национальной безопасности РФ, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ; Стратегия научно-технологического развития РФ.

[4] Отраслевые документы стратегического планирования РФ; Стратегия пространственного развития РФ; Стратегии социально-экономического развития макрорегионов.

[5] Прогноз научно-технологического развития РФ; Стратегический прогноз РФ; Прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; Бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период; Прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период.

[6] Основные направления деятельности Правительства РФ; государственные программы РФ; Государственная программа вооружения; схемы территориального планирования РФ; планы деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Результаты

Ряд указанных в ФЗ № 172-ФЗ принципов стратегического планирования был привнесен в практику государственного управления из теории стратегического менеджмента, основные положения которой отражены в работах известных ученых: И. Ансоффа [1], П. Дойля и Ф. Штерна [2], П. Друкера [3; 4], Г. Минцберга [5], А. Чандлера [6], К. Эндрюса [7] и др. В ней вопросы стратегического управления рассматриваются применительно к микроуровневым структурам. Однако, стратегическое управление на микроуровне и на уровне публично-правового образования (далее – ППО) имеет ряд отличительных особенностей. Речь идет об отличительных особенностях таких элементов стратегического управления, как миссия, видение, стратегические цели. Содержание стратегии как документа, подходы к ее разработке и оценка эффективности ее реализации также существенно отличаются.

Миссия организации озвучивается обычно на ее официальном сайте либо доводится до всех заинтересованных сторон через рекламу производимых товаров, работ, услуг. Миссия ППО отражает ключевые идеи и ценности и закрепляется, как правило, конституционно. Высшей ценностью в Конституции РФ признается человек, его права и свободы. Содержание видения развития организации отражает ее желаемое состояние в будущем. Это может быть ее позиция в определенном рыночном сегменте или архитектура бизнес-модели, конкурентные преимущества, которыми стремится обладать организация, ключевые факторы ее успеха или компетенции персонала и др. Видение развития ППО отражается чаще всего в таких документах системы государственного стратегического планирования, как стратегии социально-экономического развития РФ.

В конце октября 2021 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Стратегия социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., в которой в качестве стратегических приоритетов были провозглашены снижение объемов суммарных и секторальных выбросов парниковых газов и снижение углеродной интенсивности экономики. Таким образом, с принятием данного документа Россия не только продемонстрировала свою приверженность глобальному тренду, который проявляется в участии большинства стран мира в реализации положений Концепции устойчивого развития, но и обозначила видение своего желаемого состояния в будущем – стать страной с низким выбросом парниковых газов в атмосферный воздух.

Стратегические цели на уровне организации определяются по таким функциональным областям, как управление человеческими ресурсами, маркетинг, финансы, производство, бизнес-процессы. Цели упорядочиваются исходя из принципов приоритетности и срока достижения. На уровне ППО стратегические цели могут формулироваться как на национальном, так и на региональном (муниципальном) уровне. Причем целеполагание на региональном (муниципальном) уровне не должно противоречить национальным целям развития.

Элементы целеполагания для страны в целом формулируются в Посланиях Президента Федеральному собранию. Например, в 2018 г. Президентом РФ в качестве элементов целеполагания развития России были обозначены: рост производительности труда в целом по стране не менее 5 % в год, увеличение инвестиций до 25–27 % от объема ВВП, развитие малого предпринимательства и увеличение его вклада в формирование ВВП к середине следующего десятилетия до 40 %, увеличение несырьевого экспорта в течение ближайших шести лет до 250 млрд долл. США.

Национальные цели развития России впервые были сформулированы Президентом в 2018 г. В их перечне[7] были обозначены: повышение ожидаемой продолжительности жизни к 2024 г. до 78 лет, а к 2030 г. – до 80 лет; обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности и др. Спустя два года национальные цели были уточнены[8]. Во многом эта корректировка была связана с необходимостью соблюдения принципов реалистичности достижения целей и их ресурсной обеспеченности в условиях пандемии, вызванной COVID-19 [8].

Уровни стратегического управления применительно к организации и ППО также различны. На микроуровне выделяют корпоративные, бизнес-, функциональные, операционные стратегии. На уровне ППО – национальные (макроуровневые) стратегии, стратегии развития регионов и федеральных округов (мезоуровневые стратегии). При этом в числе макро- и мезоуровневых стратегий могут быть выделены стратегии социально-экономического развития, функциональные, отраслевые, имиджевые стратегии. В развернутом виде сравнительный анализ отличительных особенностей стратегического управления на микроуровне и на уровне ППО представлен в [9].

Несмотря на активное использование методов стратегического менеджмента в практике государственного управления, качество разработки многих документов системы государственного стратегического планирования при внимательном их рассмотрении вызывает ряд вопросов. Этого мнения придерживаются многие ученые, например, [10; 11]. Группа ведущих сибирских ученых справедливо относит стратегирование развития

[7] О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018. *СЗ РФ.* 14.05.2018. № 20. Ст. 2817.

[8] О национальных целях развития РФ на период до 2030 года. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. *СЗ РФ.* 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

к наиболее слабым звеньям управления на макро- и мезоуровнях [11]. Не является исключением и Стратегия государственной культурной политики до 2030 г.

Необходимость балансирования целей и условий их достижения, на что справедливо обращают внимание Д. В. Кузьмин и соавторы [10], объективно обусловлена высокой изменчивостью факторов внешней среды. Именно поэтому в существующих стратегиях на макро- и мезоуровнях предусматривается несколько сценарных ситуаций их реализации. Аналогичная ситуация наблюдается в долгосрочных и среднесрочных прогнозах социально-экономического развития и бюджетных прогнозах.

Недостатки документов системы государственного стратегического планирования, на наш взгляд, во многом связаны, с одной стороны, с этапами эволюционирования стратегии как явления в практике публичного управления, а с другой – с игнорированием системой публичного управления принципиальных положений теории стратегического менеджмента.

И. Ансофф [1, с. 153] выделяет четыре этапа эволюции подходов к разработке стратегии: 1) реактивная адаптация (предложена А. Чандлером) (1900 –1960); 2) стратегическое планирование (1961–1969); 3) управление стратегическими возможностями (1970–1979); 4) управление проблемами в реальном масштабе времени (1980 – по настоящее время).

На первом этапе эволюции адаптация организации к новой стратегии была длительной. На нее уходило около 10 лет. За такой период времени нарастали противоречия между новой стратегией, организационной структурой организации и существующей системой управления. При разработке стратегии изменения во внешней среде не учитывались. Эта проблема была решена на втором этапе эволюции подходов к разработке стратегии – при стратегическом планировании. Его достоинство заключается в том, что при разработке стратегии учитывается вероятное появление угроз и возможностей во внешней среде организации, что позволяет предусмотреть стратегию ответных действий еще до того момента, как эти угрозы и возможности возникли. Вместе с тем стратегическое планирование не решает проблему несоответствия стратегии стратегическим возможностям организации. Этот факт и предопределил начало третьего этапа эволюции подходов к разработке стратегии организации – управление стратегическими возможностями. Его преимущество состоит в учете стратегических возможностей организации при разработке стратегии и прогнозировании способностей, которые потребуются организации в будущем для достижения устойчивого успеха. Однако, нарастание скорости изменений во внешней среде послужило причиной зарождения четвертого этапа эволюции подходов к разработке стратегии организации – управление в реальном масштабе времени, в рамках которого во главу угла выдвигается скорость ответной реакции системы управления, а значит и самой организации как объекта управления, на внешние неожиданные изменения, которые не могут быть учтены при очередном пересмотре стратегии, поскольку происходят слишком быстро.

На наш взгляд, в условиях нарастания скорости изменений при стратегировании развития ППО необходимо гибкое сочетание подходов, которые были выработаны на втором, третьем и четвертом этапах эволюции – стратегическое планирование, управление стратегическими возможностями и управление в реальном масштабе времени. Именно их сочетание позволит обеспечить не только реализуемость стратегий, но и устойчивое развитие ППО в целом.

Заметим, что текущее состояние стратегического управления в практике государственного менеджмента в основном соответствует второму этапу рассмотренной эволюции подходов к разработке стратегии как явления. Вопрос о необходимости обеспечения соответствия стратегии стратегическим возможностям самой системы публичного управления только стоит на повестке дня. Вопрос обеспечения скорости ответной реакции системы публичного управления на внешние неожиданные изменения (управление в реальном масштабе времени) остается открытым, поскольку временные разрывы между изменениями во внешней среде и ответной реакцией системы управления все еще весьма существенны.

Автомобильные концерны многих стран решили перейти на производство электромобилей к 2025–2030 гг.[9], а в ряде документов системы государственного стратегического планирования РФ по-прежнему основным показателем построения стратегических прогнозов выступают цены на нефть марки Urals и нефтегазовые доходы федерального бюджета, о чем свидетельствует содержание долгосрочных и среднесрочных прогнозов социально-экономического развития РФ и долгосрочных и среднесрочных бюджетных прогнозов[10]. В методических рекомендациях по разработке

[9] Так, Mercedes-Benz планирует полностью перейти на выпуск электромобилей с 2025 г.; Volkswagen планирует завершить производство автомобилей с двигателями внутреннего сгорания в 2030 г.; Jaguar Land Rover объявил о полном переходе на производство электрокаров к 2025 г.; Ford объявил в феврале 2021 г. о том, что к 2030 г. намерен продавать в Европе только электромобили; Renault и Nissan заявили, что полностью переходят на зеленые технологии в 2026 г.; Porsche планирует, что половина всех выпущенных автомобилей будет с электродвигателями к 2025 г.; Toyota планирует прекратить выпуск автомобилей на бензине и дизеле в 2025 г. [Переход концернов на производство электрокаров: ждет ли рынок электрическая революция? 05.08.2021. URL: https://www.rzd-partner.ru/auto/comments/perekhod-kontsernov-na-proizvodstvo-elektrokarov-zhdet-li-rynok-elektricheskaya-revolyutsiya/ (дата обращения: 27.12.2021)].

[10] См. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития РФ). М., 2013. URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 27.12.2021); О бюджетном прогнозе РФ на долгосрочный период (ст. 22–26 ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ») + Правила разработки и утверждения бюджетного прогноза РФ на долгосрочный период, утв. Постановлением Правительства РФ № 914 от 31.08.2015 (ред. от 18.05.2019).

и корректировке долгосрочного прогноза социально-экономического развития РФ при рассмотрении сценарных условий и основных параметров долгосрочного прогноза группу показателей внешних условий развития возглавляет показатель *цены на нефть марки Urals (мировые)*[11]. Аналогичным образом дела обстоят и с разработкой среднесрочных прогнозов социально-экономического развития. В методических рекомендациях по разработке, корректировке, мониторингу среднесрочного прогноза социально-экономического развития РФ в исходные условия рекомендуется включать в том числе показатели, в наименьшей степени зависимые от решений, принимаемых в области экономической и социальной политики. Показателем номер один в данном перечне также значатся цены на нефть марки Urals (мировые)[12].

По данным PIRA Energy Group и Wood Mackenzie, в 2016 г. на долю автомобильного транспорта приходилось 45 % от общемирового объема потребления нефтепродуктов, промышленности – 11 %, нефтехимии – 10 %, коммунального сектора – 10 %, авиатранспорта – 6 %, морского транспорта – 5 %, прочего транспорта и прочих отраслей – 13 %. Вместе с тем эксперты придерживаются мнения, что распространение электромобилей и декарбонизация – процессы реальные, но не очень быстрые, а стало быть в ближайшем будущем объем потребления нефтепродуктов автомобильным транспортом существенно не изменится. По оценкам экспертов PIRA Energy Group и Wood Mackenzie, потребление нефтепродуктов к 2030 г. по сравнению с 2016 г. снизится только на 1 %[13]. Однако эта точка зрения представляется весьма спорной, поскольку известно множество примеров, когда новая технология стремительно вытесняла старую. Например, появление цифровых фотоаппаратов поставило под вопрос существование крупнейшего производителя фотоматериалов и фотооборудования – компании Kodak, в результате чего компании пришлось искать новые направления деятельности.

При переходе от плановой экономики к рыночным отношениям развитие сферы культуры, к сожалению, не являлось национальным приоритетом, поэтому ее финансирование осуществлялось по остаточному принципу. Заметим, что в числе первых приоритетных национальных проектов 2006 г. проект, посвященный развитию сферы культуры, не был включен в повестку дня. Вопрос о необходимости развития, помимо образования и здравоохранения, таких сфер, как наука и культура, оказывающих непосредственное влияние на формирование человеческого капитала, оставался открытым вплоть до 2012–2013 г.[14] Пересмотр стратегических приоритетов развития произошел как ответная реакция на последствия мирового финансово-экономического кризиса 2009 г., в результате которого под угрозу была поставлена не только устойчивость финансовой системы страны, но и национальная безопасность в целом.

В настоящее время культура не только возведена в ранг национальных приоритетов, но и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России[15]. Вот почему так важно обеспечить адекватное стратегирование развития сферы культуры.

Отдельные вопросы стратегического управления сферой культуры изложены в трудах российских ученых [12–17]. Фокус внимания указанных исследований сконцентрирован на проблемах сохранения объектов культурного наследия и направлениях реализации стратегии государственной культурной политики в данной области, роли национальных стратегий государственной культурной политики в условиях глобализации и опыте их реализации в некоторых странах мира, стратегических ориентирах региональной культурной политики в формировании кадрового резерва, традиционных и новых направлениях в экспозиционной деятельности музеев в контексте реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Подходы к формированию государственной культурной политики в странах Европы и ее стратегические аспекты рассмотрены F. van der Ploeg [18]. Методологические вопросы взаимодействия с заинтересованными сторонами при осуществлении регулятивной политики в различных сферах, в том числе в сфере культуры, изложены в работе A. Alemanno [19]. Однако проблема качества стратегического управления сферой культуры в контексте разработки Стратегии как документа и ее соответствия основным принципам стратегического менеджмента в работах ученых не рассматривалась, остается мало исследованной и актуальной темой.

Одна из ключевых задач, сформулированная в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., – переход к многоканальному формату финансирования сферы культуры, поскольку реализуемой

[11] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке долгосрочного прогноза социально-экономического развития РФ. Приказ Минэкономразвития России № 417 от 30.06.2016.

[12] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке, корректировке, мониторингу среднесрочного прогноза социально-экономического развития РФ и о признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России № 492 от 30.11.2009. Приказ Минэкономразвития России № 423 от 30.06.2016.

[13] Мировая жажда: перспективы и прогнозы динамики потребления нефти. *Сибирская нефть. Онлайн журнал*. 2019. № 166. URL: https://www.gazpromneft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2019-november-projects/3815817/ (дата обращения: 02.01.2022).

[14] См.: раздел V Бюджетного послания Президента РФ Федеральному собранию от 29.06.2011 «О бюджетной политике в 2012–2014 годах»; п. 4 Бюджетного послания Президента РФ Федеральному собранию от 28.06.2012 «О бюджетной политике в 2013–2015 годах».

[15] Об утверждении Основ государственной культурной политики…

ныне модели государственной культурной политики до сих пор свойственны патерналистские черты. На наш взгляд, именно поэтому ее сложно признать новой. Несмотря на расширение перечня субъектов государственной культурной политики и ролей государства (как инвестора, мецената, соинвестора), участие государства в финансировании сферы культуры носит доминирующий характер. Источниками финансирования деятельности учреждений культуры выступают субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, целевые субсидии, средства от приносящей доход деятельности, спонсорская помощь, добровольные пожертвования. По данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры РФ, в 2014 г. доля бюджетного финансирования в общем объеме финансовых поступлений отечественных учреждений культуры и искусства составила: в театрах – 73,1 %, музеях – 80,2 %, концертных организациях – 78,6 %, культурно-досуговых учреждениях (с учетом данных по паркам культуры и отдыха) – 91,2 %, детских школах искусств – 91,1 %, библиотеках – 98 %[16].

По данным официальных сайтов федеральных театров, во многих из них доля бюджетного финансирования весьма высока. Так, в общем объеме доходов ФГБУК «Государственный академический Малый театр России» в 2020 г. она составила 82,55 %, ФГБУК «Российский государственный академический молодежный театр» – 78,4 %. Однако, из 29 федеральных театров информация о финансово-хозяйственной деятельности представлена на официальных сайтах только восьми театров. Остальные указанную информацию не раскрывают ни на своих официальных сайтах, ни на официальном сайте[17] для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в сети Интернет, что противоречит содержанию п. 3.3 ст. 32 ФЗ № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[18].

Негативное изменение факторов внешней среды, безусловно, может поставить под угрозу сохранение финансирования учреждений культуры на прежнем уровне. Вот почему в Стратегии отмечается, что важнейшим условием обеспечения эффективности культурной политики является формирование условий для постепенного увеличения внебюджетных источников финансирования, и предлагается переход на основе анализа действующей в мире практики к многоканальной модели финансирования сферы культуры, включающей дополнительные элементы: эффективную систему налоговых преференций; институт бюджетных назначений; маркированные налоги; фонды целевого капитала (эндаумент-фонды) по видам культурной деятельности и др.

Так, ***система налоговых преференций*** действует в отношении спонсоров, фондов и физических лиц, финансирующих деятельность учреждений культуры, в США. Однако Л. Е. Востряков отмечает, что данная модель государственной культурной политики (государство – вдохновитель) в США действует эффективнее, нежели чем где-либо в других странах [20, с. 175]. Российская практика введения в Налоговый кодекс РФ различного рода налоговых преференций показала их низкую эффективность. Речь, в частности, идет о налоговых преференциях субъектам экономических отношений, осуществляющим инновационную деятельность[19].

Несмотря на их введение, официальная статистика свидетельствует о снижении начиная с 2015 г. доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг (табл. 1, рис.)[20], причем даже в субъектах РФ, имеющих высокий потенциал научной, изобретательской и инновационной активности, например, таких как Новосибирская и Томская области. Отметим, что в Новосибирской области в 2016 г. даже была принята и в настоящий момент действует

[16] Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 326-р от 29.02.2016 (ред. от 30.03.2018). *СЗ РФ.* 14.03.2016. № 11. Ст. 1552.

[17] Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. URL: https://bus.gov.ru/ (дата обращения: 27.12.2021).

[18] В целях обеспечения открытости и доступности информации о деятельности государственных (муниципальных) учреждений на официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет подлежат размещению следующие документы: 1) учредительные документы государственного (муниципального) учреждения, в том числе внесенные в них изменения; 2) свидетельство о государственной регистрации; 3) решение учредителя о создании государственного (муниципального) учреждения; 4) решение учредителя о назначении руководителя; 5) положения о филиалах, представительствах; 6) план финансово-хозяйственной деятельности; 7) годовая бухгалтерская отчетность; 8) сведения о проведенных в отношении государственного (муниципального) учреждения контрольных мероприятиях и их результатах; 9) государственное (муниципальное) задание на оказание услуг (выполнение работ); 10) отчет о результатах деятельности государственного (муниципального) учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного (муниципального) имущества; 11) бюджетная смета казенного учреждения, которая составляется, утверждается и ведется в порядке, установленном бюджетным законодательством РФ; 12) решения органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя автономного учреждения, о назначении членов наблюдательного совета автономного учреждения или досрочном прекращении их полномочий.

[19] См., в частности, содержание ст. 145.1 «Освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика организации, получившей статус участника проекта по осуществлению исследовательской и научно-технологической деятельности»; ст. 217 «Доходы, не подлежащие налогообложению (освобождаемые от налогообложения)»; ст. 246.1 «Освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика организации, получившей статус участника проекта по осуществлению исследовательской и научно-технологической деятельности»; ст. 251 «Доходы, не учитываемые при определении налоговой базы» Налогового кодекса РФ (ч. 2) № 117-ФЗ от 05.08.2000 (ред. от 29.11.2021).

[20] Составлены автором на основании официальных данных Федеральной службы государственной статистики: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 20.12.2021).

Программа реиндустриализации экономики региона[21], основная задача которой как раз и состоит в увеличении доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг. Данная ситуация, на наш взгляд, обусловлена нестабильностью системы российского законодательства, прежде всего, налогового, постоянным изменением «правил игры», введением новых и отменой существующих законодательных норм.

К дополнительному увеличению налоговой нагрузки на бизнес и граждан и к росту инфляции привело увеличение с 1 января 2019 г. ставки НДС до 20 %. Существенное значение также имеет возникновение

Табл. 1. Объем инновационных товаров, работ, услуг и их процент от общего объема отгруженных товаров, работ, услуг, 2006–2019 гг.
Tab. 1. Innovative goods, works, and services and their percentage in the total volume of shipped goods, works, and services, 2006–2019

Публично-правовые образования и федеральные округа	2006		2010		2015		2017		2018		2019	
	млрд руб.	% от общего объема	млрд руб.	% от общего объема	млрд руб.	% от общего объема	млрд руб.	% от общего объема	млрд руб.	% от общего объема	млрд руб.	% от общего объема
Российская Федерация	777,46	4,7	1243,71	4,8	3843,43	8,4	4166,99	7,2	4516,28	6,5	4863,38	5,3
Центральный федеральный округ	149,89	3,7	290,76	4,3	1491,54	12,8	1119,96	6,9	1181,42	6,2	1425,67	5,0
Северо-Западный федеральный округ	80,53	4,4	120,11	4,1	375,61	6,3	458,77	6,3	487,71	5,8	591,69	5,6
Южный федеральный округ	15,43	1,8	86,56	6,5	149,18	5,9	304,45	9,0	207,83	5,6	196,63	2,7
Северо-Кавказский федеральный округ	6,56	3,7	27,68	8,5	41,44	8,9	34,72	5,8	40,63	4,4	44,23	5,3
Приволжский федеральный округ	377,92	11,3	545,95	10,2	1198,88	13,0	1445,64	13,3	1778,69	13,3	1716,54	11,3
Уральский федеральный округ	105,56	2,8	109,58	2,2	216,39	2,7	507,77	5,2	526,79	4,3	501,09	3,3
Сибирский федеральный округ	30,72	1,7	46,31	1,6	217,13	4,1	201,86	3,0	176,15	2,2	248,56	2,6
Дальневосточный федеральный округ	10,85	2,1	16,76	1,4	153,28	6,8	93,82	3,3	117,06	3,4	138,97	3,0
Новосибирская область	3,47	1,3	14,12	5,1	42,43	10,0	45,34	8,3	37,96	6,1	24,52	2,9
Томская область	2,89	1,7	5,37	2,7	17,91	5,2	19,81	5,3	21,22	4,9	19,49	2,8
Кемеровская область	3,63	0,9	3,88	0,6	32,44	2,9	25,22	1,7	13,86	0,7	17,43	1,0

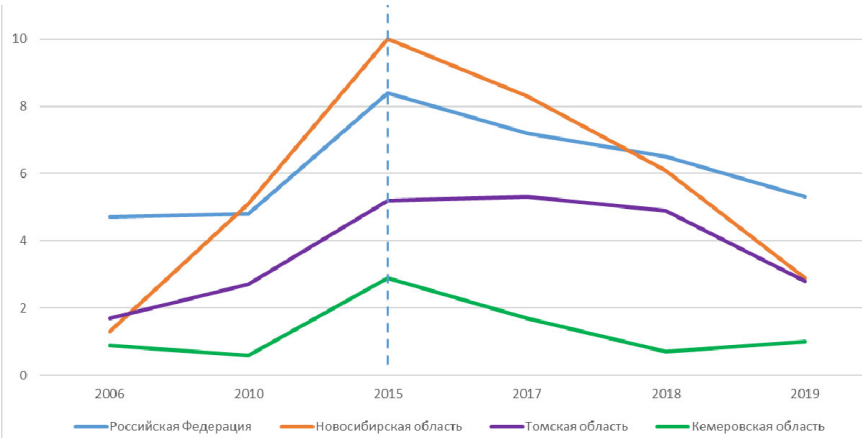

Рис. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, 2006–2019 гг.
Fig. The share of innovative goods, works, and services in the total volume of shipped goods, works, and services, 2006–2019

[21] Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области до 2025 года. Утв. постановлением Правительства Новосибирской области № 89-п от 01.04.2016.

принципиально новых вызовов развития, таких как COVID-19 в 2020 г. Внесение изменений в налоговое законодательство в части создания налоговых преференций для экономических субъектов, занимающихся инновационной деятельностью, произошло в конце 2010 г. Однако, это не оказало существенного влияния на формирование в России инновационного пространства.

Принято считать, что качество регуляторной среды определяется в том числе количеством вносимых изменений в действующие законодательные и нормативные правовые акты. Так, одним из направлений оценки многокомпонентного индекса World Wide Governance Indicators (WGI), мониторингом которого занимается World Bank[22], выступает качество регуляторной среды. По данному направлению в 2020 г. Россия была оценена в 36,06 балла из 100 возможных. Для сравнения, в таких странах, как Норвегия и Новая Зеландия, качество регуляторной среды в 2020 г. было оценено в 95,67 и 99,52 балла соответственно. В этой связи введение подобных налоговых преференций для стимулирования спонсорства и меценатства со стороны экономических субъектов вряд ли кардинально изменит структуру финансового обеспечения деятельности учреждений культуры. Более того, в настоящий момент в Налоговом кодексе РФ налоговые льготы субъектам экономических отношений, занимающихся поддержкой развития сферы культуры, не предусмотрены, что свидетельствует о несоответствии Стратегии государственной культурной политики стратегическим возможностям существующей системы публичного управления и противоречит принципу реалистичности стратегического планирования, определенному в ФЗ № 172-ФЗ.

Институт спонсорства и меценатства в России активно развивается в части поддержки наиболее известных учреждений культуры и творческих коллективов, таких как Большой театр России, Малый театр, МХАТ им. А. М. Горького, МХТ им. А. П. Чехова, "MusicAeterna" Т. Курентзиса, «Виртуозы Москвы» В. Спивакова и др. Что касается учреждений культуры, действующих в большинстве регионов и муниципальных образований РФ, то для них развитие института спонсорства и меценатства, на наш взгляд, представляется более сложным и зависит от множества факторов, в первую очередь финансово-экономического положения наиболее крупных субъектов экономики конкретного региона.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении ***маркированных налогов***. В международной практике к маркированным относятся налоги, которые имеют увязку с конкретным направлением расходования бюджетных средств. Таковыми могут быть признаны акцизы на автомобильный бензин, прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, производимых на территории РФ, доходы от уплаты которых, согласно содержанию ст. 179.4 Бюджетного кодекса РФ, направляются на формирование дорожных фондов в составе бюджетов бюджетной системы РФ. Средства дорожных фондов подлежат использованию в целях финансового обеспечения дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог общего пользования, капитального ремонта и ремонта дворовых территорий многоквартирных домов, проездов к дворовым территориям многоквартирных домов населенных пунктов[23]. Заметим, что данное обстоятельство противоречит принципу общего (совокупного) покрытия расходов бюджета (см. ст. 35 Бюджетного кодекса РФ), согласно которому расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета.

В Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. прописано, что введение маркированных налогов предусматривает прямое направление в сферу культуры части отчислений от конкретных видов налогов и сборов. Однако подобного механизма действующая редакция Бюджетного кодекса РФ не предусматривает, из чего следует наличие разрыва между Стратегией и возможностями системы публичного управления, о котором мы уже упоминали выше.

Еще одним элементом предлагаемой в стратегии системы многоканального финансирования сферы культуры выступает институт бюджетных назначений, который, согласно содержанию Стратегии, позволяет привлечь в сферу культуры дополнительные финансовые вложения через законодательное предоставление права каждому налогоплательщику по его выбору направлять в пределах от 1 до 2 % налога на доходы физических лиц на поддержку культуры. Заметим, что прямое зачисление налоговых доходов в адрес конкретного получателя Бюджетный кодекс не предусматривает. Поступающие в бюджетную систему налоговые доходы подлежат зачислению на казначейский счет с признаком «03100», который предназначен для учета поступивших доходов, в том числе налоговых, и их последующего распределения между бюджетами бюджетной системы РФ согласно нормативам, установленным Бюджетным кодексом РФ. Эксперты Минфина РФ, комментируя в начале февраля 2016 г. содержание проекта Стратегии государственной культурной политики до 2030 г., справедливо отметили, что оно противоречит требованиям бюджетного и налогового законодательства[24]. К сожалению, за этими комментариями не последовало существенных правок указанных противоречий, и документ 29 февраля 2016 г. был утвержден распоряжением Правительства РФ № 326-р.

[22] World Wide Governance Indicators. URL: https://info.worldbank.org/governance/wgi/ (accessed 9 Dec 2021).

[23] См. содержание п. 1 ст. 179.4 «Дорожные фонды» Бюджетного кодекса РФ.

[24] Минфин отверг проект «Стратегии культурной политики». *Известия*. 02.02.2016. URL: https://iz.ru/news/603018 (дата обращения: 14.12.2021)

Предложение о включении в систему многоканального финансирования сферы культуры такого элемента, как ***фонды целевого капитала (эндаумент-фонды)*** по видам культурной деятельности, на наш взгляд, весьма дискуссионно. В стратегии указывается, что в ряде стран фонды целевого капитала (эндаумент-фонды) на федеральном и региональном уровнях часто аккумулируют поступления от института бюджетных назначений и маркированных налогов. Однако невозможность их использования в том виде, как это представлено в Стратегии, по причине их несоответствия действующим нормам бюджетного и налогового законодательства, нами была прокомментирована выше.

Вызывает вопросы и содержание сценариев реализации Стратегии: инерционного, инновационного и базового[25], суть которых состоит в уровне финансирования сферы культуры, т. е. доле совокупных расходов на культуру за счет всех источников, включая внебюджетные, в ВВП. Согласно инерционному сценарию, эта доля составляет 0,57 % в ВВП, инновационный сценарий предусматривает увеличение доли финансирования сферы культуры в ВВП до 1,5 % к 2020 г., а базовый – до 1,4 % к 2030 г.

Анализ консолидированного бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов позволил сделать вывод, что доля расходов по разделу бюджетной классификации «Культура, кинематография» в ВВП начиная с 2011 г. варьировалась в пределах 0,48–0,54 % и только в 2020 г. составила 0,57 % (табл. 2). Несмотря на рост расходов консолидированного бюджета на культуру (за исключением 2015 г.), темп роста расходов в реальном выражении значительно ниже номинального. В 2020 г. в условиях пандемии, вызванной COVID-19, расходы на культуру в реальном выражении остались практически на уровне 2019 г. (темп роста в реальном выражении составил 100,75 %). Подробно сведения об объемах бюджетных ассигнований и доле расходов на культуру в консолидированном бюджете РФ и в ВВП представлены в табл. 2.

Измеримость заявленных целей – ключевое условие успешной реализации любой стратегии – как на уровне организации, так и на уровне ППО. Инструментами контроля в данном случае выступают целевые показатели. В разделе IV Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. предложено использовать семнадцать целевых показателей, каждый из которых может быть количественно измерен. В их числе: уровень удовлетворенности граждан РФ качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры; доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений; обеспеченность субъектов РФ учреждениями культуры (соответствие их социальным нормативам и нормам); степень дифференциации субъектов РФ по интегральным показателям информационного развития; степень дифференциации субъектов РФ по показателю расходов на культуру и искусство в расчете на душу населения и др. Однако плановые значения целевых показателей на этапах реализации стратегии (либо интерпретация их динамки) не предложены, что делает невозможным осуществление процедуры контроля достижения фактических значений целевых показателей их запланированным значениям в процессе реализации стратегии, а следовательно и использование метода GAP-анализа (анализа разрывов) – простого и ясного инструмента стратегического менеджмента.

Табл. 2. Расходы консолидированного бюджета РФ на культуру, кинематографию, 2011–2020 гг.
Tab. 2. Expenditures of the consolidated budget of the Russian Federation on culture and cinematography, 2011–2020

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы на культуру, кинематографию в консолидированном бюджете РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, млрд руб.*									
310,59	340,21	376,95	410,00	395,63	422,76	492,91	528,18	587,91	610,13
Расходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, млрд руб.*									
19994,64	23174,72	25290,91	27611,67	29741,50	31323, 68	32395,75	34284,71	37382,24	42503,03
ВВП в текущих ценах, млрд руб.**									
60114,0	68103,4	72985,7	79030,0	83087,4	85616,1	91843,2	103861,7	109241,5	106967,5
Доля расходов на культуру, кинематографию в консолидированном бюджете РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, %***									
1,55	1,47	1,49	1,48	1,33	1,35	1,52	1,54	1,57	1,44
Доля расходов на культуру, кинематографию в ВВП, %***									
0,52	0,50	0,52	0,52	0,48	0,49	0,54	0,51	0,54	0,57

[25] В практике стратегического планирования при разработке сценарных ситуаций обычно используются понятия *базовый, консервативный, целевой*.

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Темп роста расходов на культуру, кинематографию в номинальном выражении, %***									
–	109,53	110,80	108,76	96,50	106,85	116,59	107,16	111,31	103,78
Индекс потребительских цен (декабрь текущего года к декабрю предыдущего года)****									
6,1	6,6	6,5	11,4	12,9	5,4	2,5	4,3	3,0	4,9
Темп роста расходов на культуру, кинематографию в реальном выражении***									
–	103,23	103,93	102,12	86,62	94,64	110,61	104,54	106,72	100,75

Прим.: * – составлено автором на основании бюджетной отчетности об исполнении консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов, размещаемой на официальном сайте Федерального казначейства: URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet/ (дата обращения: 15.12.2021); ** – официальные данные Федеральной службы государственной статистики: URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.12.2021); *** – рассчитано автором; **** – официальные данные Федеральной службы государственной статистики: Индексы потребительских цен на товары и услуги по РФ с 2001г. URL: https://gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/I000650R.HTM (дата обращения: 15.12.2021).

Данное обстоятельство затрудняет и оценку эффективности использования бюджетных ассигнований, предусмотренных в рамках финансового механизма реализации стратегии, в качестве которого выступает государственная программа РФ «Развитие культуры» и входящий в ее состав национальный проект «Культура»[26].

Отметим, что в перечень государственных программ, утвержденных Распоряжением Правительства РФ № 1950-р, внесены существенные изменения, которые вступили в силу с 01.01.2022. Эти изменения касаются взаимоувязки государственных программ РФ с национальными целями развития России, обозначенными в Указе Президента РФ № 474 от 21.07.2020. Так, на достижение национальной цели № 2 «Возможности для самореализации и развития талантов» направлены четыре государственные программы, в том числе и государственная программа «Развитие культуры». Кстати, из указанной программы полностью исключены целевые показатели и индикаторы, ориентированные на оценку эффективности ее реализации, а также целевые показатели подпрограмм, включая их запланированные значения. В разделе II указанной государственной программы «Приоритеты и цели государственной политики в сфере культуры» озвучивается перечень документов, в которых эти приоритеты и цели заявлены. В этом перечне значится и Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. Однако, как уже было отмечено выше, установленные значения целевых показателей в Стратегии отсутствуют.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, что Стратегия полностью лишена инструментов контроля ее реализации. В разделе VII «Ожидаемые результаты реализации стратегии» представлены показатели, имеющие конкретное количественное измерение, что свидетельствует о наличии в стратегии инструмента ***управления по результатам***. В перечне указанных показателей значатся: увеличение финансирования культуры за счет всех источников до 1,4 % ВВП к 2030 г.; обеспечение доли внебюджетных инвестиций в культуру на уровне не менее 25 % совокупных расходов на культуру за счет всех источников; вхождение в пятерку стран-лидеров по количеству объектов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и др. В то же время некоторые результаты представлены в общем виде, без указания конкретных значений их достижения. Не совсем понятно, каким образом можно измерить достижение таких результатов реализации Стратегии, как формирование новой ценностно ориентированной модели государственной культурной политики, включающей в себя также и региональное измерение с учетом федеративного устройства РФ; обеспечение использования исторического и культурного наследия для воспитания и образования подрастающего поколения; расширение пространства русского языка, российской культуры и образования на русском языке в иностранных государствах; укрепление позиции русского языка в национальных системах образования государств-участников СНГ и др. Как уже было отмечено выше, один из посылов стратегического менеджмента – измеримость целей и уж тем более результатов. Если цель невозможно измерить, то невозможно проконтролировать ее достижение. В этой связи наличие простых и прозрачных инструментов контроля реализации любой стратегии объективно необходимо. Это касается и Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. Таким образом, принцип прозрачности как один из ключевых принципов стратегического планирования, обозначенный в ст. 7 ФЗ № 172-ФЗ, не соблюден.

Отметим, что доказательность взаимосвязи национальных целей развития с бюджетными расходами (а это

[26] Об утверждении государственной программы РФ «Развитие культуры». Постановление Правительства РФ № 317 от 15.04.2014 (ред. от 18.12.2021). *СЗ РФ*. 05.05.2014. № 18. Ч. II. СТ. 2163.

обязательное требование международного документа *Белая книга* по ключевым национальным показателям) выступает необходимым условием реализации принципа прозрачности использования бюджетных средств, закрепленного в Бюджетном кодексе РФ. Доказательность этой взаимосвязи должна обеспечиваться не за счет формального включения в перечень государственных программ, способствующих достижению конкретной национальной цели, а за счет наличия логической цепочки целевых показателей, красной нитью объединяющих национальные цели, государственные программы, национальные проекты и конкретные стратегии, реализуемые на национальном уровне. В формализованном виде эта логическая цепочка может быть представлена следующим образом:

НЦ (ЦП1, ЦП2, …ЦПn) – ГП (ЦП1, ЦП2, …ЦПn) – – НП (ЦП1, ЦП2, …ЦПn) – С (ЦП1, ЦП2, …ЦПn),

где НЦ – национальная цель; ГП – государственная программа; НП – национальные проект; С – стратегия, реализуемая на национальном уровне; ЦП – целевой показатель, используемый для обеспечения логической взаимосвязи между национальной целью, государственной программой и национальным проектом; n – количество целевых показателей, используемых для обеспечения логической взаимосвязи между национальной целью, государственной программой и национальным проектом.

Причем все целевые показатели должны быть измеримы, и для каждого должно быть установлено конкретное плановое значение. (Подробно см. в [8].)

Заключение

Несмотря на широкое использование методов стратегического менеджмента в практике государственного управления, качество разработки стратегий как документов требует корректировки в сторону его повышения. Несоблюдение основополагающих принципов стратегического планирования, таких как принцип прозрачности, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеримости целей, соответствия показателей целям, не только снижает уровень доверия гражданского общества к деятельности органов государственной власти, но и ведет к снижению эффективности управления стратегически значимыми сферами, к которым относится и сфера культуры. Гибкое сочетание в практике стратегического управления развитием ППО стратегического планирования, управления стратегическими возможностями и управления в реальном масштабе времени позволит не только снизить стратегические риски в условиях высокой изменчивости факторов внешней среды, но и обеспечить не формальную, а действительную реализуемость стратегий. Исследование показало, что наличие в Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. простых и прозрачных инструментов контроля ее реализации не утратило своей актуальности и по-прежнему остро востребовано. Предлагаемые в Стратегии новые подходы к финансированию учреждений культуры не соответствуют действующим нормам бюджетного и налогового законодательства. Финансовый механизм Стратегии все еще нуждается в доказательной демонстрации взаимосвязи (посредством использования целевых показателей) с национальными целями развития России, государственными программами и встроенными в них национальными проектами. Обеспечение на должном уровне качества стратегического управления выступает необходимым условием достижения национальных целей развития России и обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 519 с.
   Ansoff I. *Strategic management.* Moscow: Ekonomika, 1989, 519. (In Russ.)
2. Дойль П., Штерн Ф. Маркетинг, менеджмент и стратегии. 4-е изд. СПб.: Питер, 2007. 544 с.
   Doyle P., Shtern F. *Marketing, management and strategy*. 4th ed. St. Petersburg: Piter, 2007, 544. (In Russ.)
3. Друкер П. Ф. Практика менеджмента. М.: Вильямс, 2000. 397 с.
   Drucker P. F. *The practice of management*. Moscow: Viliams, 2000, 397. (In Russ.)
4. Drucker P. F. *Management: tasks, responsibilities, practices*. N. Y.: Harper Business, 1993, 864.
5. Mintzberg H. The fall and rise of strategic planning. *Harvard Business Review*, Jan-Feb 1994, 107–114.
6. Chandler A. D. *Strategy and structure: a chapter in the history of industrial enterprises*. Cambridge: The M.I.T. Press, 1962, 463.
7. Andrews K. R. *The concept of corporate strategy.* Homewood, IL: Dow Jones-Irwin, 1971, xviii+245.
8. Глушакова О. В. О взаимосвязи национальных целей развития России с бюджетными расходами и о возможностях достижения целей в условиях COVID-19. *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27. № 7. С. 1444–1475.
   Glushakova O. V. On the relationship between Russia's national development goals and budgetary spending – the attainability of the goals during the COVID-19 pandemic. *Finance and Credit,* 2021, 27(7): 1444–1475. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/fc.27.7.1444

9. Глушакова О. В., Вайсберг Я. А. Оценка эффективности стратегической архитектуры системы публичного управления социально-экономическим развитием территории. Новосибирск: САФБД, 2014. 269 с.
Glushakova O. V., Vaysberg Ya. A. *Evaluation of the effectiveness of the strategic architecture of the public administration system for the socio-economic development of the territory.* Novosibirsk: SAFB, 2014, 269. (In Russ.)
10. Кузьмин Д. В., Ященко В. В., Бычков А. А. Теоретическое развитие подходов к построению архитектуры системы стратегического управления социально-экономическим развитием. *Государственный аудит. Право. Экономика*. 2012. № 4. С. 108–112.
Kuz'min D. V., Yashchenko V. V., Bychkov A. A. Theoretical development of approaches to the formation of the system of strategic management of social and economic development. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika*, 2012, (4): 108–112. (In Russ.)
11. Фадейкина Н. В., Леонов В. В., Баранова И. В., Бовин А. А., Никифорова Л. Е., Пепеляева Л. В., Притупов В. Г., Павлов С. И. Развитие инструментария взаимодействия субъектов системы публичного управления социально-экономическим развитием территории. Новосибирск: САФБД, 2012. 444 с.
Fadeikina N. V., Leonov V. V., Baranova I. V., Bovin A. A., Nikiforova L. E., Pepelyaeva L. V., Pritupov V. G., Pavlov S. I. *Tools development for interaction of the public administration system subjects for the socio-economic development of the territories*. Novosibirsk: SAFB, 2012, 444. (In Russ.)
12. Шишова А. П. Реализация стратегии государственной культурной политики в сфере сохранения культурного наследия. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2020. № 3. С. 203–211. https://doi.org/10.26456/2219-1453/2020.3.203
Shishova A. P. Implementation of the state cultural policy strategy for the preservation of cultural heritage. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: ekonomika i upravlenie*, 2020, (3): 203–211. (In Russ.) https://doi.org/10.26456/2219-1453/2020.3.203
13. Костина А. В., Луков В. А., Хорина Г. П. Культура и национальная безопасность России: основные идеологические принципы (политологический анализ). *PolitBook*. 2015. № 4. С. 140–153.
Kostina A. V., Lukov V. A., Horina G. P. Culture and national security of Russia: basic ideological principles: politological analysis. *PolitBook*, 2015, (4): 140–153. (In Russ.)
14. Петрова Л. Е., Ахьямова И. А., Трофимова Е. Е., Егорова А. А. Культура современности, современность в культуре: как реализовать национальную стратегию в условиях глобальных вызовов. *Вопросы управления*. 2021. № 2. С. 134–145. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-134-145
Petrova L. E., Akhyamova I. A., Trofimova E. E., Egorova A. A. Culture of modernity, modernity in a culture: how to implement the national strategy under the conditions of global challenges. *Management Issues*, 2021, (2): 134–145. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-134-145
15. Девятов Р. С. Национальные стратегии государственной культурной политики в условиях глобализации. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 10. С. 9–16.
Devyatov R. S. National strategies of state cultural policy in the context of globalization. *Etnosotsium and international culture*, 2020, (10): 9–16. (In Russ.)
16. Бетехтин А. В. Кадровый резерв в сфере культуры: ориентиры и стратегии региональной культурной политики. *Вестник культуры и искусств*. 2020. № 4. С. 58–63.
Betekhtin A. V. Personnel reserve in the sphere of culture: regional cultural policy orientations and strategies. *Culture and Arts Herald*, 2020, (4): 58–63. (In Russ.)
17. Поляков Т. П., Зотова Т. А., Пустовойт Ю. В., Нельзина О. Ю., Корнеева А. А. *Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»*. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с. https://doi.org/10.34685/HI.2020.11.84.020
Polyakov T. P., Zotova T. A., Pustovoit Yu. V., Nelzina O. Ju., Korneeva A. A. *Exposition activities of museums in the context of the implementation of the "Strategy of the state cultural policy through 2030"*. Moscow: Heritage Institute, 2021, 438. (In Russ.) https://doi.org/10.34685/HI.2020.11.84.020
18. Van der Ploeg F. The making of cultural policy: a European perspective. *CESifo Working Paper,* 2005, (1524). http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.812309
19. Alemanno A. S*takeholder engagement in regulatory policy.* Regulatory Policy Outlook, OECD Publishing, 2015, 62.
20. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия. *Научные труды Северо-Западной академии государственной службы*. 2011. Т. 2. № 2. С. 166–178.
Vostryakov L. E. The state cultural policy: cognitive models and state distinctions. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*, 2011, 2(2): 166–178. (In Russ.)

оригинальная статья

Эволюция регионального электорального процесса (на материале Кемеровской области – Кузбасса)

Кисляков Михаил Михайлович
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-4450-0432
m.kislyakov@mail.ru

Востриков Константин Валерьевич
Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-9132-9175

Поступила 17.01.2022. Принята после рецензирования 10.03.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Рассмотрены основные теоретические и практические аспекты электорального процесса: понятие *региональный электоральный процесс*, сущность и структура регионального электорального процесса, критерии выделения стадий регионального электорального процесса, факторы, влияющие на эффективность региональных выборов. Выделены общие тенденции, характерные для избирательного процесса в России в целом, специфика регионального электорального процесса, показаны изменения формы и содержания региональных выборов, определены перспективы развития регионального электорального процесса. Объект – региональные выборы, предмет – региональный электоральный процесс. Цель – проанализировать изменения в подходах исследования, формах и содержании регионального электорального процесса. Исследование базируется на историко-сравнительном, системном и вторичном анализе, выявлении сильных и слабых сторон избирательных кампаний, их возможностей и угроз, перспектив на выборах депутатов в ГД РФ в 1993–2021 гг. в Кузбассе. В региональном электоральном процессе имели место как общероссийские тенденции, так и региональные особенности, позитивные и негативные аспекты. Произошли изменения двух подсистем регионального электорального процесса: деятельности по подготовке и проведению региональных выборов и непосредственно процесса голосования (электоральная активность избирателей региона). Изменилось федеральное и региональное избирательное законодательство. Политический выбор избирателей Кемеровской области – Кузбасса стал более прагматичным.
Ключевые слова: электоральный процесс, факторы эффективности региональных выборов, форма региональных выборов, содержание региональных выборов, перспективы регионального электорального процесса

Цитирование: Кисляков М. М., Востриков К. В. Эволюция регионального электорального процесса (на материале Кемеровской области – Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 145–152. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-145-152

full article

Evolution of the Regional Electoral Process in the Kemerovo Region

Mikhail M. Kislyakov
Siberian Institute of Management (branch) of RANEPA, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-4450-0432
m.kislyakov@mail.ru

Konstantin V. Vostrikov
T. F. Gorbachev State Technical University, Russia, Kemerovo
kvv-politik@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9132-9175

Received 17 Jan 2022. Accepted after peer review 10 Mar 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abctract: The present research featured regional elections and electoral processes. The objective was to analyze the changes in research approaches, forms, and content of elections. The historical-comparative, systemic, and secondary analysis made it possible to identify the strengths, weaknesses, opportunities, and threats for election campaigns to the State Duma in the Kemerovo region in 1993–2021. The article focuses on the concept, structure, stages, essence, efficiency, and trends of the electoral process in Russia and in the region.
Keywords: electoral process, efficiency factors of regional elections, form of regional elections, content of regional elections, perspectives of regional electoral process

Citation: Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Evolution of the Regional Electoral Process in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 145–152. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-145-152

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Выборы в регионах России приобретают особую значимость и актуальность в современной научной политологической литературе. Исследование теоретических и практических аспектов региональных выборов необходимо, на наш взгляд, по ряду причин: 1) важно выяснить, как изменились подходы к изучению региональных избирательных кампаний в современной России; 2) проанализировать, как изменились по форме и содержанию региональные выборы; 3) определить перспективы развития регионального электорального процесса.

Анализ научной литературы, посвященной проблеме развития регионального электорального процесса, позволяет утверждать, что исследователями проделана определенная работа по изучению таких аспектов, как участие молодежи в выборах на региональном уровне в регионах Юго-Западной Сибири [1]; выяснение соотношения региональных политических режимов и электорального процесса [2]; специфика регионального электорального процесса на примере выборов в законодательный орган[1]; соотношение теории и практики регионального электорального процесса [3]; проблемы региональной электоральной политики и вопросы региональной электоральной конкуренции [4–6]; вопросы электорального участия молодежи на общероссийском уровне [7–9]. Вместе с тем пока не нашли отражение вопросы изменения подходов к исследованию форм и содержания регионального электорального процесса. При этом важно выяснить, что собой представляет понятие *региональный электоральный процесс*, какова его сущность, структура, каковы критерии выделения стадий регионального электорального процесса, современное состояние и перспективы.

Специфика понятия *электоральный процесс* базируется на следующих составляющих: отсутствие законов, определяющих сроки протекания электорального процесса; широкий круг участников электорального процесса; экономические, социально-политические, социокультурные, правовые и другие факторы.

Представляет определенный научный интерес точка зрения, что электоральный процесс можно рассматривать как систему и как процесс. Системный подход позволяет анализировать электоральный процесс как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов. Рассмотрение региональных выборов как процесса позволяет увидеть основных участников, их цели, отношения, конечные результаты выборов.

На сегодня в научной литературе общее понятие *электоральный процесс* рассматривается на двух уровнях: 1) деятельность субъектов электорального процесса, политических партий, кандидатов; 2) деятельность объектов электорального процесса, т. е. избирателей, и их участие в голосовании.

Для нас важно выяснить содержание понятия *региональный электоральный процесс*. Одни авторы считают, что он напрямую связан с региональным политическим режимом (С. В. Бирюков, Е. В. Мельниченко). Другие, в том числе и авторы данной статьи, считают, что региональный электоральный процесс – это деятельность и отношения субъектов и объектов политики на уровне конкретного региона, направленные на изменение форм и содержания организации и проведения региональных выборов.

Теоретические и практические аспекты электорального процесса

Понятие *региональный электоральный процесс*

На наш взгляд, можно дать такое определение понятия *региональный электоральный процесс* – это деятельность и отношения субъектов и объектов политики по подготовке и проведению выборов в регионе, направленные на изменение форм и содержания выборов, а также деятельность по подведению итогов голосования на конкретной территории [3, с. 15].

Структура регионального электорального процесса включает: субъектов и объектов избирательного процесса; отношения, возникающие в процессе выборов; политическую деятельность по достижению целей и задач в ходе выборов; региональную электоральную политику; электоральное поведение участников регионального избирательного процесса; подведение итогов выборов в регионе.

Пока расходятся позиции исследователей и по вопросу сущности регионального электорального процесса. Заслуживает внимания точка зрения А. В. Глуховой, которая считает, что в основе анализа регионального электорального процесса должны учитываться новые идеи и новые подходы к организации и проведению региональных выборов [10]. Суть регионального электорального процесса сводится, по нашему мнению, к тому, чтобы осуществить деятельность по изменению и развитию избирательной системы, достижению конечного положительного результата на выборах в регионе.

Важно определиться и с основными стадиями электорального процесса. Как считают многие исследователи (и мы придерживаемся этой позиции), таких стадий может быть четыре: 1) предвыборная борьба; 2) непосредственно сами выборы; 3) подведение итогов выборов; 4) последствия выборов на политический процесс в регионе. Для определения основных стадий электорального процесса необходимо выделить критерии, по которым их можно различать. В качестве таких критериев могут послужить: 1) хронологические рамки избирательного процесса; 2) территориальные рамки; 3) форма и содержание электорального процесса; 4) воздействие электорального процесса на региональный политический процесс.

[1] Барсуков А. Специфика электорального процесса в Кемеровской области. *Лаборатория региональных политических исследований*. 26.10.2008. URL: http://www.regional-science.ru/2008/10/26/kemerovo-elections-barsukov/ (дата обращения: 28.04.2017).

Изменения в подходах к изучению проблем регионального электорального процесса

Если на первых этапах, в конце 1980-х гг., проблемы регионального электорального процесса обобщали политики-практики, то с середины 1990-х гг. эти проблемы получили отражение в специальных научных исследованиях (статьях, кандидатских и докторских диссертациях). В конце 1990-х гг. получила развитие отдельная отрасль политической науки – политическая регионалистика. В числе тех, кто стоял у истоков развития проблем политической регионалистики, были московские исследователи – выпускники Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Л. Смирнягин, Н. Петров, В. Колосов, А. Березкин и др. Существенный вклад в развитие организационных и функциональных аспектов региональных избирательных кампаний в России внесли Е. В. Ефанова [11], Е. М. Корнеева [12], М. А. Клименков [13], М. Фарукшин и др. [14], В. Я. Гельман и С. И. Рыженков [15], С. В. Бирюков [16] и др.

На современном этапе развития изучения регионального электорального процесса можно отметить работу Ю. Д. Петрова и Н. А. Григорьева о региональной электоральной конкуренции на выборах в Республике Саха (Якутия). Они отмечают, что «на данный момент в регионе созданы институциональные предпосылки для оживления политического поля и конкуренции на выборах регионального и муниципального уровня» [17, с. 111].

Точку зрения на региональный электоральный процесс в контексте губернаторских выборов излагает ярославский политолог И. А. Мамзелев. Он выделяет три этапа в становлении института губернаторских выборов и отмечает, что «в отсутствие позитивных тенденций в социально-экономической сфере, при растущих публичности политических процессов и возможностях для самоорганизации политических акторов любой сбой в системе ручного регулирования из федерального центра ситуации в регионах будет оборачиваться все более серьезными последствиями» [18, с. 33].

Д. А. Ежов характеризует выборы 2021 г. с позиции электоральных перспектив новых политических партий и отмечает определенный общественный запрос на новых политических акторов, которые могут разбавить политическую «палитру» традиционных партий [19]. Ю. Б. Бочаров и М. В. Буланов пишут о наличии влияния административного ресурса на электоральное поведение: «административный ресурс – величина динамически изменяющаяся, поэтому крайне важно понимать, в каких пределах она варьирует» [20, с. 95].

Электоральное поведение приграничных территорий исследует М. Н. Шестакова. По ее мнению, «могут представлять интерес следующие задачи: оценка вероятности особого типа голосования в приграничных регионах и потенциала влияния определенных политических сил, более лояльных к приграничному соседу, независимо от идеологической составляющей; изучение значения внешнеэкономической ориентации, а также этнического фактора в электоральном поведении населения приграничных территорий» [21, с. 50].

Отдавая должное той большой работе, которая была проделана, мы должны констатировать, что пока в научной литературе не нашли освещения вопросы эволюции регионального электорального процесса и итоги последней избирательной кампании (2021 г.) по выборам депутатов Государственной Думы РФ в таком крупном и своеобразном регионе, каким является Кемеровская область – Кузбасс.

Факторы эффективности по подготовке и проведению региональных выборов

Как полагают многие исследователи, эффективность по подготовке и проведению выборов в стране зависит от следующих факторов:

1. Развитые институты собственности и развитые рыночные отношения, которые требуют свободы предпринимательства.
2. В социальной сфере эффективность выборов связана с наличием многочисленного среднего класса.
3. Наличие высокого уровня политической культуры, наличие образования у граждан и наличие демократических традиций.

Можно утверждать, что эти же факторы характерны и для региональных выборов. Но при этом проявляются специфические особенности каждого конкретного региона, которые формировались на базе политического ресурса региональных лидеров, социально-политической структуры, структуры населения. Не меньшее значение имеет национально-религиозная структура общества с ее четко иерархизированными отношениями, позволяющая в кратчайшие сроки мобилизовать электорат для проведения избирательных кампаний. Например, в Кемеровской области, где были сильны позиции губернатора А. Г. Тулеева в 1990-е гг., избиратели региона отдавали свои предпочтения представителям КПРФ, а с начала 2000-х гг. и далее – представителям правящей партии, т. е. Единой России.

В настоящее время в России насчитывается 85 субъектов, в каждом из которых имеют место как общие тенденции, так и особенности в развитии избирательного процесса. В одних регионах существуют традиционалистские тенденции голосования за тех кандидатов или политические силы, на которых указывает авторитетный в регионе политический актор или группа. Другие регионы демонстрируют протестное голосование в силу удаленности от основных ресурсов, как правило, это наиболее сильно удаленные георгафически от центра регионы. В третьих регионах голосуют исходя из социально-экономической коньюнктуры, в зависимости от того, как в общефедеральные социально-экономические и политические процессы встраиваются региональные элиты.

Общие тенденции избирательного процесса в России

С точки зрения нормативно-правового и организационного характера избирательного процесса выборы проходят на альтернативной основе. Это подтверждает то, что на выборах в регионах регистрируются многочисленные списки кандидатов. Однако есть факт снятия некоторых кандидатов с выборов, как наблюдалось с кандидатами в большинстве избирательных участков Москвы. Организаторы выборов опасались прохождения в парламент представителей несистемной оппозиции, пользующихся традиционно довольно значительной поддержкой жителей данного региона.

На всей территории используются как чистые технологии (не нарушают процесс), так и грязные (подкуп пенсионеров, война компроматов). Последние имеют тенденцию к затуханию, поскольку этим технологиям на законодательном уровне поставлен заслон. Кроме того, электорат в значительной степени знаком с подобными технологиями благодаря распространению информации в социальных сетях и Интернете, которыми пользуется большинство более или менее активных граждан. Также гражданами на протяжении различных избирательных циклов за время новейшей российской истории получен «коллективный иммунитет» от подобного рода технологий. Чистые технологии в большинстве случаев остаются без внимания электората, особенно если нет намека на конкретные мероприятия, пусть даже в перспективе.

На выборах проявляются особенности политического процесса. Эта особенность в основном заключается в том, в каком регионе и по какой причине проиграет или наберет меньшее количество голосов кандидаты от «партии власти» или лояльный федеральному центру кандидат. Большое значение будет играть политическая повестка сегодняшнего дня в каждом регионе, особенно в демонстрирующем смешанные политические предпочтения в рамках разных избирательных циклов.

Факторы, оказывающие влияние на ход избирательных кампаний в регионе: социально-экономические; социально-политические; политико-психологические [3, с. 20].

Пример Кемеровской области – Кузбасса

Изменение формы и содержания регионального электорального процесса

Если сравнивать общероссийские и региональные тенденции в развитии электорального процесса, мы можем констатировать, что Кемеровская область – Кузбасс прошла свой особый путь в организации и проведении избирательных кампаний по выборам депутатов ГД РФ.

1. Первые выборы депутатов ГД РФ прошли в регионах России в декабре 1993 г. Эти выборы проходили по смешанной избирательной системе, т. е. половина состава депутатов ГД РФ избиралась по пропорциональной системе (партийным спискам), а половина – в одномандатных округах. Отличительной особенностью этих выборов было то, что они проводились не на основе законов, а на основе указов Президента РФ Б. Н. Ельцина. По своему содержанию это были конкурентные выборы, поскольку в ходе выборов в них приняли участие практически все основные политические партии страны. Все участники избирательного марафона имели возможность представить свои предвыборные программы, а кандидаты – донести до избирателей свою позицию. В итоге проведенных выборов от Кемеровской области в ГД РФ было избрано пять депутатов, кроме того, в Совет Федерации РФ – два депутата. Как и в целом по стране, в Кемеровской области в качестве победителя среди политических партий оказались представители партии ЛДПР РФ.

2. 1995 г. К этому времени уже появился общефедеральный закон, в котором прописывались основные гарантии избирателей на выборах депутатов ГД РФ. Выборы прошли по смешанной избирательной системе, при этом несколько в иной обстановке в стране и при наличии иной правовой базы. Накануне выборов страна имела Конституцию, принятую в декабре 1993 г., общефедеральные законы: Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ (1994 г.), О выборах депутатов ГД Федерального Собрания РФ (июнь 1995 г.).

3. 1999 г. Избиратели Кемеровской области свое предпочтение отдали представителям политической партии «Единство». Значительно меньше голосов получили в регионе оппозиционные политические партии. Практически утратили свое влияние представители КПРФ и ЛДПР.

4. 2003 г. Избиратели Кемеровской области выразили поддержку политической партии «Единая Россия» (52,24 %). Поддержка партии власти стала возможной благодаря тому, что она была поддержана губернатором А. Г. Тулеевым. Своеобразие этой избирательной кампании состоит в том, что на второе место вышла политическая партия ЛДПР (13,38 %). Коммунисты получили всего лишь 7,91 % голосов избирателей.

5. 2007 г. Выборы прошли на основе пропорциональной избирательной системы. При этом избиратели продемонстрировали приверженность политической партии «Единая Россия». Отличительной особенностью стало то, что избиратели Кемеровской области, по сравнению с другими регионами Сибирского федерального округа, оказали наибольшую поддержку партии «Единая Россия».

6. 2011 г. Выборы прошли аналогично 2007 г.

7. 2016 г. Выборы проходили по смешанной избирательной системе. В ходе этой кампании избиратели Кемеровской области оказали наибольшую поддержку политической партии «Единая Россия» (77,33 %).

8. 2021 г. В отличие от всех предыдущих избирательных кампаний выборы депутатов ГД РФ в сентябре 2021 г. прошли в связи с короновирусом в три дня, 17–19 сентября. М. С. Григорьев отметил возрастающую политическую конкуренцию перед выборами в ГД РФ и в некоторых

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-145-152

субъектах РФ[2]. На выборах использовалась система электронного голосования. Эта система показала свои плюсы и минусы. С одной стороны, она позволила снять человеческий фактор, но с другой – было меньше возможности проконтролировать процесс голосования.

Один из наиболее важных показателей в ходе избирательных кампаний – явка избирателей. Как показывает электоральная статистика в Кемеровской области, на выборах депутатов ГД РФ политическая активность избирателей Кузбасса постоянно менялась (табл. 1[3]). Если в 1993–1999 гг. явка избирателей региона была ниже, чем в целом по России, то в последующие годы – выше. Изменялись и политические предпочтения: если в начале 1990-х гг. избиратели региона поддерживали оппозиционные партии, то с конца 1990-х гг. – партию власти (табл. 2).

Табл. 1. Явка избирателей в РФ и Кузбассе, 1993–2021 гг., %
Tab. 1. Voter turnout in the Russian Federation and the Kemerovo Region, 1993–2021, %

Территориальное образование	1993	1995	1999	2003	2007	2011	2016	2021
РФ	54,81	64,76	61,85	55,75	63,71	60,2	47,8	51,72
Кузбасс	53,26	61,32	55,29	56,51	78,13	64,43	86,8	73,57

Табл. 2. Партии-победители в Кемеровской области – Кузбассе на выборах депутатов ГД РФ, 1993–2021 гг.
Tab. 2. Winning parties in the State Duma of the Russian Federation and the Kemerovo Region, 1993–2021

Год	Партия-победитель	% голосов	
		Кузбасс	РФ
1993	ЛДПР	29,40	22,92
1995	КПРФ	48,10	12,40
1999	Единство	30,00	23,30
2003	Единая Россия	52,24	37,60
2007	Единая Россия	76,76	64,10
2011	Единая Россия	64,24	49,34
2016	Единая Россия	77,33	54,20
2021	Единая Россия	70,75	49,82

Электоральный процесс протекает в соответствии с проводимой в регионе электоральной федеральной политикой. Как отмечают специалисты в области электоральной политики, в нашей стране только формируются основные направления этой политики. Аналогичная ситуация проявляется и в регионах России.

Мы полагаем, в Кемеровской области сложились основные контуры электоральной политики. Требуется время для того, чтобы электоральная политика стала достаточно эффективной. Какие варианты возможны? На наш взгляд, следует четко определить приоритеты и направления электоральной политики. В регионе она во многом зависит от тех, кто ее осуществляет, и тех, на кого она направлена. В качестве субъектов электоральной политики выступают кандидаты в депутаты, главы регионов, политические партии, непосредственно организаторы выборов, в качестве объектов – граждане региона. Электоральная политика может быть эффективной в том случае, если она в полной мере учитывает соотношение и интересы всех политических сил в регионе, обеспечивает участие в выборах большинства состава электората региона.

Сильные и слабые стороны избирательных кампаний в регионе и в Сибири

Сильные стороны избирательных кампаний в регионе:

1. Гораздо более высокая политическая активность избирателей региона на выборах депутатов ГД РФ, в отличие от выборов в региональный законодательный орган и органы местного самоуправления.
2. Постоянное совершенствование форм и методов организации и проведения выборов.
3. Внедрение в ходе избирательных кампаний современных технологий, в частности политического маркетинга, который претерпевает качественные изменения. Он не решает все проблемы избирательных кампаний, в связи с этим необходимо модернизировать его технологии [22].

Слабые стороны избирательных кампаний в регионе:

1. Отсутствие реальной политической конкуренции.
2. Недостаточно полное и своевременное освещение в региональных СМИ хода предвыборной и выборных кампаний.
3. На фоне других регионов Сибири Кемеровская область – Кузбасс выглядит вполне лояльным регионом по отношению к центру. Так, если в большинстве регионов наблюдалась низкая явка избирателей на выборы

[2] Григорьев М. С. Политическая конкурентность на современных выборах в России. Доклад. Фонд исследования проблем демократии. 2021. URL: http://www.opso66.ru/attachments/article/1790/Доклад%20М.С.%20Григорьева%20-%20Политическая%20конкурентность%20на%20выборах%20(1).pdf (дата обращения: 15.12.2021).

[3] Таблицы 1 и 2 составлены авторами на основе данных источников: Российские регионы накануне выборов-95. М.: Юрид. лит., 1995. С. 99; Российские регионы после выборов-96. М.: Юрид. лит., 1997. С. 562; Кузбасс. 09.12.2003; Кузбасс. 04.12.2007; Как голосовали регионы. *Российская газета*. 08–14.12.2011. № 277; ЦИК назвал фамилии депутатов новой Госдумы. 44 лоббиста Большого Урала. 23.09.2016. URL: https://ura.news/news/1052262452 (дата обращения: 27.04.2017); Как голосовали регионы. *Российская газета*. 24.09.2021.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-145-152

депутатов Государственной Думы Российской Федерации, то в Кузбассе, наоборот, высокая. Как считают исследователи избирательного процесса, в Новосибирской области низкая явка избирателей связана с низким уровнем вовлеченности в политический процесс большинства жителей. Такой позиции придерживается известный политолог Дмитрий Березняков. Несколько иную точку зрения имеет Алексей Петров[4]. По его мнению, жители Сибири демонстрируют свой протест на выборах в связи с тем, что центр рассматривает Сибирь как сырьевой придаток, и протестное голосование направлено против «вторичности» положения региона. Комплексный подход к анализу проблемы уклонения избирателей от участия в выборах дан в статье [23], по мнению авторов, причины роста абсентеизма в регионах связаны как с экономическими, так и социальными, политическими и культурными условиями.

Возможности и угрозы избирательных кампаний в Кемеровской области – Кузбассе

Какие возможности не были использованы в ходе избирательных кампаний? Не был использован потенциал партнерства организаторов выборов и непосредственно избирателей Кемеровской области – Кузбасса. Не были привлечены институты гражданского общества, в частности общественные советы по наблюдению за ходом выборов. Имели место и отдельные угрозы. Массовый характер могло приобрести протестное голосование. Большинство избирателей могли проигнорировать выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации.

Перспективы развития регионального электорального процесса

Региональный электоральный процесс протекает в конкретных социально-экономических, социально-политических и социокультурных условиях. Можно предположить, что есть два основных сценария развития регионального электорального процесса.

1. В регионе могут получить развитие демократические принципы организации и проведения избирательных кампаний. Такое развитие событий возможно при соблюдении следующих условий: в регионе необходимо добиться достижения экономической и политической стабильности; важно решить основные социальные проблемы, проблемы, связанные с формированием у граждан потребности участия в выборах; должна получить развитие реальная политическая конкуренция [24].

2. В условиях преобладания авторитарных тенденций в регионе электоральный процесс будет носить антидемократический характер. Выборы превратятся в формальную процедуру.

Заключение

В 1993–2021 гг. региональный электоральный процесс в Кемеровской области – Кузбассе претерпел существенные изменения. Изменилась организация и проведение региональных выборов и сам процесс голосования. От применения отдельных современных политических и избирательных технологий постепенно перешли к внедрению системы регионального политического маркетинга, учитывающей особенности и специфику каждого конкретного региона. Изменилось и содержание электорального процесса. Если первые выборы депутатов ГД РФ прошли в соответствии с Указами первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, то последующие – с использованием законов о выборах депутатов ГД РФ. Изменилась процедура проведения выборов. Последние выборы, а точнее в 2016 и 2021 г., проходили на основе смешанной избирательной системы. Таким образом, организаторы выборов вернулись к тому, от чего ушли в 2007 и 2011 г.

Изменились политические предпочтения и политический выбор избирателей Кузбасса. Они стали более прагматичными. Свое предпочтение они отдавали не тем, кто много обещает, а тем, кто больше делает. На политический выбор электората региона большое влияние оказали позиция и отношение к политическим партиям губернаторов А. Г. Тулеева и С. Е. Цивилева. Выйдя из «красного пояса» в конце 1990-х гг., избиратели Кемеровской области окончательно определились со своим отношением к политическим партиям. Переход на центристские позиции избирателей региона связан с теми существенными изменениями, которые произошли в социально-экономической и социально-политической жизни региона в начале 2000-х гг. Эти изменения привели к экономической и политической стабильности в регионе, к формированию более рационального выбора электората региона.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. М. Кисляков – концептуализация, анализ научной литературы, сбор данных, написание первоначального варианта текста, редактирование. К. В. Востриков – подбор и анализ научной литературы, сбор данных, редактирование.
Contribution: M. M. Kislyakov – conceptualization, scientific literature analysis, data collection, writing – original draft and editing. K. V. Vostrikov – scientific literature data and analysis, data collection, writing – editing.

[4] Выборы в Госдуму в 2021 году: как проголосовала Сибирь. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/vybory-v-gosdumu-v-2021-godu-kak-progolosovala-sibir_421290/nsk/nsk (дата обращения: 15.12.2021).

Литература / References

1. Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов: тенденции и перспективы (на примере регионов юго-западной Сибири). *Политическая наука*. 2019. № 1. С. 186–205.
Aseeva T. A., Shashkova Y. Y. Young people in regional electoral processes of the 2010's: trends and prospects (on the base of South-Western Siberian regions). *Political Science*, 2019, (1): 186–205. (In Russ.)
2. Бирюков С. В., Мельниченко Е. В. Электоральный процесс и становление региональных политических режимов (на примере Кемеровской области). *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2002. № 1. С. 32–56.
Biryukov S. V. Melnichenko E. V. The electoral process and the formation of regional political regimes in the Kemerovo Region. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2002, (1): 32–56. (In Russ.)
3. Кисляков М. М. Региональный электоральный процесс: теория и практика. Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 136 с.
Kislyakov M. M. *Regional electoral process: theory and practice.* Kemerovo: Plekhanov Russian University of Economics Kemerovo branch, 2017, 136. (In Russ.)
4. Курочкин А. В. Механизм ограничения электоральной конкуренции между российскими политическими партиями. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 1. С. 89–98.
Kurochkin A. V. The limitations mechanism of electoral competition between Russian political parties. RSUH/*RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2020, (1): 89–98. (In Russ.)
5. Курочкин А. В. Причины ограниченной электоральной конкуренции российских политических партий. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. 2019. Т. 29. С. 19–27. https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.19
Kurochkin A. V. Reasons for limited electoral competition of Russian political parties. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, 29: 19–27. (In Russ.) https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.19
6. Курочкин А. В. Дефекты ограничения электоральной конкуренции между политическими партиями в России и в зарубежных странах: сравнительный анализ. *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 11. С. 43–47. https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.6
Kurochkin A. V. Defects of restriction of electoral competition between political parties in Russia and in foreign countries: comparative analysis. *Society: Politics, Economics, Law,* 2019, (11): 43–47. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.6
7. Низамов Р. Р. Электоральная активность молодежи: понятие и современное состояние. *Молодой ученый*. 2017. № 37. С. 62–64.
Nizamov R. R. Electoral activity of youth: concept and current state. *Molodoi uchenyi*, 2017, (37): 62–64. (In Russ.)
8. Пырма Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах Президента России 2018 года. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9. № 2. С. 50–57. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57
Pyrma R. V. Electoral participation of youth in the election of the president of Russian Federation in 2018. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta*, 2019, 9(2): 50–57. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57
9. Костенко Ю. В., Баранов А. В., Пеницын Ю. А., Скоробогатов В. В. Электоральное участие российской молодежи в контексте электоральной политики. Краснодар: КубГУ, 2019. 227 с.
Kostenko Yu. V., Baranov A. V., Penitsyn Yu. A., Skorobogatov V. V. *Electoral participation of Russian youth in the context of electoral politics*. Krasnodar: KubSU, 2019, 227. (In Russ.)
10. Глухова А. В. Парламентские выборы 2016 года как институционализированный конфликт: общенациональные итоги и региональная специфика. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2016. № 4. С. 27–31.
Glukhova A. V. Parliamentary elections 2016 in Russia as an institutionalized conflict: national and regional specificity. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2016, (4): 27–31. (In Russ.)
11. Ефанова Е. В. Организационные и функциональные черты региональных избирательных кампаний в России. *Вестник Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения.* 2021. Т. 5. № 2. С. 179–185. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-179-185
Efanova E. V. Organizational and functional features of regional election campaigns in Russia. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2021, 5(2): 179–185. (In Russ.) https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-179-185
12. Корнеева Е. М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход. *Политическая наука*. 2021. № 3. С. 229–250. https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10
Korneyeva E. M. Local voting in Russia: a spatial-econometric approach. *Political Science*, 2021, (3): 229–250. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10

13. Клименков М. А. Научно-экспертное сообщество и власть:специфика и модели взаимодействия (на примере регионов СФО). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2020. Т. 5. № 3. С. 296–304. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304
Klimenkov M. A. Scientific-and-expert community and government: specifics and models of interaction in the Siberian Federal District. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2020, 5(3): 296–304. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-3-296-304
14. Российская политическая регионалистика, науч. ред. О. И. Зазнаев, А. Г. Большаков. Казань: Отечество, 2011. 264 с.
Russian political regional studies, eds. Zaznaev O. I., Bolshakov A. G. Kazan: Otechestvo, 2011, 264. (In Russ.)
15. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Политическая регионалистика России: история и современное развитие. *Политическая наука*. 1999. № 3. С. 172–255.
Gelman V. Ya., Ryzhenkov S. I. Political regional studies of Russia: history and modern development. *Political Science*, 1999, (3): 172–255. (In Russ.)
16. Бирюков С. В. Региональная политическая власть: институты, структура, механизмы: автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2009. 53 с.
Biryukov S. V. *Regional political power: institutions, structures, and mechanisms*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 53. (In Russ.)
17. Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия). *Власть*. 2018. Т. 26. № 7. С. 105–112. https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5938
Petrov Yu. D., Grigor'ev N. A. Electoral competition in the regional and municipal elections in the Sakha (Yakutia) Republic. *Vlast*, 2018, 26(7): 105–112. (In Russ.) https://doi.org/10.31171/vlast.v26i7.5938
18. Мамзелев И. А. Губернаторские выборы 2012–2018 годов в России: становление, состояние, перспективы. *Социальные и гуманитарные знания*. 2019. Т. 5. № 1. С. 20–35.
Mamzelev I. A. The gubernatorial elections in Russia in 2012–2018: establishment, status, prospectives. *Social'nye i gumanitarnye znanija*, 2019, 5(1): 20–35. (In Russ.)
19. Ежов Д. А. Выборы-2021: к оценке электоральных перспектив новых политических партий. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 1. С. 32–34. 10.26140/anie-2021-1001-0006
Ezhov D. A. Elections-2021: on the assessment of the electoral prospects of new political parties. *Azimut of Scientific Research: Economics and Administration*, 2021, 10(1): 32–34. (In Russ.) 10.26140/anie-2021-1001-0006
20. Бочаров Ю. Б., Буланов М. В. Административный ресурс и его влияние на формирование электорального поведения. *Власть*. 2018. Т. 26. № 8. С. 90–96. https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6050
Bocharov Yu. B., Bulanov M. V. Administrative resource and its influence on the formation of electoral behavior. *Vlast*, 2018, 26(8): 90–96. (In Russ.) https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6050
21. Шестакова М. Н. Электоральные исследования приграничных территорий в отечественной науке: состояние и перспективы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 1. С. 43–54.
Shestakova M. N. Electoral studies of border territories in domestic science: state of art and prospects. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2020, (1): 43–54. (In Russ.) https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-62-1-043-054
22. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Чирун С. Н. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. № 50. С. 187–199. https://doi.org/10.17223/1998863X/50/16
Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Chirun S. N. Political marketing: the modernization of the concept, its methodological and politicol-technological bases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya,* 2019, (50): 187–199. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/1998863X/50/16
23. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Щеглова Д. В., Прокопенко С. А. Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций. *Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 43. С. 171–180. https://doi.org/10.17223/1998863X/43/16
Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Shheglova D. V., Prokopenko S. A. Electoral absenteeism in the context of contemporary socio-political transformations. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (43): 171–180. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/1998863X/43/16
24. Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В. Электоральная конкуренция в современной России: состояние, проблемы, перспективы. *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2020. Т. 1. № 3. С. 52–56.
Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Electoral competition in modern Russia: state, problems, prospects. *Humanities and social sciences bulletin,* 2020, 1(3): 52–56. (In Russ.)

оригинальная статья

Государственно-частное партнерство в российской системе образования: преимущества, проблемы и направления развития

Шор Инна Михайловна
Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград
https://orcid.org/0000-0003-4154-1199
shorIM@volsu.ru

Поступила 09.02.2022. Принята после рецензирования 09.03.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Цель – исследование преимуществ, актуальных проблем и направлений развития государственно-частного партнерства (ГЧП) в российской системе образования. Методологическую основу исследования составил общенаучный метод диалектического познания экономических и финансовых явлений. Применены также методы анализа, синтеза, экспертной оценки и др. Подчеркнута важность обеспечения всеохватного, доступного и качественного образования для достижения устойчивого развития страны. При этом на основе статистических данных отмечено существенное недофинансирование российской системы образования со стороны государства и, как следствие, неудовлетворительное (неработоспособное) техническое состояние имущества образовательных организаций. Сделан вывод о необходимости применения ГЧП как способа привлечения в российскую систему образования финансовых и иных ресурсов, а также способностей и компетенций частного партнера. В подтверждение вывода выделены: преимущества ГЧП в системе образования; потребности трех основных стейкхолдеров проектов ГЧП, удовлетворяемые посредством организации в системе образования партнерства государства и бизнеса; социально-экономические эффекты реализации проектов ГЧП в системе образования. На основе выявленных финансовых, экономических, правовых, управленческих и иных проблем ГЧП в российской системе образования сформулированы практические рекомендации по их устранению: содействие на государственном (местном) уровне развитию проектного финансирования; разработка универсальных коробочных решений для типовых объектов образования; формирование легитимного инструмента изменения проектов ГЧП и др. Вышеотмеченное в совокупности с анализом современного состояния отечественного рынка ГЧП в образовании позволило сделать выводы о важности применения системного подхода к формированию и развитию практики ГЧП в российской системе образовании. Практическая применимость представленных в статье материалов заключается в возможности их использования при принятии управленческих решений, связанных с развитием российской системы образования на основе ГЧП и направленных на обеспечение устойчивого развития страны.
Ключевые слова: ГЧП, российская система образования, устойчивое развитие, государство, бизнес, население, частный партнер, публичный партнер, проекты

Цитирование: Шор И. М. Государственно-частное партнерство в российской системе образования: преимущества, проблемы и направления развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 153–161. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-153-161

full article

Public-Private Partnership in the Russian Education System: Advantages, Problems, and Directions of Development

Inna M. Shor
Volgograd State University, Russia, Volgograd
https://orcid.org/0000-0003-4154-1199
shorIM@volsu.ru

Received 9 Feb 2022. Accepted after peer review 9 Mar 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: The present article describes the advantages, current problems, and development directions of public-private partnership in the Russian education system. Sustainable development requires inclusive, affordable, and high-quality education. Statistical data demonstrated a significant state underfunding of the Russian education system and, as a result, the poor technical state of education facilities in the country. Therefore, public-private partnership can serve as a way to attract financial resources and competences of private partners to the education system. The paper focuses on such issues

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

as the advantages of public-private partnership in the education system, the needs of the main stakeholders of public-private partnership projects, socio-economic effects of public-private partnership, etc. Based on various financial, economic, legal, and managerial issues, the author gives practical recommendations, e.g., state assistance at the local level, universal box solutions for standard education facilities, a new legitimate tool for changing public-private partnership projects, etc. The problem needs a systematic approach. The study relied on the general scientific method of dialectical cognition of economic and financial phenomena, as well as analysis, synthesis, and expert evaluation. The systematic approach can facilitate managerial decisions in the sphere of education and public-private partnership.
Keywords: public-private partnership, Russian education system, sustainable development, state, business, population, private partner, public partner, projects

Citation: Shor I. M. Public-Private Partnership in the Russian Education System: Advantages, Problems, and Directions of Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 153–161. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-153-161

Введение

На современном этапе развития повышенное внимание со стороны государства и бизнеса на национальном и мировом уровнях уделяется вопросам устойчивого развития. В 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН были разработаны цели в области устойчивого развития для достижения лучшего и устойчивого будущего для всех без исключения. В данном случае речь идет о семнадцати целях устойчивого развития, затрагивающих экономическую, экологическую, социальную и иные области. Четвертая цель связана с обеспечением всеохватного и справедливого качественного образования и поощрением обучения. Таким образом, можно говорить о ключевой роли образования в достижении устойчивого развития [1–3]. В связи с этим подчеркнем ряд важных моментов:

1. Получение образования занимает одно из центральных мест в улучшении социально-экономических условий жизни людей. При этом оно способствует предотвращению социального неравенства (в частности, гендерного), расширению человеческих возможностей жить благополучно и стабильно, а также формированию мирных обществ.

2. Специфичность образования как системообразующего института заключается в том, что, с одной стороны, оно сохраняет и воспроизводит традиционные формы и отношения, сложившиеся в стране, а с другой – активно участвует в создании инноваций, предопределяющих дальнейшие перспективы общественного развития. Кроме того, инновационная составляющая функционирования данного института дополняется социальной, связанной с его участием в формировании и развитии человеческого капитала как фактора модернизации экономики, перехода к новым технологическим укладам и обеспечения достойного ответа вызовам современного общества [4].

3. Образование с позиции традиционного подхода можно рассматривать как институт, участвующий в передаче и закреплении опыта поколений и присущих обществу ценностей. Вместе с тем на современном этапе развития важно делать иной акцент: образованию необходимо фокусироваться не столько на передаче и закреплении опыта и ценностей, сколько на подготовке индивида к будущему, которое будет отличаться от прошлого. Таким образом, возрастает значимость выбора индивидом образовательной траектории, его мотивации в получении образования и проектировании своего будущего. Следовательно, можно говорить о переходе от продуктоцентризма к человекоцентризму в образовании.

В настоящее время образование выступает одним из неотъемлемых элементов национальных целей развития России до 2030 г. (в частности, цели, связанной с возможностями для самореализации и развития талантов), т. к. оно содействует устойчивому развитию нашей страны, основанному на балансе экономики, общества, природы и способствующему экономического росту, благополучию населения и сохранению окружающей среды. Важно сделать акценты, с одной стороны, на выполнении российским государством взятых на себя обязательств по реализации прав граждан на получение общедоступного, бесплатного и качественного образования, с другой – на активизации участия бизнеса в повышении уровня образования и осуществлении вложений в формирование и развитие образовательной инфраструктуры. Соответственно, общий успех в достижении государством и бизнесом поставленных в области образования задач во многом предопределяет возможности поиска обществом наилучших решений настоящих и будущих глобальных проблем.

Проведенное исследование выявило наличие ряда работ зарубежных авторов, раскрывающих место, роль и механизм применения государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере образования [5; 6]. Наряду с этим зарубежные исследователи делают акценты на раскрытии особенностей ГЧП в базовом и дошкольном образовании [7–10]. В свою очередь, работы отечественных авторов посвящены общим экономическим, финансовым, правовым и иным основам, а также анализу современного состояния ГЧП в российской системе образования [11–18]. Кроме того, отечественные исследователи представляют зарубежный опыт применения ГЧП в образовании [19–21] и специфику ГЧП в зависимости от вида образования [22–25].

Не снижая значимости данных работ, отметим отсутствие специального исследования ГЧП в российской системе образования в контексте обеспечения устойчивого развития страны. Более того, потребность в проведении такого исследования возрастает в условиях современного кризиса, обусловленного пандемией коронавируса.

Методы и материалы

Общенаучный метод диалектического познания экономических и финансовых явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности, позволивший оценить современное состояние и выявить проблемы и перспективы ГЧП в российской системе образования, стал основным методом исследования. Также применялись: метод анализа (способствовал определению результатов реализации проектов ГЧП в российской системе образования); метод синтеза (обеспечил объединение в единое целое тенденций изменения качественных и количественных характеристик результатов реализации проектов ГЧП в российской системе образования, выделенных и исследованных в процессе их анализа); исторический метод (позволил выявить изменения в объемах финансирования системы образования и технического состояния имущества отечественных образовательных организаций); логические методы (способствовали установлению направлений развития ГЧП в российской системе образования с учетом выявленных проблем в данной области); метод экспертной оценки (содействовал определению задач, связанных с ответственностью частных партнеров за результаты реализации проектов ГЧП в российской системе образования). При подготовке статьи использован системный подход, предполагающий исследование многоаспектных вопросов развития ГЧП в российской системе образования в их единстве с учетом прямых и обратных связей. В качестве основных результатов применения вышеотмеченных методов выступило формирование комплексного представления о ГЧП как способе обеспечения всеохватного, доступного и качественного образования в контексте устойчивого развития России.

Результаты

Формирование и развитие потенциала российской системы образования во многом сдерживается недостатком ее финансирования за счет средств государства. К примеру, если провести по странам сравнительный анализ расходов государства на образование в процентах к ВВП, то можно сделать вывод, что, несмотря на рост данного показателя в России за 2020 г. по сравнению с 2017 г., его значение остается крайне низким, следовательно, предопределяет неудовлетворительное (неработоспособное) техническое состояние зданий отечественных образовательных организаций (рис. 1–3[1]).

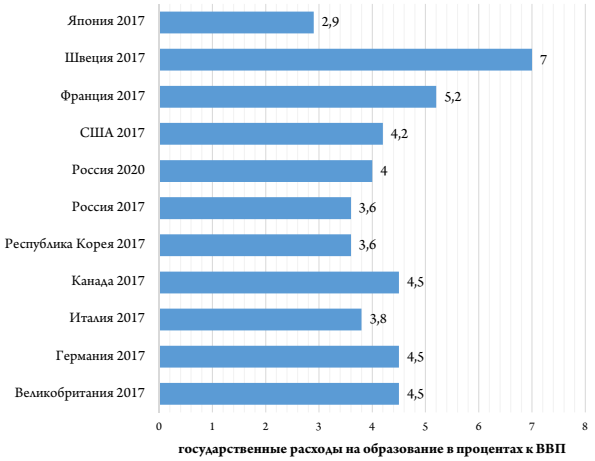

Рис. 1. Государственные расходы стран на образование, % к валовому внутреннему продукту
Fig. 1. Public expenditures on education in gross domestic product of various countries, %

Рис. 2. Техническое состояние зданий дошкольных образовательных организаций России на конец года, % от общего числа зданий
Fig. 2. Technical condition of buildings of preschool education organizations in Russia, % of total buildings

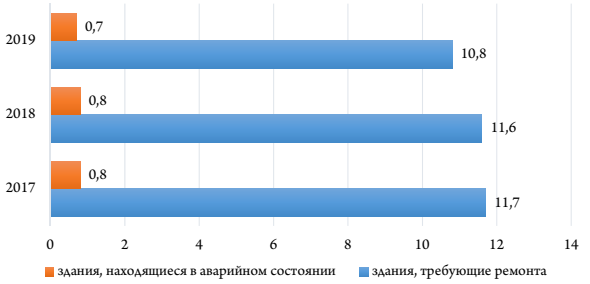

Рис. 3. Техническое состояние зданий организаций начального, основного и среднего общего образования России на конец года, % от общего числа зданий
Fig. 3. Technical condition of primary, basic, and secondary general education facilities in Russia, % of total buildings

[1] Составлено по: Гохберг Л. М., Озерова О. К., Саутина Е. В., Сутырина Т. А., Шугаль Н. Б. Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 31, 103–104.

Неблагоприятное состояние инфраструктуры отечественной системы образования обусловлено в целом влиянием ряда проблем, в числе которых выделим недостаточную скорость, во-первых, модернизации, что проявляется в устаревании материально-технической базы действующих объектов образования, а во-вторых, строительства новых объектов образования, что не позволяет расширить образовательное пространство за пределы конкретной образовательной организации. Это в совокупности с другими проблемами особенно актуально для российских школ. К примеру, с 2001 до 2019 г. количество сельских школ сократилось на 48 % (с 46 тыс. до 24 тыс. единиц), а городских школ – на 22 % (с 23 тыс. до 18 тыс. единиц). Следствием этого стал переход 13 % школьников на обучение во вторую или третью смены. Износ основных фондов 9146 школ составляет от 50 до 70 %, а 6082 школ – более 70 %. Соответственно, это наблюдается у более трети всех российских школ[2].

Состояние образовательной инфраструктуры предопределяет место России в числе ведущих образовательных систем мира, способствует новому технологическому прорыву и завоеванию лидерства в высоко конкурентных условиях развития. Следовательно, необходим поиск эффективных инфраструктурных решений, способствующих получению одинаково доступного по всей стране качественного образования и воспитания, позволяющих расширить возможности развития человеческого капитала каждого обучающегося с учетом современных тенденций в цифровой образовательной среде. При всем этом инфраструктурные решения должны обеспечивать баланс запросов основных участников российской системы образования.

Представляется, что в условиях непокрытых потребностей отечественных образовательных организаций в государственном финансировании одним из таких решений выступает ГЧП, позволяющее привлечь в сферу образования финансовые и иные ресурсы, способности и компетенции частных партнеров. В силу этого представим общую схему реализации ГЧП в российской системе образования. Бизнес (частный партнер) участвует в создании и реконструкции объектов образования, в управлении ими за счет собственных, заемных, временно привлеченных средств, учитывая требования, которые предъявляются к организации и осуществлению образовательной деятельности в нашей стране. Государство (публичный партнер) обеспечивает за счет ежегодных платежей возврат затрат частного партнера, связанных с созданием и реконструкцией объектов образования и управлением ими. Таким образом, на долгосрочной и договорной основе частный партнер выступает организатором образовательного процесса, получая права владения и пользования объектами образования, а государство – регулятором и контролером соблюдения требований, предъявляемых к данному процессу.

Основные преимущества ГЧП в образовании с позиции инструмента управления можно представить следующим образом:

1. ГЧП – гибкий инструмент управления качеством образовательного процесса, позволяющий быстро и в полной мере учесть спрос и предложение на рынке образования, которые в настоящее время находятся под значительным влиянием цифровизации. В свою очередь, активная цифровая трансформация образовательного процесса требует значительного количества времени и ресурсов, которые в ряде случаев у образовательных организаций ограничены. Также требуется высокий уровень цифровой грамотности педагогов, позволяющий качественно встроить электронное образование в текущий образовательный процесс. Данные требования могут быть успешно удовлетворены с помощью ГЧП.

2. ГЧП – полезный инструмент управления рисками государства и бизнеса, направленный на обеспечение баланса интересов, рациональности использования ресурсов и возможностей публичного и частного партнеров.

3. ГЧП – выгодный инструмент управления эффективностью образовательного процесса, предполагающий предоставление качественных образовательных услуг с меньшими затратами, чем в государственном секторе образования.

Для комплексного осмысления преимуществ ГЧП в образовании представим характеристику потребностей трех основных стейкхолдеров проектов ГЧП, удовлетворяемых посредством организации такого партнерства в образовании.

Во-первых, **население**, выступая стейкхолдером проектов ГЧП в образовании, удовлетворяет потребности, связанные с получением доступного и качественного образования (в частности, тех компетенций, которые востребованы в современном мире), реализацией индивидуальных образовательных траекторий в комфортной и безопасной образовательной среде, получением доступа к многообразию образовательных инициатив.

Во-вторых, удовлетворение потребностей **частного партнера** как стейкхолдера проектов ГЧП в образовании связано с получением дохода от осуществления проектной деятельности, расширением масштабов бизнеса, получением от государства различных преференций, снижением рисков проектной деятельности посредством сотрудничества с государством, повышением собственного имиджа.

В-третьих, **публичный партнер**, будучи стейкхолдером проектов ГЧП в образовании, удовлетворяет потребности, связанные с реализацией общественно значимых проектов в данной сфере, в том числе долго окупаемых и капиталоемких, в относительно короткие сроки и с приемлемым объемом затрат. Это влечет за собой снижение финансовой

[2] Армеева В., Дранишникова М. Кто построит школы. Может ли бизнес победить вторые смены и ветхую инфраструктуру российского образования. *Ведомости*&. 09.12.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/09/818139-postroit-shkoli (дата обращения: 01.02.2022).

нагрузки на бюджет за счет привлечения частных инвестиций и получение управленческих компетенций в системе образования, способствующих росту эффективности использования образовательных объектов и применению высоких стандартов управления ими. При этом высокая заинтересованность российского государства в применении ГЧП подчеркивается в нормативно-правовых актах РФ, в частности в государственной программе РФ «Развитие образования», которая, по оценкам экспертов, обеспечит создание свыше 647 тысяч современных школьных мест, что особенно важно в силу значительного прироста числа школьников в стране (с 2019 г. по 2024 г. в количестве 2,2–2,3 млн человек)[3]. Программа закрепляет правила субсидирования из федерального бюджета проектов ГЧП по созданию школ и предполагает передачу частным партнерам ответственности за качество создания и эксплуатации образовательных объектов[4]. Основу данных правил составляет механизм привлечения долгосрочного банковского кредитования, в котором важную роль играет Сбербанк. Так, в рамках первой волны государственной программы РФ «Развитие образования» Сбербанк профинансирует строительство 15 новых школ на 7 тысяч учебных мест в Республике Бурятия, Калужской, Белгородской и Самарской областях в размере 7,3 млрд руб. Это станет возможным благодаря реализации концессионных проектов с участием ООО «ПроШкола» (концессионера)[5].

Руководствуясь вышесказанным, систематизируем ключевые социально-экономические эффекты реализации ГЧП в российской системе образования на макроуровне:

- обеспечение доступности и высокого качества образования, основанного на современных технологиях и лучших практиках;
- модернизация российской системы образования и ее инфраструктурной составляющей с учетом задач устойчивого развития страны;
- снижение расходов государства на создание и реконструкцию объектов образования, а также управление ими;
- повышение эффективности управления в российской системе образования;
- развитие частного рынка образовательных услуг и, как следствие, создание новых рабочих мест;
- развитие социокультурной среды регионов и муниципалитетов.

Однако современный этап развития характеризуется незначительным количеством и объемом финансирования проектов в образовании по отношению ко всему российскому рынку ГЧП. Так, в 2019 г. и 2020 г. было заключено соответственно 8 и 2 концессионных соглашения в образовании, что соответствовало 11,8 % и 3,5 % от общего количества концессионных соглашений, заключенных на российском рынке ГЧП. По объему финансирования на эти концессионные соглашения приходилось 17,8 и 3,8 млрд руб., или 5,5 % и 1,3 % от общего объема финансирования концессионных соглашений, заключенных на российском рынке ГЧП[6]. В свою очередь снижение количества и объема финансирования концессионных соглашений в образовании за данный период во многом обусловлено влиянием усиливавшейся пандемии коронавируса. В 2021 г. началось восстановление российского рынка ГЧП в образовании от последствий пандемии коронавируса, что во многом было обусловлено реализацией государственной поддержки образования в форме «демографической субсидии». В результате этого за 2021 г. было заключено 37 концессионных соглашений в образовании в размере 37,7 млрд руб. (из них 23,5 млрд руб. – частные инвестиции), что составляет наибольшую долю концессионных соглашений в социальной сфере (77,1 % от общего количества и 48,4 % от общего объема финансирования концессионных соглашений в социальной сфере)[7].

Важно отметить, что российский рынок ГЧП в образовании находится под влиянием не только эпидемиологических, но и правовых, экономических, управленческих, социальных и других факторов, в силу чего требуется осуществление органами государственной (местной) власти постоянного и комплексного мониторинга реализации проектов ГЧП в течение их жизненного цикла. Действие данных факторов повлияло на возникновение ряда проблем, препятствующих развитию ГЧП в российской системе образования.

Во-первых, выделим такую проблему, как неразвитость проектного финансирования, играющего важную роль в реализации проектов ГЧП в образовании стоимостью до 100 млн руб. В настоящее время для реализации проектов ГЧП частные партнеры, как правило, используют собственные средства или коммерческие займы. Одной из причин этого является ограничение

[3] Одобрено 74 проекта строительства школ по программе государственно-частного партнёрства. *Минпросвещения России*. 21.01.2022. URL: https://edu.gov.ru/press/4623/odobreno-74-proekta-stroitelstva-shkol-po-programme-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva (дата обращения: 02.02.2022).

[4] Брагинская А. Школы по ГЧП: как новые правила субсидирования повлияют на привлечение средств в объекты образования. *Росинфра*. 23.03.2021. URL: https://rosinfra.ru/news/skoly-po-gcp-kak-novye-pravila-subsidirovania-povliaut-na-privlecenie-sredstv-v-obekty-obrazovania (дата обращения: 01.02.2022).

[5] Сбер профинансирует строительство 15 новых школ. 10.01.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/10/sber_school/ (дата обращения: 03.02.2022).

[6] Жундриков А., Якунина Е., Барцева Г., Фомина М. Инвестиции в инфраструктуру: как кризис сказался на рынке концессий и ГЧП в 2020 году? *InfraOne Research*. 15.12.2020–26.01.2021. № 1. URL: infraone_research_weekly_01_49_26012021.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

[7] Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2021 года. Национальный центр ГЧП. 26 с. URL: https://rosinfra.ru/files/analytic/496/document/b6a4ea763ded19c57ed2e289642c8fb2.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

доступности кредитных средств в форме проектного финансирования, обусловленное сложными вопросами собственности на создаваемые объекты образования. К примеру, если в рамках проекта ГЧП осуществляется строительство школы и в процессе строительства выделяется бюджетное финансирование, то само здание имеет обременение со стороны субъекта РФ (муниципального образования). По этой причине кредитные организации имеют повышенный интерес в получении от частных партнеров гарантий выполнения кредитных обязательств по проектам ГЧП. Как правило, гарантией является соглашение с кредитной организацией, подписываемое субъектом РФ (муниципалитетом). Однако в ряде случаев субъекты РФ (муниципалитеты) не готовы выступать поручителями по проектам ГЧП. Более того, сама схема получения кредитной организацией возмещения по кредитованию таких проектов непроработана. Способом разрешения этой ситуации выступает всесторонняя экспертиза проектов ГЧП и предоставление такого пакета документов, который бы в полной мере раскрывал специфику и содержание данных проектов, не вызывая дополнительных вопросов у всех сторон, в первую очередь у кредитных организаций.

Из первой вытекает вторая проблема, связанная с отсутствием универсальных коробочных решений для типовых объектов образования, например детских садов. Если такие решения были бы допустимы на этапе сбора документов для получения банковского финансирования, то это способствовало бы быстрому принятию кредитными организациями решений в отношении типовых, относительно недорогих объектов образования, предусмотренных проектами ГЧП.

Третья проблема связана с ограниченностью общероссийских мер поддержки проектов ГЧП в системе образования. В силу этого необходима разработка таких мер на федеральном уровне и расширение масштабов запуска отраслевых механизмов поддержки ГЧП в образовании, в частности, на условиях государственного субсидирования строительства объектов образования и предоставления частным партнерам прав оказывать платные услуги в образовательных организациях. Это позволит частным партнерам обеспечить возврат вложенных в проекты ГЧП средств и, как следствие, повысить их заинтересованность в реализации данных проектов.

Четвертая проблема обусловлена отсутствием четко проработанного легитимного инструмента изменения проекта ГЧП, в частности в форме концессии. Так, в 2021 г. наблюдалось значительное удорожание стоимости строительных материалов, что негативно отразилось на проектах, прошедших проектирование, и по которым были заключены соглашения. В отличие от государственных контрактов, по которым предусмотрена возможность изменения цен в связи с удорожанием стоимости строительных материалов, для проектов ГЧП, согласно действующему российскому законодательству, это не проработано, хотя является экономически обоснованным условием для изменения данных проектов.

Пятая проблема связана с дефицитом компетенций: уровень знаний, навыков и умений публичного и частного партнеров в области подготовки и управления проектами ГЧП в образовании в ряде случаев нельзя признать высоким и соответствующим современным требованиям.

Таким образом, для обеспечения поступательного развития ГЧП в российской системе образования необходимо реализовать комплекс мер, в числе которых:

- содействие на государственном (местном) уровне развитию проектного финансирования;
- разработка универсальных коробочных решений для типовых объектов образования;
- разработка и обеспечение эффективной реализации общероссийских мер поддержки проектов ГЧП в образовании;
- формирование легитимного инструмента изменения проекта ГЧП;
- развитие компетенций в области подготовки и управления проектами ГЧП в образовании.

Это всего лишь некоторые шаги к решению актуальных проблем функционирования рынка ГЧП в образовании. В целом требуется системный подход к формированию и развитию практики ГЧП в российской системе образования, отдельные элементы которого показаны на рис. 4.

Заключение

На современном этапе ГЧП становится одним из эффективных инструментов развития как российской системы образования в целом, так и образовательной инфраструктуры в частности. При этом ценность ГЧП многогранна, например, она проявляется в возможности привлечения частных ресурсов и компетенций в сферу образования с целью повышения эффективности, качества и доступности образовательных услуг в условиях ограниченности финансов государства. Данный формат партнерства позволяет объединить и сбалансировать государственные и частные интересы для успешной реализации разнообразных проектов в образовании. Однако в нашей стране практика применения такого партнерства пока находится на этапе формирования. Соответственно для достижения на последующих этапах развития высоких результатов необходимо, чтобы государство, с одной стороны, внедрило в текущую деятельность органов государственной (местной) власти новые принципы клиентоцентричности, в которых основным клиентом государства станет частный инвестор. Это в свою очередь позволит за короткий период времени предложить частным инвесторам портфель качественно структурированных проектов в образовании, которые будут соответствовать требованиям, необходимым для получения федеральной поддержки. В то же время клиентоцентричность не должна препятствовать реализации человекоцентричности проектов ГЧП, т. к. устойчивость

развития страны возможна только лишь при условии нацеленности на благо людей, способствующей лучшему будущему для всех без исключения.

С другой стороны, государство должно поставить перед частными инвесторами конкретные задачи, связанные с их ответственностью за результаты реализации проектов ГЧП в образовании. Например, если частный партнер строит образовательное учреждение, то это напрямую влияет на здоровье обучаемых. В силу этого одна из таких задач может быть связана с качеством образовательной логистики, созданной частным партнером в соответствии с архитектурой здания образовательного учреждения. Наряду с этим необходимо говорить о таком результате, как достижение компетенций в управлении образовательными объектами, проявляющихся, в частности, в квалификации педагогического коллектива и уровне развития применяемых образовательных технологий. При этом установление выплат за достижение образовательных результатов сможет повысить инвестиционную привлекательность проектов ГЧП в образовании и, следовательно, активизировать процессы разработки и реализации данных проектов. Таким образом, можно будет говорить о развитии практики ГЧП в российской системе образования и формировании факторов достижения целей устойчивого развития нашей страны.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

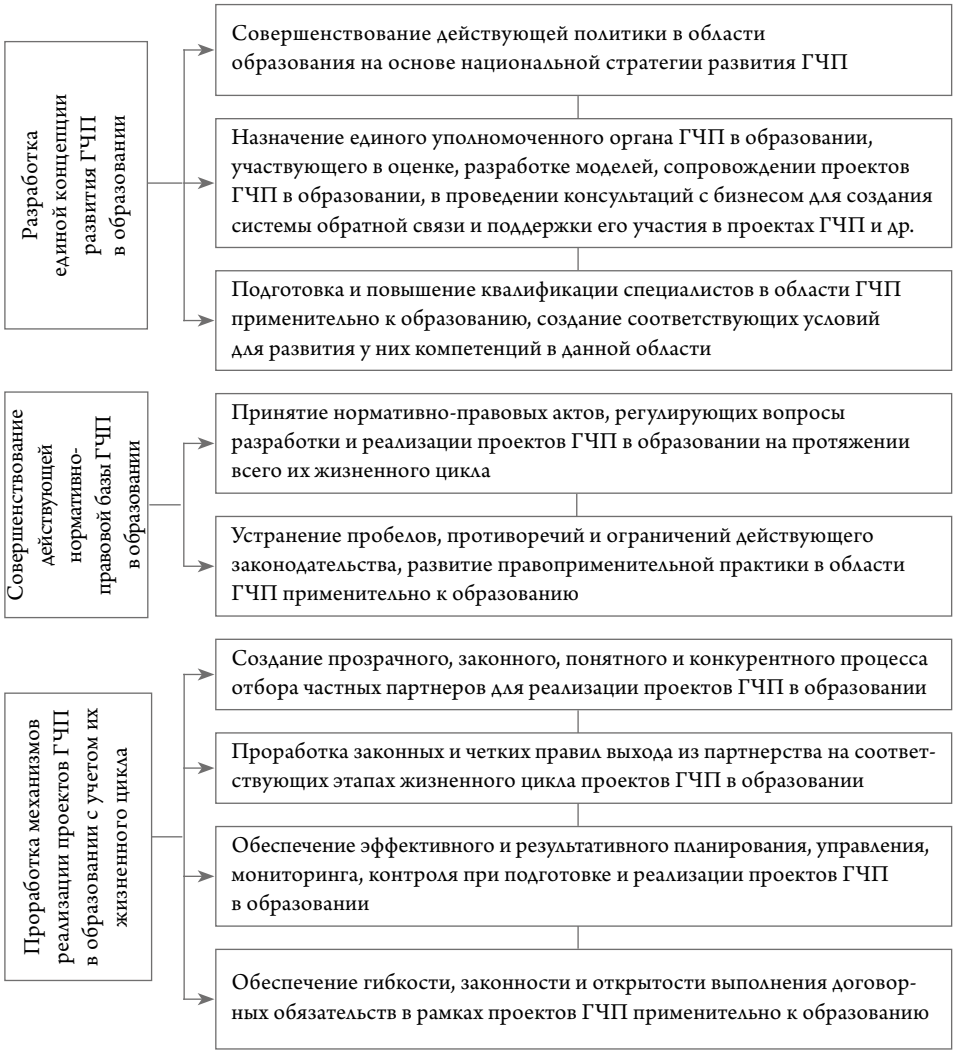

Рис. 4. Отдельные элементы системного подхода к формированию и развитию практики ГЧП в российской системе образования
Fig. 4. Systematic approach to the public-private partnership practice in the Russian education system

Литература / References

1. Шрюфер Г., Вренгер К., Линдеманн И. Образование в интересах устойчивого развития: «рефлексии» как инструмент формирования компетенций. *Вопросы образования*. 2020. № 2. С. 152–174. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-2-152-174
   Schrüfer G., Vrenger K., Lindemann I. "Reflectories" for the promotion of competences in education for sustainable development using the example of climate change. *Voprosy obrazovaniya*, 2020, (2): 152–174. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-2-152-174
2. Грачев В. А., Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А., Андреев А. И. Образование для устойчивого развития в России: проблемы и перспективы. М.: Учитель; МГУ, 2017. 207 с.
   Grachev V. A., Ilin I. V., Ursul A. D., Ursul T. A., Andreev A. I. *Education for sustainable development in Russia: problems and prospects*. Moscow: Uchitel; MSU, 2017, 207. (In Russ.)
3. Ермаков Д. С., Ермаков А. С., Колесова Е. В. О применении форсайта в образовании для устойчивого развития. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2021. Т. 16. № 4. С. 55–64. https://doi.org/10.21209/2658-7114-2021-16-4-55-64
   Ermakov D. S., Ermakov A. S., Kolesova E. V. On the application of foresight in education for sustainable development. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2021, 16(4): 55–64. (In Russ.) https://doi.org/10.21209/2658-7114-2021-16-4-55-64
4. Урсул А. Д. Цифровизация и образование для устойчивого развития: перспективы взаимосвязи в процессе эволюции. *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 2. С. 39–54. https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.4
   Ursul A. D. Digitalization and education for steady development: the prospects of interconnection in the evolution process. *Znanie. Ponimanie. Umenie,* 2020, (2): 39–54. (In Russ.) https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.4
5. Patrinos H. A., Barrera-Osorio F., Guaqueta J. *The role and impact of public-private partnerships in education.* Washington D.C. World Bank Publications, 2009, 116.
6. Kim J., Han M. Education financing and public-private partnership development assistance model. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, 177: 100–103. https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.02.345
7. LaRocque N. *Public private partnerships in basic education: an international review*. CFBT Education Trust, 2008, 60.
8. 李飞龙. 国外基础教育PPP办学模式的实践及启示. 外国教育研究, 2010, (7): 1–5.
   Li F. Practice and Enlightenment of public-private partnership mode of basic education abroad. *Studies in Foreign Education*, 2010, (7): 1–5. (In Chin.)
9. 唐祥来, 倪琳. 国际基础教育公私伙伴关系(PPP)模式:论争与启示. 外国教育研究, 2013, (4): 88–95.
   Tang X., Ni L. International public-private partnership for basic education model: debate and enlightenment. *Studies in Foreign Education*, 2013, (4): 88–95. (In Chin.)
10. Zhang M., Liu Y., Cheng J. International experience and reference of PPP model in inclusive preschool education. *Proceedings of the 2nd International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2019)*, 2019, 147–152. https://doi.org/10.2991/assehr.k.191206.030
11. Алеев Б. Р. Государственно-частное партнерство в образовательном кластере. *Человеческий капитал и профессиональное образование*. 2018. № 2. С. 9–13.
    Aleev B. R. Public private partnership in educational cluster. *Human Capital and Professional Education*, 2018, (2): 9–13. (In Russ.)
12. Бакшеева А. Д. Взаимодействия государства, бизнеса и образовательных организаций в рамках государственно-частного партнерства. *Государственно-частное партнерство*. 2016. Т. 3. № 1. С. 63–78. https://doi.org/10.18334/ppp.3.1.35139
    Baksheeva A. D. Interaction of the state, business and educational institutions within public and private partnership. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo*, 2016, 3(1): 63–78. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ppp.3.1.35139
13. Веселова Н. Ю., Ероян А. Е., Смычагин Е. О. Государственно-частное партнерство в образовательной сфере России. *Наука и мир*. 2016. № 6-2. С. 21–25.
    Veselova N. Yu., Eroyan A. E., Smychagin E. O. Public private partnership in educational sector of Russia. *Science and world*, 2016, (6-2): 21–25. (In Russ.)
14. Завьялова Е. Б. К вопросу о целесообразности ГЧП в образовании. *Государственно-частное партнерство*. 2015. Т. 2. № 4. С. 217–226. https://doi.org/10.18334/ppp.2.4.36982
    Zavyalova E. B. On the question of the expediency of PPP in education. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo*, 2015, 2(4): 217–226. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ppp.2.4.36982
15. Киреева А. В., Золотарева А. Б. Правовые модели организации государственно-частного взаимодействия в сфере образования. *Юридические исследования*. 2016. № 1. С. 1–17. https://doi.org/10.7256/2409-7136.2016.1.17562

Kireeva A. V., Zolotareva A. B. Legal models of state-private interaction in the educational sphere. *Legal Studies*, 2016, (1): 1–17. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2409-7136.2016.1.17562

16. Мельников М. С. Использование государственно-частного партнерства в образовании. *Российское предпринимательство.* 2017. Т. 18. № 3. С. 303–308. https://doi.org/10.18334/rp.18.3.37296
Melnikov M. S. Public-private partnership in education. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2017, 18(3): 303–308. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/rp.18.3.37296
17. Павловская С. В., Сироткина Н. Г. Государственно-частное партнерство в сфере образования. *Современный менеджмент: проблемы и перспективы*: сб. ст. по итогам XV Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2020 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 367–373.
Pavlovskaya S. V., Sirotkina N. G. Public-private partnership in the field of education. *Modern management: problems and prospects*: Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 23–24 Apr 2020. St. Petersburg: SPbSUE, 2020, 367–373. (In Russ.)
18. Тесленко И. В., Долгих М. Н. Государственно-частное партнерство в системе образования: тренды, проблемы, перспективы. *Фундаментальные исследования*. 2016. № 2-1. С. 211–215.
Teslenko I. V., Dolgikh M. N. Public-private partnership in the education system: trends, problems, prospects. *Fundamental research*, 2016, (2-1): 211–215. (In Russ.)
19. Глушко Ю. В., Колодина Н. В. Особенности государственно-частного партнерства в сфере образования в России и за рубежом. *Государственно-частное партнерство*. 2017. Т. 4. № 2. С. 147–153. https://doi.org/10.18334/ppp.4.2.37834
Glushko Yu. V., Kolodina N. V. Characteristics of public-private partnership in education in Russia and abroad. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo*, 2017, 4(2): 147–153. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ppp.4.2.37834
20. Ибятов Ф. М. Зарубежный опыт реализации проектов государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения и образования. *Управление*. 2019. Т. 7. № 1. С. 35–39. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-35-39
Ibyatov F. M. Foreign experience in the implementation of public-private partnership projects in the field of health and education. *Upravlenie / Management (Russia)*, 2019, 7(1): 35–39. (In Russ.) https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-35-39
21. Трунова О. Д., Силин М. В. Особенности реализации государственно-частного партнерства в сфере образования в России и за рубежом. *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2015. № 4. С. 82–96.
Trunova O. D., Silin M. V. Implementation features of public-private partnership in education in Russia and international practice. *Ars Administrandi*, 2015, (4): 82–96. (In Russ.)
22. Зарипова И. Р., Маргилевская Е. В. Необходимость разработки экономического механизма государственно-частного партнерства в профессиональном образовании. *Креативная экономика.* 2016. Т. 10. № 3. С. 279–290. https://doi.org/10.18334/ce.10.3.34965
Zaripova I. R., Margilevskaya E. V. The need for developing an economic mechanism of public-private partnership in vocational education. *Kreativnaya ekonomika*, 2016, 10(3): 279–290. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.10.3.34965
23. Килинкаров В. В. Государственно-частное партнерство в сфере высшего образования и науки в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10. № 2. С. 210–225. https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.202
Kilinkarov V. V. Public-private partnership in higher education and science in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, 10(2): 210–225. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.202
24. Романова Т. Ф., Меликсетян С. Н. Развитие государственно-частного партнерства в сфере высшего образования. *Экономические науки*. 2018. № 162. С. 146–151.
Romanova T. F., Meliksetyan S. N. Development of state-private partnership in the sphere of higher education. *Economic sciences*, 2018, (162): 146–151. (In Russ.)
25. Тесленко И. В. Развитие государственно-частного партнёрства в Российской Федерации на примере системы среднего профессионального образования. *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Экономика и управление*. 2019. № 2. С. 5–17. https://doi.org/.25686/2306-2800.2019.2.5
Teslenko I. V. Public-private partnership development in the Russian Federation on the example of the system of secondary vocational education. *Vestnik of Volga State University of Technology. Ser.: Economics and Management*, 2019, (2): 5–17. (In Russ.) https://doi.org/.25686/2306-2800.2019.2.5

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

full article

Rumours and Fake News – Effects of Message Credibility on Human Behaviour during the Corona Pandemic

Oliver Harald Kempkens
Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0003-4034-699X
ok@kempkens.me

Received 25 Jan 2022. Accepted after peer review 22 Feb 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: Recessionary situations such as the current Corona pandemic affect people's behaviour, since most people react to them with fear. Nowadays, social media is used by many people all over the world, thus, people as well as public and private organizations and groups share, post and comment messages on social media. This way, many people can be reached in a very short time. However, not all posts on social media can be defined trustworthy. Instead, a lot of people, groups and organizations make use of social media to spread rumours, fake news and conspiracy theories. There are three main motivations increasing people's beliefs in these types of news: desire to feel security for themselves as well as the groups they belong to; making sense of their specific environment and /or striving for safety and control in times of severe recessionary situations. Among the current demonstrators against the Corona policy of the German government, one can often identify supporters of specific groups that share their beliefs. However, it is not easy to differentiate between true and fake news or rumours. The present paper uses the quantitative data collection method to investigate the reasons why people may change their behaviour in recessionary situations and why some people are more prone to believing rumours and fake news on social media than others. In this context, message credibility plays an important role. The results show that rumours, fake news and conspiracy theories are able to decrease people's trust in health agencies and / or governments.
Keywords: Corona pandemic, recessionary situation, conspiracy theories, rumours, fake news, human behaviour

Citation: Kempkens O. H. Rumours and Fake News – Effects of Message Credibility on Human Behaviour during the Corona Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 162–170. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-162-170

оригинальная статья

Слухи и фальшивые новости – влияние достоверности информации на поведение человека в условиях пандемии коронавируса

Кемпкенс Оливер Харальд
Московский государственный институт международных отношений МИД России, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0003-4034-699X
ok@kempkens.me

Поступила 25.01.2022. Принята после рецензирования 22.02.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Кризисные ситуации, такие как пандемия новой коронавирусной инфекции, влияют на поведение человека; ответная реакция на них для большинства людей – страх и соответствующее поведение, вызванное страхом. На современном этапе социальные сети насчитывают огромное число пользователей по всему миру, поэтому люди, а также государственные и частные организации и группы пересылают, размещают и комментируют сообщения в социальных сетях. Таким образом, можно охватить большую аудиторию за очень короткое время. Однако не все сообщения в социальных сетях можно классифицировать как настоящие новости. Напротив, многие индивидуумы, группы и организации используют социальные сети для распространения слухов, фальшивых новостей и теорий заговора. Существует три основных причины, которые формируют и усиливают доверие людей к этим типам новостей: 1) людям приятно верить в лучшее в самих себе и сообществах, к которым они принадлежат; 2) люди хотят разобраться в своем окружении; 3) и / или люди хотят чувствовать себя в безопасности и держать все под контролем во время

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

серьезных кризисных ситуаций. Среди нынешних демонстрантов, выступающих против политики правительства Германии, направленной на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции, часто можно выделить сторонников конкретных групп, разделяющих их убеждения. Однако отличить правдивые новости от фальшивых новостей и слухов нелегко. В данной работе используется метод количественного сбора данных для изучения причин, по которым люди могут менять свое поведение в кризисных ситуациях и по которым некоторые люди более склонны верить слухам и фальшивым новостям, распространяемым в социальных сетях, чем другие. В этом контексте достоверность сообщения играет важную роль. Результаты показывают, что слухи, фальшивые новости и теории заговора способны снизить доверие людей к медицинским учреждениям и / или правительствам.
Ключевые слова: пандемия коронавируса, кризисная ситуация, слухи, фальшивые новости, поведение человека

Цитирование: Кемпкенс О. Х. Слухи и фальшивые новости – влияние достоверности информации на поведение человека в условиях пандемии коронавируса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 162–170. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-162-170

Introduction

In December 2019, the first patient developed symptoms of the Wuhan Corona virus. As a result, China informed the World Health Organization (WHO) about several pneumonia cases. On March 11th 2020, the WHO declared the outbreak of the Corona virus a pandemic[1].

The outbreak of COVID-19 at the end of 2019 in China reached more than one hundred other countries in only two months. Media daily reported up-to-date news regarding the number of infected people, the number of those recovered and, finally, the number of the deceased [1]. Up to now, the COVID-19 disease has become the fifth pandemic documented since the Spanish flu pandemic in 1918 [2]. The Corona pandemic can be considered as an unprecedented event, compared to other epidemic events in recent years. At least, the last pandemic of such scale happened more than 100 years ago: the Spanish flu. Scientists such as M. Honigsbaum (2013) mention that the Russian flu killed approximately one million people in Europe between 1889 and 1893. However, the Spanish flu killed 50 million people, which made around three percent of the world's population. The fear associated with these diseases was amplified by the mass-market press and the invention of the telegraph – this again can be compared to the rise of social media platforms in recent years [3].

The ongoing global COVID-19 pandemic challenges all countries. As a result, many countries react with different measures in order to prevent a further dissemination of the virus. However, to stop the continuing Corona virus dispersion countries react differently. It's estimated that without Corona mitigation strategies COVID-19 would have resulted in approximately 7 billion infection contaminations as well as 40 million deaths worldwide in 2020 [4]. At the time of the Corona virus outbreak, there was no reliable vaccine against COVID-19 and even nowadays, COVID-19 vaccines cannot provide 100% protection. Hence, the Federal Republic of Germany ordered lockdown on March 16th 2020 and public life was shut down: shops had to close immediately, events were forbidden, aircrafts had to remain on the ground and the population was instructed not to leave their houses except for emergency cases such as essential purchases or visits to the doctor. Social distancing very soon became one of the most used terms in the media. Now, almost two years after the outbreak of the Corona pandemic, there are some vaccines on the market, but none of them can provide people 100% protection from COVID-19. In this context, it must be mentioned that Corona mitigation measures are not widely popular. Indeed, the major aim of Corona mitigation measures is to save people's lives. Nevertheless, for some people, the negative aspects of mitigation measures overcome the positive ones. D. A. Moser et al. (2020) for instance, concentrated on years of life lost (YLL) due to the psychosocial consequences of COVID-19 mitigation strategies. Governments are forced to implement social mitigation measures to reduce mortality and morbidity. However, these strategies carry significant risks for people's mental health – this again might lead to short- and long-term mortality. Impacts like these are not considered in modeling the pandemic's impact. Due to this, the so-called years of life lost and influencing factors such as depression, childhood trauma, domestic violence, suicide, alcohol abuse, social isolation and changes in marital status are in the focus of attention [5]. Other analysts state that the Corona pandemic ravages both health and economic metrics globally, which also includes progress in terms of maternal and child nutrition. As a consequence of COVID-19, impacts on essential medical interventions, poverty, and access to nutritious foods can be observed. Thus, incomes, social protection, food supplies as well as health care services are somehow affected by the Corona pandemic [6].

Regarding the media, there hardly was any space for other topics. Controversial, heated discussions and debates on the virus' danger, the efficiency of Corona mitigation

[1] Kretchmer H. Key milestones in the spread of the coronavirus pandemic. 22 Apr 2020. *World Economic Forum*. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-spread-covid19-pandemic-timeline-milestones/ (accessed 11 Jan 2022).

measures and the Corona policy of the German government spread quickly, especially on social media. With the development of the Internet and, especially, social media, many social media users tend to spread information without checking its trustworthiness [7]. News has been dominated by virologists and, up to now, there is no consensus among experts, whether the German government's assigned measures can be called reasonable and justified or not. Moreover, there is no consensus whether and to what extent these measures are proportional to the threat of the Corona virus.

Misinformation is not a modern-age phenomenon. Quite the opposite, it is known as coming from all types of media such as newspapers, radio or TV. In fact, misinformation in media is as old as writing systems. Nowadays, online platforms, especially social media evolved into the main source for a still increasing number of users and so, misinformation has found a completely new channel, known as citizen-journalism [8]: social media platforms allow non-journalists to reach a multitude of people. Hence, non-journalists began to conduct journalistic activities with the goal to produce specific output such as news [9]. Initially, citizen journalists were mainly active in blogs, but social media platforms offered a much wider space [10].

Even at the pandemic's beginning, the establishment of specific groups or rather resistance movements against the imposed measures could be observed. Not only there were demonstrations, but on social media one could find a flood of statements, calculations, statistics, videos and calls for participation in demonstration events. The media daily reported on broken regulations from the repertoire of mitigation measures.

In their empirical study, S. Kühne et al. state that the Corona crisis has changed nearly all areas of social life. First of all, people are frightened, since a new and unpredictable virus stepped into their life [11]. Another aspect is that mitigation measures such as limitation of contacts and shutdown of institutions significantly affected social community. This applies to organizations, associations and groups, but also to life within the family as well as the circle of friends and acquaintances. The radical changes during the Corona pandemic thus affect the society's perception: people's view on government institutions may change the same as experience and perception of the society's solidarity. At least, mitigation measures can affect people's satisfaction with the democracy of the Federal Republic of Germany and, consequently, trust in governmental institutions.

Social media definitely can be seen as an additional and valuable source of information for people during the Corona pandemic. A huge proportion of the population can be reached by means of social media. On the other hand, the population has also been confused by numerous fake news [12]. Hence, the question is, whether people are able to differentiate between truth and fake news.

In academic literature there is no unified definition for 'fake news' and 'rumours'. A suggestion is: "Fake news is the presentation of false claims that purport to be about the world in a format and with a content that resembles the format and content of legitimate media organizations" [13].

R. Rini has another suggestion and states that "A fake news story is one that purports to describe events in the real world, typically by mimicking the conventions of traditional media reportage, yet is known by its creators to be significantly false, and is transmitted with the two goals of being widely re-transmitted and of deceiving at least some of its audience" [14].

'Fake news' and 'rumour' must be differentiated as, according to some authors, a rumour is distorted, irrational, inauthentic and exaggerated information. According to others, a rumour can be seen as an unconfirmed or unverified message, which is passed between humans [15]. It becomes clear that a rumour can be verified at a later time to be either true or false, whereas fake news can never be true. Credibility of a message thus determines whether people believe in news or not. The Macmillan dictionary, for instance, defines credibility as "Qualities that someone has that make people believe or trust them"[2].

Credibility is believability; thus, credible people are believable people. Credibility can be described as a perceived quality, comprising multiple dimensions [16]. Regarding the connection between digital media and credibility, M. S. Eastin et al. state that, on one hand, there is credibility of the message itself, and, on the other hand, there is credibility based on the recipient's perception. It is the message's credibility, which typically puts to trial the way a message influences perception [17].

A. Appelman and S. S. Sundar focused on measuring credibility of a message in the context of news specifically, which is highly important for the matter at issue [18]. They found that credibility can be measured by asking people to determine the extent to which the three adjectives: accurate, authentic, and believable describe a specific content by rating these adjectives. Hence, the perceived message importance and people's well-being could be identified as variables, influencing behavioural intentions for rumour verification as well as sharing. H. G. Oh and H. Lee, for instance, found out that 660 Twitter users responded to unverified information with regard to the influenza vaccine by either sharing the information or commenting upon it with their own posts [19].

Considering the fact that people have difficulties distinguishing between truth and fake news, it can be assumed that rumours and fake news regarding the Corona

[2] Credibility. *Macmillan Dictionary*. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/credibility (accessed 21 Jun 2021).

virus and its consequences affect human behaviour. At least, the development of media reporting gives the impression that with time, more and more people rebel against the imposed mitigation measures, demonstrate and fight for freedom and human rights. In view of this, national newspapers, for instance, reported on the Corona demonstration in Berlin on August the 29th that the authorities initially encroached on the law of freedom of assembly and prohibited the event[3].

According to A. Sternisko et al., conspiracy theory beliefs are somehow linked to prejudice, anti-democratic attitudes and non-normative political behaviour. For instance, partisans of the right-oriented AfD (Alternative fuer Deutschland) feel more freedom-restricted due to the Corona policy of the German government than the partisans of any other party. There are three main motivations, which increase people's beliefs in conspiracy theories [20]:

(1) people want to feel secure themselves as well as the groups they belong to,
(2) people want to make sense of their specific environment or
(3) people want to feel safe and in control.

Among the Corona demonstrators, one can often identify supporters of specific groups. The media, for instance, report on calls of right-wing extremists, the anti-vaccination movement, anti-Semites and supporters of different conspiracy theories to join demonstrations against the Corona measures [11].

Hypotheses

In order to understand human behaviour during recessionary situations such as the Corona pandemic and the role of rumours and fake news spread on social media, it must be clarified how rumours and fake news can influence people's behaviour and to what extent theories and models of human behaviour can explain the influence of human beings in the times of rumours and fake news. It is also essential to establish how credibility of a message can influence human behaviour and understand the role of social media regarding the spread of rumours and fake news on the Corona pandemic. It might be possible that individuals possess specific characteristics, attitudes or even group memberships that make them more susceptible to rumours and fake news on Corona.

To manage severe recessionary situations, it is important to know if people, influenced by rumours and fake news on social media follow lockdown rules and mitigation measures such as wearing a mouth/nose protection, keeping quarantine or prohibition to meet friends more seldom. The above-explained research goals result in the following hypotheses.

Germany's Corona mitigation measures significantly affected the health of children and adolescents, since they more frequently suffer from contact restrictions than older people. Due to this, it can be assumed that people with children under the age of 12 initially possess or develop a more critical attitude towards Corona mitigation measures:

H1: People with children under the age of 12 in the same household do more frequently believe in rumours and fake news as compared to childless people.

Scientists, such as K. L. Milkman et al. emphasize that some groups could be identified as being more critical than others [21]. This, for instance, is the case of young females – many of them have been found to be more skeptical about the COVID-19 vaccine. Hence, the following hypothesis will be checked:

H2: During the Corona pandemic, younger people are more prone to believing rumours and fake news on social media.

M. Marchlewska et al. showed that people's belief in conspiracy theories might also result in hostility towards specific groups, since they are made responsible for the outbreak and / or further spreading of the virus [22]. So, it can be assumed that people who believe in rumours, fake news, conspiracy theories and misinformation spread on social media are more likely not to follow governmental Corona mitigation measures and public health authorities' advice:

H3: People follow lockdown rules and mitigation measures more seldom, if they believe in rumours and fake news spread on social media.

J. J. Van Bavel et al. showed that people who rate national identity as being important are more likely to support governmental health policies and that national identification positively correlates with national narcissism as well as right-wing political ideology [23]. This implies that there might be several characteristics, attitudes or even group memberships, which make people susceptible to rumours and fake news on social media:

H4: People are more susceptible to rumours and fake news on Corona, if they possess specific characteristics and attitudes such as risk-seeking behaviour and being a critical person.

B. Umeogu identified the three main dimensions of source credibility: trustworthiness, competence / expertise and goodwill [24]. M. Eisend summarized various dimensions of source credibility, which are, for instance, competence, expertise, knowledge, ability, experience, qualification and smartness, trustworthiness, personal integrity and character [25]. It can be assumed that people perceive information given on social media or via other channels as credible, if this information is accurate and rich in detail:

H5: Whether people perceive information as credible or not strongly depends on the information's accurateness or amount of detail.

[3] *Corona-Demo in Berlin – Welche Bedingungen gelten für ein Verbot?* URL: https://www.tagesschau.de/inland/faq-demonstration-verbot-101.html (accessed 28 Aug 2020).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-162-170

Anxiety can result in two different ways: on the one hand, there are people who strive for seeking as much information as possible on the specific topic to reduce anxiety [26]. On the other hand, there are people who refuse seeking for information and thus stay ill-informed. Hence, a connection between anxiety and believing in rumours and fake news on social media can only be assumed, which leads to the following hypothesis:

H6: The more people fear the Corona virus, the more they believe in rumours and fake news.

Due to the findings of K. L. Milkman et al., it can be assumed that women and men react differently to rumours and fake news spread on social media. These rumours and fake news can fuel already existing skepticism [21]:

H7: Susceptibility to rumours and fake news on social media is connected with gender differences.

A critical person is inclined to be skeptical to a certain extent. Thus, it can be assumed that a critical person does not believe in everything they are confronted with on social media, but checks its trustworthiness first. Due to this, it can also be assumed that a critical person generally does not change their behaviour during a pandemic so as to refuse or oppose the mitigation measures:

H8: The more people describe themselves as a critical person, the lower the risk they change their behaviour in terms of developing a negative attitude towards the government's Corona mitigation measures during the pandemic.

People who are more likely to trust information coming from the government are also more likely to accept administering the COVID-19 vaccine [27]. A connection between people's trust in information given by governmental institutions or other sources and their belief in rumours and misinformation can be estimated as:

H9: The less people trust in politicians and the government, the more they believe in fake news and rumours spread on social media.

Some people do not agree with the Corona mitigation measures instigated by the government, which might be explained by several aspects. For this reason, it can be assumed that some people have developed a more critical attitude towards the Corona mitigation measures, which changed their behaviour during the pandemic.

H10: People, who believe there is some truth in rumours and fake news spread on social media, have developed a more critical attitude towards Corona mitigation measures during the pandemic.

Methods

A quantitative online-survey by means of a standardized and structured questionnaire was used to generate data on people's behaviour, characteristics, attitudes and beliefs.

The standardized questionnaire contained five sets of questions. Sociodemographic data was to be collected at the end of the questionnaire, since people might have been discouraged if they had been questioned on their personal information first. To motivate participants, the first section explained the research topic briefly. All questions were presented in German, since the online-survey was only conducted in Germany and participants could have had problems understanding questions in a different language. To help international readers, all questions were translated into English.

Additionally, many questions contained answer options presented below. Some other items had to be rated by the participants by means of the following four-point-scale:

- 1 (fully correct)
- 2 (rather correct)
- 3 (rather incorrect)
- 4 (incorrect at all)

The reason for choosing a four-point-scale instead of the more popular five-point-scale is that participants tend to choose the middle, if they are not sure of their answer. In the case of a four-point-scale, participants must choose one side.

The standardized questionnaire contains five question parts:

- Introduction into the research topic
- Evaluation of specific Corona statements found on social media platforms
- Evaluation of Corona mitigation measures of the Federal Republic of Germany
- Personal attitudes
- Sociodemographic data.

Each part contains several items and, in sum, 42 variables can be defined. A sample calculation was run to identify the minimal number of participants. Within this research, a sample size of 380 participants could be questioned. By means of the questionnaire, a sample of 324 inhabitants of the Federal Republic of Germany could be questioned during 2021 springtime.

The survey was conducted by means of SurveyMonkey online platform. An Internet search could show that other researchers also used the platform for academic research, for instance, N. Johansen et al., who used SurveyMonkey to distribute their questionnaire [28]. Thanks to this service, a link to the survey can be created and subsequently easily distributed using several social media platforms such as Facebook, Instagram[4] and Twitter.

The survey was active for three months and aggregated a sufficient number of participants. However, it was not possible to reach more than 324 people. Having in mind the sample calculation, it becomes clear that the calculated 380 cases could not have been accumulated within

[4] Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization. *Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.*

the time stated. However, the sample is big enough to gain first insights into people's behaviour during recessionary situations. As is further explained in the limitations section, the study should be conducted within a larger scale.

To analyze the gathered data, appropriate statistical data analysis methods were used. For instance, calculation of correlations, Chi-square test, variances and standard deviation as well as average values. The present paper uses the IBM SPSS software analysis to calculate the above-mentioned values and check the hypotheses presented above.

Results

The major aim of the paper was to analyze the effects of social media and fake news on human behaviour during the Corona pandemic. Regarding the research goals and online survey analysis data, the results are as follows.

The main difference between rumours and fake news on the topic of the current Corona pandemic spread on social media is the following: A rumour must not necessarily be false – firstly, it is unclear whether or to what extent a specific rumour is true or not. After some time, a rumour can be identified as being true or false. Secondly, this is, for instance, the case when scientists were able to give empirical evidence on a specific rumour: then, the rumour is no longer a rumour, but accurate information. With the upcoming of the Internet and the worldwide Web, rumours and fake news found a new way to be spread around the world in a very short time. This happens due to the fact that people can use social media platforms such as Facebook, Twitter and Instagram to reach millions of others with their posts. Especially in times of global crises such as the present Corona pandemic, people use the Internet to gather information. Due to the enormous flood of information, many people are overwhelmed and have problems differentiating between true and false information.

The list of rumours and fake news on the topic of the Corona pandemic is quite long and not all types of misinformation could be presented in the present paper. However, here are some examples that can be found on social media, such as "drinking chlorine dioxide kills the virus", "interval-fasting helps against the virus", "consumption of antiseptics kills the virus", "masks are dangerous because of the accumulation of CO_2" or "nicotine protects against COVID-19".

Human behaviour in recessionary situations such as the current Corona pandemic is hard to predict or model, since there is a huge variety of different influencing factors. Some scientists focused on the development of human behaviour prediction models, but these models have their limitations and must be considered with caution. The following summary of the trial results is presented below:

H_1: People with children under the age of 12 in the same household do more frequently believe in rumours and fake news than childless people.

Hypothesis 1 must be rejected, since there is no significant relationship between the number of children under the age of twelve and the participants' belief in rumours and fake news. However, there is one noteworthy exception:

People with one or more child under the age of twelve more frequently believe that the COVID-19 vaccination changes genetic material than childless people do. Although the number of participants with more than two children is relatively small, the results show an important tendency and should be checked with a greater continuous sampling.

H_2: During the Corona pandemic, younger people are more prone to believing in rumours and fake news on social media.

All rumours and fake news of Q1 were investigated regarding any major differences depending on people's age, but there was no significant relationship between people's age and their susceptibility to rumours and fake news on social media. Thus, H_2 is rejected.

H_3: People follow lockdown rules and mitigation measures more seldom, if they believe in rumours and fake news spread on social media.

The correlation is noticeable only at 0.01 significance level. In other words, there is a positive relationship between both variables: The more people believe in the truth of rumours and fake news spread on social media, the more seldom they follow the Corona mitigation measures. Thus, H_3 was accepted at 0.01 significance level.

H_4: People are more susceptible to rumours and fake news on Corona, if they possess specific characteristics, attitudes or group memberships.

The standardized questionnaire collected several different characteristics and attitudes, but only the correlation between Q16 and Q29 could be identified as being highly significant at 0.01 significance level. In summary, this leads to the following results:

- People who rate themselves as being risk-seeking show a higher tendency to believe in rumours and fake news spread on social media.
- The more people are convinced that economic and social consequences of mitigation measures are destructive rather than beneficial, the stronger they believe in rumors and fake news spread on social media.
- The stronger people believe that the Corona mitigation measures interfere with civil rights and liberty and thus are unconstitutional, the more likely they believe in rumours and fake news spread on social media.
- The stronger people are convinced that virologists and specialists with a critical attitude against Corona measures can only use social media as an information channel and are quickly called conspiracy theorists, the more likely they believe in rumors and fake news spread on social media.

In summary, specific characteristics and attitudes have influence on the extent to which people believe in rumours and fake news spread on social media.

H5: Whether people perceive information as credible or not strongly depends on the information's accurateness or richness of detail.

The highest ratings that could be collected depended on a person's expertise or knowledge, their trust and the information's accurateness or richness of detail. Thus, H5 can partly be accepted, but has to be extended by such influencing factors as "a person's trust" and "a person's expertise or knowledge".

H6: The more people fear the Corona virus, the more they believe in rumours and fake news.

According to the results, the following conclusions can be summarized:

- The stronger people believe the Corona virus is not more dangerous than conventional influenza, the stronger they believe in rumours and fake news spread on social media.
- The stronger people are convinced that the virus is very dangerous and the stronger the virus frightens them, the less they believe in rumours and fake news spread on social media.

Thus, H6 can be accepted at 0.01 significance level.

H7: Women are more susceptible to rumours and fake news on social media than men.

There is no significant difference between both genders regarding their belief in rumors and fake news and thus, H7 must be rejected.

H8: The more people describe themselves as a critical person, the lower the risk they change their behaviour during the pandemic.

Regarding the hypotheses check, the following results can be summarized:

- The higher people rate themselves as being critical, the less likely they are to change their behaviour during the pandemic in terms of rejecting mitigation measures.
- The higher people rate themselves as a critical person, the more likely they follow Corona mitigation measures.

Hence, the hypothesis H8 can be accepted.

H9: The less people trust in politicians and the government, the more they believe in fake news and rumours spread on social media.

Checking H9 included consideration of several variables. Due to this, the following results can be summarized:

- The stronger people believe in rumours and fake news spread on social media, the less they trust in information coming from politicians.
- The stronger people believe in rumours and fake news, the less they trust in information provided by federal authorities.
- The stronger people believe in rumours and fake news, the more convinced they are that the government lets the pandemic seem more dangerous than it actually is.
- The stronger people believe in rumours and fakes news, the more they have the impression that political decisions are becoming more and more incomprehensible.
- The stronger people believe in rumours and fake news, the more convinced they are that the government is hiding facts sharing information with the public.
- The stronger people believe in rumours and fake news, the more convinced they are that reports on Corona topics are too biased and dictated by the government.
- The stronger people believe in rumours and fake news, the more convinced they are that information, released by the government, does not adequately meet the truth.

In summary, it can be stated that people who believe in rumours and fake news evaluate the way the government provides information as hardly trustworthy.

Additionally, due to rumours and fake news spreading on social media, people have become more critical towards Corona mitigation measures.

H10: People, who believe that there is some truth in rumours and fake news spread on social media, have developed a more critical attitude towards Corona mitigation measures during the pandemic.

According to f H10, the following can be summarized:

- The stronger people believe in rumours and fake news, the more likely these people develop a critical attitude towards Corona mitigation measures.

Thus, H10 can be accepted at 0.01 significance level.

Conclusion

In terms of limitations, it must be mentioned that the present paper only focused on examining rumours and fake news spread on social media platforms. However, there are many conspiracy theories on the Corona topic, circulating via other online and offline channels that further research can concentrate on.

Additionally, the present paper only considers rumours and fake news in English and German. Beside these languages, there are many other rumours and fake news in languages the paper did not cover. As the results are based on an investigation in the Federal Republic of Germany, it must be taken into consideration that they cannot be transferred to other countries' population. Impacts of rumours and fake news on human behaviour may differ depending on a particular country. Another issue that limits the present paper's results is that some COVID-19 rumours, used for confrontation with the people engaged, with time might be classified as accurate information.

Potential for improvement lies in using a greater yield of samples. The survey lasted three months; however, it was not possible to reach the necessary calculated number of participants. It can be assumed that a larger sample size would make results more reliable. Another potential for improvement lies in extending the questionnaire. Extra characteristics and group memberships could be identified from previous studies and/or additional statements could be added to the existing items.

In summary, not only is the COVID-19 pandemic affecting people's behaviour, but also the way scientists study

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-162-170

behaviour. In future, researchers probably will conduct more substantial studies to produce widely applicable findings. The study of J. J. Van Bavel et al. already made the first step towards such international collaborations to study the same topic but within the territory of several countries [23]. It's probable that the COVID-19 pandemic made researchers more willing to share information and collaborate. Instead of running small experiments, mega-studies can be conducted by large groups of scientists. Moreover, bigger sample sizes can be gathered due to new social distancing practices – in future, experiments will mainly work online, which can be seen as an important improvement on scientific methodology. Thus, the COVID-19 pandemic can also be seen as a chance for researchers to rethink the fundamentals of science, since the way people communicate has significantly changed as well as the engagement with collaborators.

The present paper shows that the Corona pandemic must be seen as a serious economic and health crisis – it caused major global disruption and up to now, there is no end in sight. The results obtained show that not everybody agrees with the governmental mitigation measures and for some people negative side-effects, especially with regard to children's health, predominate positive effects of the mitigation measures. Hence, in future, there will be a huge variety of different interesting approaches for scientists in the field of human behaviour.

Investigation of the future of SARS-CoV-2 by S. M. Kissler et al. states that its role will not diminish until 2024 [29]. However, these estimates must be seen in the context of human behaviour. People's psychological condition is affected due to the Corona pandemic, especially, global governmental mitigation measures of social distancing. Therefore, it can be assumed that human behaviour in the course of the pandemic will change in a very different direction – this again leads to a huge variety of research approaches. Some scientists, such as I. A. Cristea and F. Naudet, also emphasize that research on human behaviour will be significantly influenced by the Corona pandemic – but these authors see the impacts from another point of view [30]. Due to the governmental mitigation measure of strict lockdowns, research laboratories often had to close, too. According to the authors, disruptions like these provide important opportunities for structural reforms.

Human behaviour research is strongly associated with specific data collection methods such as experiments, observations or personal interactions between researchers and participants. In their article on opportunities and challenges for future human behaviour research in the context of the Corona pandemic, C. Gentili and I. A. Cristea postulate that data collection will probably not return to conventional normality [31]. To give an example in the field of human behaviour research, the authors state that in general, neuroimaging studies require placing the participants in a confined space of magnetic resonance imaging scanners. Studies like these, for instance, measure electroencephalography, stress hormones, psychophysiology and/or even require placing of electrodes, collection of salvia or blood samples, which implies that often there is a close contact between researchers and participants. Research in behavioural science is based on interaction. Therefore, experiments can only be conducted in a "socially distant" way, which, for instance, means making both research personnel as well as participants wear masks and/or keep a safe distance [31].

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература / References

1. De Ceukelaire W., Bodini C. We need strong public health care to contain the global Corona pandemic. *International Journal of Health Services,* 2020, 50(3): 276–277. https://doi.org/10.1177/0020731420916725
2. Liu Y.-C., Kuo R.-L., Shih S.-R. COVID-19: The first documented coronavirus pandemic in history. *Biomedical Journal,* 2020, 43(4): 328–333. https://doi.org/10.1016/j.bj.2020.04.007
3. Honigsbaum M. *A history of the great influenza pandemics: death, panic and hysteria, 1830–1920*. London: I. B. Tauris, 2013, 313.
4. Walker P. G., Whittaker C., Watson O., Baguelin M., Ainslie K., Bhatia S. et al. The impact of COVID-19 and strategies for mitigation and suppression in low- and middle-income countries. *Science*, 2020, 368(6502): 413–422. https://doi.org/10.1126/science.abc0035
5. Moser D. A., Glaus J., Frangou S., Schechter D. S. Years of life lost due to the psychosocial consequences of COVID-19 mitigation strategies based on Swiss data. *European Psychiatry*, 2020, 63(1). https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2020.56
6. Akseer N., Kandru G., Keats E. C., Bhutta Z. A. COVID-19 pandemic and mitigation strategies: implications for maternal and child health and nutrition. *American Journal for Clinical Nutrition*, 2020, 112(2): 251–256. https://doi.org/10.1093/ajcn/nqaa171
7. Alkhodair S. A., Ding S. H. H., Fung B. C. M., Liu J. Detecting breaking news rumors of emerging topics in social media, *Information Processing & Management*, 2020, 57(2). https://doi.org/10.1016/J.IPM.2019.02.016
8. Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining "Fake News". *Digital Journalism*, 2018, 6(2): 137–153. https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143

9. Robinson S., DeShano C. 'Anyone can know': Citizen journalism and the interpretive community of the mainstream press. *Journalism*, 2011, 12(8): 963–982. https://doi.org/10.1177/1464884911415973
10. Wall M. Citizen Journalism: A retrospective on what we know, an agenda for what we don't. *Digital Journalism*, 2015, 3(6): 797–813. https://doi.org/10.1080/21670811.2014.1002513
11. Kühne S., Kroh M., Liebig S., Rees J., Zick A., Entringer T. M. et al. *Gesellschaftlicher Zusammenhalt in Zeiten von Corona: Eine Chance in der Krise?* SOEP papers on Multidisciplinary Panel Data Research. Berlin: Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung (DIW), 2020, vol. 1091.
12. Engels B. *Corona: Stresstest für die Digitalisierung in Deutschland*. IW-Kurzbericht 23/2020. Institut der Deutschen Wirtschaft. Köln, 2020.
13. Levy N. The bad news about fake news. *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2017, 6(8): 20–36.
14. Rini R. Fake news and partisan epistemology. *Kennedy Institute of Ethics Journal*, 2017, 27(2). https://doi.org/10.1353/ken.2017.0025
15. Liu F., Burton-Jones A., Xu D. Rumors on Social Media in Disasters – extending transmission to retransmission. *PACIS Proceedings*, 2014, 49. URL: https://aisel.aisnet.org/pacis2014/49 (accessed 10 Jan 2022).
16. Tseng H., Fogg B. J. The elements of computer credibility. *Papers CHI 99*, 15–20 May 1999, 80–87.
17. Eastin M. S., Eysenbach G., Hilligoss B., Harris F. J., Lankes R. D., Rieh S. Y., Sundar S. S., Weingarten F. W. *Digital media, youth and credibility.* London: MIT Press, 2008. https://doi.org/10.1162/dmal.9780262562324.vii
18. Appelman A., Sundar S. S. Measuring message credibility: construction and validation of an exclusive scale. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2016, 93(1). https://doi.org/10.1177/1077699015606057
19. Oh H. J., Lee H. When do people verify and share health rumors on social media? The effects of message importance, health anxiety, and health literacy. *Journal of Health Communication*, 2019, 24(11): 837–847. https://doi.org/10.1080/10810730.2019.1677824
20. Sternisko A., Cichocka A., Van Bavel J. J. The dark side of social movements: Social identity, non-conformity, and the lure of conspiracy theories. *Current opinion in psychology*, 2020, 35: 1–6. https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.007
21. Milkman K. L., Patel M. S., Gandhi L., Graci H. N., Gromet D. M., Ho H. et al. A mega-study of text-based nudges encouraging patients to get vaccinated at an upcoming doctor's appointment. *Rotman School of Management Working Paper*, 2021, 118(20). https://doi.org/10.2139/ssrn.3780267
22. Marchlewska M., Cichocka A., Łozowski F., Górska P., Winiewski M. In search of an imaginary enemy: Catholic collective narcissism and the endorsement of gender conspiracy beliefs. *The Journal of Social Psychology*, 2019, 159(6): 766–779. https://doi.org/10.1080/00224545.2019.1586637
23. Van Bavel J. J., Cichocka A., Capraro V., Sjåstad H., Nezlek J. B., Alfano M. et al. National identity predicts public health support during a global pandemic. *PsyArXiv*. 2020. https://doi.org/10.31234/osf.io/ydt95
24. Umeogu B. Source credibility: A philosophical analysis. *Open Journal of Philosophy,* 2012, 2(2): 112–115. https://doi.org/10.4236/ojpp.2012.22017
25. Eisend M. Source credibility dimensions in marketing communication – a generalized solution. *Journal of Empirical Generalisations in Marketing*, 2006, 10: 1–33.
26. Miller S. M. Monitoring and blunting: Validation of a questionnaire to assess styles of information seeking under threat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 52(2): 345–353. https://doi.org/10.1037//0022-3514.52.2.345
27. Lazarus J. V., Ratzan S. C., Palayew A., Gostin L. O., Larson H. J., Rabin K., Kimball S., El-Mohandes A. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine. *Natural Medicine*, 2021, 27(2): 225–228. https://doi.org/10.1038/s41591-020-1124-9
28. Johansen N., Miserez M., de Beaux A., Montgomery A., Macario Faylona J., Carbonell A., Bisgaard T. Surgical strategy for contralateral groin management in patients scheduled for Unilateral Inguinal Hernia Repair: An International Web-based Surveymonkey® Questionnaire: Strategy for Contralateral Groin Management during Inguinal Hernia Repair. *Scandinavian Journal of Surgery*, 2020, 110(3): 368–372. https://doi.org/10.1177/1457496920938600
29. Kissler S. M., Tedijanto C., Goldstein E., Grad Y. H., Lipsitch M. Projecting the transmission dynamics of SARS-CoV-2 through the postpandemic period. *Science*, 2020, 368(6493): 860–868. https://doi.org/10.1126/science.abb5793
30. Cristea I. A., Naudet F. Increase value and reduce waste in research on psychological therapies. *Behaviour Research and Therapy*, 2019, 123. https://doi.org/10.1016/j.brat.2019.103479
31. Gentili C., Cristea I. A. Challenges and opportunities for human behavior research in the Coronavirus disease (COVID-19) pandemic. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01786

оригинальная статья

Профессиональные предпочтения кузбасской молодежи

Морозова Елена Алексеевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-2215-9808
morea@inbox.ru

Кузнецова Татьяна Александровна
Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-1813-642X

Поступила в редакцию 12.03.2022. Принята после рецензирования 22.04.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Важнейшим фактором, усугубляющим эффективное функционирование региональных рынков труда, является «молодежный»: позднее осознание юношами и девушками своих образовательно-профессиональных предпочтений, ошибки при выборе направлений подготовки и специальностей, зачастую несерьезное отношение к обучению и развитию, высокая миграционная активность (потенциальная и реальная), рост трудовой мобильности, неопределенность карьерных планов и т. п. Эти сложности профессионального определения молодежи требуют глубокого и тщательного изучения сопряженных с ним аспектов. Цель исследования – анализ профессиональных предпочтений обучающейся молодежи Кемеровской области – Кузбасса в динамике за 2015–2020 гг. Впервые зафиксированы некоторые закономерности в выборе старшеклассниками образовательно-профессиональных траекторий: рост популярности медицинских профессий и IT-специальностей при снижении внимания к экономико-управленческим направлениям деятельности; ориентация учащихся не только на интерес к будущей профессии, но и на перспективность, востребованность специальности, на уровень оплаты труда; среди отраслей экономики большими предпочтениями стали пользоваться здравоохранение, IT-сфера, правоохранительная система и культурно-спортивно-досуговая, хотя еще недавно в топе были финансы, средства массовой информации, государственное и муниципальное управление; современные школьники при выборе будущей профессии ориентируются либо на советы родителей, либо на свое собственное мнение; около трети старшеклассников хотели бы в будущем работать на руководящей должности или самостоятельно управлять своим делом, а около 45 % предпочитают трудиться в наемном формате.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, направление подготовки, специальность, предпочтение, образовательная организация, кадровый потенциал, рынок труда, молодежь

Цитирование: Морозова Е. А., Кузнецова Т. А. Профессиональные предпочтения кузбасской молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 171–179. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-171-179

full article

Career Choice of Youthful Population in the Kemerovo Region

Elena A. Morozova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-2215-9808
morea@inbox.ru

Tatiana A. Kuznetsova
Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-1813-642X

Received 12 Mar 2022. Accepted after peer review 22 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The so-called youth factor aggravates the situation in the regional labor markets. As a rule, young people are slow to develop education and career choice. Subsequently, they choose majors they have no interest for, which results in a careless attitude to training. The youth factor also includes such issues as high migration, active labor mobility, vague career plans, etc. The present research objective was to perform a diachronic analysis of the professional preferences demonstrated by the university students in the Kemerovo Region. The sociological study identified some patterns in the way high school students choose their education and career path. For instance, medical and IT specialties have become more popular, while economic and managerial areas are losing their attractiveness. Students choose their future profession based on career prospects, labor market, and salary, not on their interests. Finance, mass media, and municipal administration are giving way to healthcare, IT, law enforcement, culture, sports, and leisure. Applicants are guided primarily by the advice of their parents or their own opinion. About a third of high school students would like to occupy a managerial position or run a business of their own, while 45% prefer to work as employees.

Keywords: career guidance, direction of training, specialty, preference, educational organization, personnel potential, labor market, youth

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Morozova E. A., Kuznetsova T. A. Career Choice of Youthful Population in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 171–179. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-171-179

Введение

В последние годы все активнее появляются научные публикации, которые акцентируют внимание на проблемах кадрового обеспечения региональных экономик, его влиянии на стабильное развитие территорий [1; 2]. Нельзя не согласиться, что «в современных условиях от уровня развития кадрового потенциала зависит возможность региона реализовать технологические изменения, использовать передовые технологии, модернизировать производство, проводить цифровизацию отраслей экономики» [3, с. 29].

Основным источником пополнения кадрового потенциала является молодежь, которая, получив общее и профессиональное образование, должна включаться в производственные процессы, приходить на смену старшему поколению, привносить в экономику «свежую струю». По мнению исследователей, рассматривать молодежь с позиции управления человеческими ресурсами следует через призму государственного развития России, поскольку выбор молодыми людьми будущей профессии определяет сущность российской экономики; структура занятости молодежи по отраслям экономики отражает приоритетные на данный момент сферы деятельности; уровень подготовленности и степень мотивированности к труду, личностные качества, инновационность молодежи определяют развитие общества в целом [4, с. 12].

Однако многие субъекты России испытывают серьезный кадровый голод при высоком уровне оттока молодежи. Молодежная миграция влечет высокие социально-экономические риски для устойчивого развития отдельных муниципальных образований, регионов и стран. Чтобы преодолеть негативные тенденции на региональных рынках труда, важно не только констатировать их проблемы, выявлять мотивы миграционных настроений выпускников образовательных организаций, но и искать более глубокие причины центробежных тенденций, анализировать образовательные и профессиональные предпочтения молодежи, что позволит «подстраивать» структуру экономики не только под ее нужды, но и под потребности ее реально и потенциально активных участников – молодых людей и девушек.

Цель исследования – анализ профессиональных предпочтений обучающейся молодежи Кемеровской области – Кузбасса в динамике за 2015–2020 гг.

Вопросы профессионального выбора, трудовой ориентации, карьерных планов российской молодежи достаточно активно обсуждаются в научной литературе представителями различных отраслей знания, исследующими разные аспекты проблемы [5–11]. Специалисты считают, что профессиональные и карьерные ориентации в юношестве «находятся в начальной стадии своего формирования и даже у студентов-выпускников отличаются слабой дифференцированностью, декларативностью, малой осознанностью, противоречивостью, часто – несформированностью» [12], поэтому поиск методов их изучения и механизмов влияния остается важной исследовательской задачей.

Особый вклад в изучение обсуждаемых проблем вносят социологи, реализуя системный подход при анализе явлений и процессов, опираясь на серьезные теоретические концепты, солидную статистику и богатую социологическую информацию [13–17]. Выводы исследователей свидетельствуют не только об остроте вопросов профессиональной ориентации и подготовки подрастающего поколения, но и о просчетах в управлении соответствующими процессами. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги подчеркивают: «В настоящее время вопрос профессионального самоопределения учащихся является одним из самых актуальных в системе среднего образования. Государственная политика в этой сфере за последние 20 лет была достаточно противоречивой и непоследовательной» [18, с. 326]. А коллектив авторов Института социологии ФНИСЦ РАН, проведя крупномасштабное исследование среди молодежи, констатирует: «Современная молодежь выходит на рынок труда в ситуации, когда российское социальное государство слабеет, а то, что раньше формировало круг его обязанностей, трансформируется в услуги, большинство из которых носит коммерческий характер. <…> В этой ситуации многие молодые люди становятся перед выбором: вкладываться в учебу и продолжить поиск работы с высокими квалификационными требованиями и высокой степенью личной вовлеченности или рассматривать сферу труда как вторичную, как способ получить умеренный заработок при минимальной отдаче, а все жизненные смыслы поместить в сферу досуга» [19, с. 115].

В качестве отдельного направления исследований можно выделить анализ образовательных и профессиональных траекторий юношей и девушек, их профессиональной ориентации, поведения на региональных рынках труда, особенно тех, где существует или намечается дефицит кадров, а также практик и путей совершенствования профориентационной работы на субфедеральном уровне [20–24]. Например, Ю. Н. Никулина подчеркивает: «Создание региональной системы профориентационной работы сегодня является актуальной задачей для каждого региона Российской Федерации. <…> Основной задачей современной системы образования является формирование компетентной личности, конкурентоспо-

собной на рынке труда, способной к саморазвитию и профессиональному самоопределению» [25, с. 1267–1268].

Таким образом, научная актуальность проблем потенциальной трудовой занятости молодежи с годами только возрастает, приобретает новые оттенки, реагируя на вызовы времени. Определенный вклад в изучение данного направления попытались внести и авторы настоящей статьи, проведя ряд социологических исследований с помощью разработанных ими методик, позволяющих оценить (в том числе в динамике) профессиональные предпочтения молодых людей и девушек, их мотивы и субъекты влияния, видение карьерно-трудовых перспектив старшеклассников и студентов Кемеровской области – Кузбасса, а также желаемые сферы трудовой деятельности, которая в последние годы теряет весомую долю выпускников образовательных учреждений, уезжающих из родного региона в целях продолжения обучения и / или трудоустройства.

Методы и материалы. Первое социологическое исследование было проведено в 2015 г. среди учащихся 10–11 классов общеобразовательных школ Кемеровской области (910 человек). Спустя почти 6 лет был проведен повторный опрос кузбасских старшеклассников, но в режиме онлайн (3251 человек). Дополнительным источником информации послужили анкетные опросы старшеклассников (400 человек) и студентов вузов (450 человек) Кемерова осенью 2020 г. Более подробную информацию об этих исследованиях см. в [2].

Результаты

Укрепление кадрового потенциала территории во многом определяется образовательными и трудовыми предпочтениями и планами молодежи, а один из основных факторов ее закрепления в родном регионе – наличие интересной высокооплачиваемой работы. Кем и где хотят работать юноши и девушки Кузбасса, могут продемонстрировать данные социологических исследований старшеклассников Кемеровской области за 2015 и 2020 г.

Отвечая на вопрос «По какой специальности (направлению) Вы намерены (хотели бы) получить профессиональное образование?», школьники имели возможность дать три «свободных» ответа, поставив их по степени приоритетности. Хотя бы одну специальность в 2015 г. назвали 94 % (98 % в 2020 г.) опрошенных, две – 46 % (30 % в 2020 г.), три – 21 % (13 % в 2020 г.). Примерно половина учащихся в обоих исследованиях достаточно твердо определились с будущей профессией (дан единственный ответ), около трети выбирали между двумя направлениями, а каждый пятый (восьмой) – как минимум между тремя.

Так как респонденты давали ответы в открытой форме, перечни названных специальностей были очень обширными, а профессии назывались с разной степенью детализации: одни указывали общее направление, сферу (например, естественно-научное, гуманитарное направление, культура и т. п.), другие определили для себя конкретную специализацию (врач-стоматолог-ортодонт, дизайнер среды, военный связист, переработчик полимеров, психолог-криминалист и т. д.).

Для большей наглядности профессиональных предпочтений старшеклассников остановимся на анализе данных только по первостепенному выбору (1 место), указав доли респондентов, назвавших различные специальности и направления подготовки, от общего числа старшеклассников, давших конкретные ответы (табл. 1). Исследование 2015 г. показало, что в тот период наиболее востребованными были профессии (специальности, направления) экономико-управленческого, юридического, инженерного и медицинского профилей. В 2020 г. приоритеты молодежи несколько изменились: на первое место вышли медицинские специальности, на второе-третье – юридические и IT-специальности. Замыкают список лидеров экономические и инженерные профессии.

Следующий вопрос определял основные мотивы выбора профессии (табл. 2). Ответы на него показали, что чаще всего обучающиеся ориентируются на собственный интерес к специальности. В данном случае кузбасские школьники не стали исключением, т. к. результаты федеральных исследований подтверждают данную тенденцию: «интерес к профессии – доминирующий мотив ее выбора учащимися средних школ» [18, с. 337]. Весомыми мотивами являются перспективность, востребованность будущей

Табл. 1. Наиболее предпочитаемые школьниками специальности (направления) для профессионального обучения, %
Tab. 1. Majors chosen by high school students, %

Специальности (направления)	Школьники КО 2015	Школьники КО 2020
Экономика, управление (в т.ч. маркетинг, предпринимательство)	15	9
Правоведение, правоохранительная деятельность	13	12
Инженерно-технические специальности	13	9
• инженер, техник, технолог	7,0	4,8
• геология, угледобыча	1,4	1,7
• нефтегазовая промышленность	1,1	0,8
• энергетика	1,3	0,9
• машиностроение	1,9	0,7
Психология, социальная психология, социальная работа	2	2
Художественное творчество, дизайн, фотография / мода, стиль, эстетика, услуги красоты, парикмахерское искусство	2	1
Международные отношения, история, археология	2	1
Культура, актерское мастерство, спорт	2	3
Транспорт и связь	2	1
Физика, математика, астрология, ядерные технологии	2	2

Специальности (направления)	Школьники КО 2015	Школьники КО 2020
Гостеприимство, общественное питание	2	0,6
Химия	2	1
Философия, политология, социология	1	0
Сельское хозяйство	1	1
Торговля, общественное питание	0,5	0,2
Легкая и пищевая промышленность	0,5	0,5
География и экология	0,5	1
Биология	0,4	0,6
Наука, нанотехнологии, космические исследования	0	0,3
Универсальные рабочие профессии / специальности	0	0,5
ВО или СПО (без указания направления, специальности)	0	4
Профессиональное образование получать не намерены	0	3
Разное	1	1

Табл. 2. Ответы на вопрос «Почему Вы намерены выбрать именно это направление подготовки (профессию, специальность)?», % от числа ответивших
Tab. 2. Responses to "Why do you choose this particular major?", %

Варианты ответа	Школьники КО 2015	Школьники КО 2020
Это перспективная, востребованная специальность	56	63
Работа по этой специальности хорошо оплачивается	38	47
Давно мечтаете об этой специальности, она Вам интересна	61	60
Имеете льготы при поступлении на эту специальность	2	5
Учились в профильном классе, специализированной школе	18	12
Больше шансов поступить на бюджетное место	11	12
Ниже плата за обучение по сравнению с другими специальностями	2	2
По этой специальности легко учиться	2	5
Советуют родители, родственники	16	16
Советуют школьные учителя	1	3
Хотите поступать вместе с друзьями (по примеру друзей)	4	4
По этой специальности учатся (учились) родственники	6	6
Не можете объяснить свой выбор	1	4
Почему еще	3	1

профессии и достойная оплата будущего труда. Остальные мотивы менее значимы, но назовем те, что получили более 10 % упоминаний у школьников: учеба в профильном классе (школе), советы родителей и других родственников, высокие шансы поступить на бюджетное место.

Некоторые профессии предполагают вполне определенную отрасль или сферу деятельности (например, врач – здравоохранение, учитель – образование), а некоторые являются более универсальными в плане отраслевой принадлежности (менеджер, экономист, юрист и др.). Чтобы определить, какие отрасли народного хозяйства более интересны учащимся старших классов, им задавался отдельный вопрос (табл. 3). Наиболее популярными у старшеклассников в 2015 г. были следующие сферы профессиональной деятельности: финансовая; культура, спорт, досуг; средства массовой информации (СМИ); государственное и муниципальное управление (ГМУ). В 2020 г. четыре верхних строки заняли (в порядке убывания голосов): здравоохранение; IT-отрасль; правоохранительные органы; культура, спорт, досуг. Отметим, что за несколько лет у старшеклассников снизился интерес

Табл. 3. Ответы на вопрос «В какой отрасли народного хозяйства Вы хотели бы трудиться в будущем?», % от числа ответивших
Tab. 3. Responses to "Which industry would you like to work in?", %

Варианты ответа	Школьники КО 2015	Школьники КО 2020
Промышленность	8	4
Финансовые, страховые, налоговые организации	20	15
Жилищно-коммунальный комплекс	2	3
Здравоохранение	11	18
Правоохранительная система	14	16
Социальное обслуживание	6	9
Вооруженные Силы	10	10
Строительство	10	8
Сельское хозяйство	2	2
Транспорт	7	5
Связь, IT-технологии	14	18
Образование	11	13
Культура, спорт, досуг	18	16
Туризм, гостиничное дело	14	8
Средства массовой информации	15	11
Торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, сервис	8	5
Государственное, муниципальное управление	15	11
Другое	2	1
Отрасль Вам не важна, лишь бы работать по своей профессии	5	8
Вы пока не определились	7	5

к промышленности, СМИ, туризму и гостиничному делу, ГМУ. Некоторые школьники пока не определились, в какой отрасли они хотели бы работать в будущем. Для части респондентов отрасль вообще не имеет значения, важно лишь работать по профессии.

С целью узнать, насколько выбор будущей профессии является самостоятельным решением выпускника школы, в 2020 г. респондентам онлайн-опроса был задан соответствующий вопрос (табл. 4). Почти половина опрошенных школьников при выборе своей будущей профессии спрашивают совета родителей и прислушиваются к их мнению. Другие «советчики» имеют значительно меньшее влияние на профессионально-образовательный выбор школьников. Без ориентации на чье-либо мнение выбирают будущее направление подготовки 41 % старшеклассников.

В ходе областного онлайн-исследования определено, кем себя видят школьники в будущем (по прошествии 10 лет), задумываются ли они о своей профессиональной карьере (табл. 5). Большинство опрошенных видят себя в будущем владельцами собственного бизнеса (15 %). Столько же респондентов затруднились с ответом на поставленный вопрос. В меньшей степени школьники хотят быть служащими в муниципальных органах власти (3 %).

Дополнительную информацию, в основном подкрепляющую приведенные данные, но отражающую и определенные особенности, дают результаты анкетирования старшеклассников и студентов вузов города Кемерово 2020 г. Респондентам адресовался открытый вопрос о предпочитаемом направлении подготовки (студенты вузов отвечали на этот вопрос в том случае, если планировали продолжить обучение после бакалавриата; таковых было 58 % от общего числа опрошенных). Ответы были сгруппированы в соответствии с принятым общероссийским классификатором специальностей по образованию[1]. Приведем полученные данные по первоочередному (из трех возможных) выбору (табл. 6). Чаще всего кемеровские старшеклассники и студенты хотят продолжить обучение в рамках наук об обществе (более половины вузовских воспитанников при этом нацелены на экономико-управленческий профиль); инженерно-технического направления; медицины. Иные направления востребованы менее чем в 10 % случаев.

В табл. 7 показано, в каких отраслях, сферах экономики желают трудиться кемеровские школьники и студенты. Около 10 % обучающихся школ и вузов подчеркнули, что отрасль не важна, лишь бы работа соответствовала полученной специальности. Еще 8–9 % обучающихся пока не определились с предпочтениями. У старшеклассников наиболее востребованными явились такие отрасли (по мере убывания числа упоминаний), как культура, спорт, досуг; связь, IT-технологии; финансовые, страховые, налоговые организации; образование и наука; СМИ; правоохранительная система; ГМУ; здравоохранение. Студенты чаще всего хотят работать в организациях финансового профиля; в учреждениях культуры, спорта, досуга; в научно-образовательной сфере; в области ГМУ; в сфере торговли, общественного питания, бытового обслуживания, сервиса; в организациях здравоохранения; в IT-сфере и сфере связи; в туризме

Табл. 4. Ответы на вопрос «Кто оказывает (может оказать) наиболее сильное влияние на Ваш образовательный и профессиональный выбор», % от числа опрошенных
Tab. 4. Responses to "Who has affected your choice of major?", %

Варианты ответа	Школьники КО 2020
Родители	49
Никто, выбор делаете с опорой исключительно на собственное мнение	41
Известные люди, профессионалы, с которыми Вы лично не знакомы	13
Школьные учителя	11
Ваши друзья, одноклассники	8
Представители вузов, техникумов, других образовательных организаций	8
Друзья, знакомые, коллеги Ваших родителей и родственников, соседи	7
Другие родственники	5
Затрудняетесь ответить	3
Другие	0,5

Табл. 5. Ответы на вопрос «Кем Вы видите (представляете) себя через 10 лет?», % от числа опрошенных
Tab. 5. Responses to "Where will you be in ten years?", %

Варианты ответа	Школьники КО 2020
Владелец (собственник / учредитель) частного бизнеса	15
Профессионал, наемный работник в частном бизнесе	11
Сотрудник государственного / муниципального предприятия / учреждения	11
Служащий в органах государственной власти	9
Фрилансер (свободный работник)	7
Управляющий частным бизнесом	6
Сотрудник силовой структуры	6
Сотрудник иностранной компании	6
Индивидуальный предприниматель	5
Служащий в муниципальных (городских, районных) органах власти	3
Другое	1
Затрудняетесь ответить	15
Указана только профессия	5

[1] ОК 009-2016. Общероссийский классификатор специальностей по образованию (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2007-ст). СПС КонсультантПлюс.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-171-179

и гостиничном бизнесе. По ряду отраслей деятельности (промышленность; финансовая сфера; правоохранительная система; связь и IT-технологии; культурно-спортивно-досуговая сфера; СМИ; торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, сервис) предпочтения старшеклассников и студентов заметно отличаются.

Табл. 6. Ответы на вопрос «По какому направлению (специальности) Вы намерены (хотели бы) получить высшее или среднее профессиональное образование / работать?», 2020 г., % от числа опрошенных
Tab. 6. Responses to "In what sphere do you intend to get a higher or secondary vocational education / work?", 2020, %

Специальность	Школьники Кемерова	Студенты Кемерова
Науки об обществе	35,8	20,2
• экономика и управление	14,2	11,9
• юриспруденция	9,3	2,2
Инженерное дело, технологии и технические науки	19,5	12,9
Здравоохранение и медицинские науки	10,8	11,8
Математические и естественные науки	9,3	4,9
Искусство и культура	6,5	3,3
Гуманитарные науки	6,0	1,1
Образование и педагогические науки	2,8	2,4
Оборона и безопасность государства, военные науки	2,5	0
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	1,0	1,3
Не ответили, не определились	5,8	42,0

Табл. 7. Ответы на вопрос «В какой сфере, отрасли экономики Вы хотели бы трудиться в будущем?», 2020 г., % от числа опрошенных
Tab. 7. Responses to "In what industry would you like to work in the future?", 2020, %

Отрасли экономики	Школьники Кемерова	Студенты Кемерова
Промышленность	4	11
Финансовые, страховые, налоговые организации	17	23
Жилищно-коммунальный комплекс	1	4
Здравоохранение	13	14
Правоохранительная система	15	10
Социальное обслуживание	8	6
Вооруженные Силы	8	4
Строительство	5	8
Сельское хозяйство	1	4
Транспорт	5	3
Связь, IT-технологии	24	13
Образование, наука	16	18
Культура, спорт, досуг	25	19
Туризм, гостиничное дело	11	13
Средства массовой информации	16	11
Торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, сервис	9	17
Государственное, муниципальное управление	14	17
Другое	2	1
Отрасль Вам не важна, лишь бы работать по своей профессии	9	10
Вы пока не определились	8	9

Заключение

Проведенные в Кузбассе исследования позволили выявить ряд закономерностей в профессиональном определении молодежи:

1. В 2015 г. особой популярностью у старшеклассников пользовались специальности (по мере убывания упоминаний) экономико-управленческой, правовой, инженерной и медицинской направленности. В 2020 г. первую позицию заняли медицинские профессии, вторую-третью – юридические и IT-специальности, четвертую-пятую – экономические и инженерные. Таким образом, за неполные 6 лет предпочтения школьников несколько изменились: экономико-управленческие специальности стали менее востребованными, чем медицинские; снизился рейтинг инженерных профессий; сильно выросла популярность IT-специалистов. Остальные профессии набирали не более 6 % голосов.

2. Один из главных мотивов выбора будущей профессии у молодежи – интерес к ее содержанию. Однако кузбасские старшеклассники в исследовании 2020 г. продемонстрировали заметный рост такого мотива, как перспективность и востребованность специальности (он даже оказался весомее интереса к профессии). Ощутимо увеличился и процент указавших на материально-денежные ожидания от выбора рода трудовой деятельности. Другие мотивы озвучивались значительно реже.

3. В 2015 г. чаще всего старшеклассники мечтали работать в финансовых, культурно-спортивно-досуговых организациях, СМИ, учреждениях ГМУ. В 2020 г. в топ попали по большей части иные трудовые сферы: система здравоохранения, IT-отрасль, правоохранительные органы; культурно-спортивно-досуговые организации. Особенно выросла популярность медицинских организаций. Более заметное снижение соответствующих показателей произошло по таким сферам, как промышленность, туризм и гостиничное дело, СМИ, ГМУ, финансы. Однако исследование среди старшеклассников кузбасской столицы показало,

что у них в большем приоритете, чем в среднем по области, культурно-спортивно-досуговая сфера и IT-технологии, а здравоохранение оказалось только на 8 месте.

4. Современные старшеклассники при выборе будущей профессии ориентируются на советы родителей либо на собственное мнение. Иные субъекты воздействия, в том числе школьные учителя и представители профессиональных и высших образовательных организаций, указываются редко, что свидетельствует, с одной стороны, о недоработках в профессиональной ориентации школьников, с другой – о смещении мотивационного влияния в семейную среду.

5. Карьерно-статусные устремления у многих кузбасских школьников пока не определены, а чаще всего они видят себя в будущем владельцами собственного бизнеса. Вторая-третья позиции достались наемным работникам в бизнесе и сотрудникам государственных или муниципальных организаций. Кроме того, есть школьники, желающие быть фрилансерами или индивидуальными предпринимателями, служащими в государственных органах, менеджерами в частном бизнесе и т. п. Примерно треть старшеклассников готовы брать на себя ответственность и создавать собственные предприятия, руководить чьим-то бизнесом или быть самозанятыми, а около 45 % предпочитают в будущем работать в различных сферах экономики и формах собственности под чьим-то началом.

В целом социологические опросы показали, что профессиональные предпочтения кузбасской молодежи, во-первых, выражены достаточно определенно, во-вторых, меняются с течением времени, в-третьих, отличаются в зависимости от места проживания. Но в любом случае профориентационная работа среди обучающихся нуждается в корректировке, системном подходе, пронизывающем все уровни и формы возможного влияния на образовательный и трудовой выбор молодежи, причем такой, чтобы учитывать и желания самих юношей и девушек, и потребности экономики региона, и возможности системы профессионального и высшего образования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Никулина Ю. Н. Особенности реализации региональной политики кадрового обеспечения экономики. *Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 24–25 ноября 2021 г.) Оренбург: ОГУ, 2021. С. 724–728.
Nikulina Yu. N. Regional policy of personnel support of the economy. *Development and interaction of the real and financial sectors of the economy in the conditions of digital transformation*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 24–25 Nov 2021. Orenburg: OSU, 2021, 724–728. (In Russ.)
2. Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338
Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth migration in the Kemerovo region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i economicheskie nauki,* 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338
3. Никулина Ю. Н., Кучина Е. В. Регулирование системы кадрового обеспечения экономики на региональном уровне. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2021. Т. 15. № 4. С. 29–37. https://doi.org/10.14529/em210403
Nikulina Yu. N., Kuchina E. V. Regulation of the staffing system of the economy at the regional level. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2021, 15(4): 29–37. (In Russ.) https://doi.org/10.14529/em210403
4. Байсара Э. Р., Макаров И. Н. Молодое поколение – инновационное будущее российского общества. *Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ*. 2020. № 17. С. 12–19.
Baysara E. R., Makarov I. N. The youth of today age Russian society's innovative future. *Scientific notes of the Tambov branch of the RUYS*, 2020, (17): 12–19. (In Russ.)
5. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Журавлева О. В., Нерсисян А. М. Особенности привлечения молодых специалистов и негативные тенденции на рынке труда России. *Экономика труда.* 2020. Т. 7. № 3. С. 253–266. https://doi.org/10.18334/et.7.3.100709
Drobot E. V., Makarov I. N., Zhuravleva O. V., Nersisyan A. M. Features of attracting the young professionals and negative trends in the Russian labor market. *Ekonomika truda,* 2020, 7(3): 253–266. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/et.7.3.100709
6. Тучина О. Р. Карьерные ориентации молодежи в контексте представлений о будущем. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21. № 3. С. 125–137. https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-125-137

Tuchina O. R. Career orientation for youth in the context of of their vision of the future. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2020, 21(3): 125–137. (In Russ.) https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-125-137

7. Хаджимурадова Т. Х. Проблемы профессиональной ориентации молодежи: пути и способы решения. *Colloquium-journal.* 2019. № 9-8. С. 138–139.
Khadzhimuradova T. Kh. Problems of vocational guidance of young people: ways and solutions. *Colloquium-journal*, 2019, (9-8): 138–139. (In Russ.)
8. Петренко А. И., Романова Г. А. Планирование жизни и профессиональная ориентация: проблемы и перспективы. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 59-4. С. 125–128.
Petrenko A. I., Romanova G. A. Life planning and career guidance: challenges and prospects. *Problems of modern pedagogical education*, 2018, (59-4): 125–128. (In Russ.)
9. Антропова Е. А. Профессиональная ориентация как научно-обоснованная система подготовки молодежи к свободному и самостоятельному выбору профессии. *Повышение качества подготовки кадров в современных условиях развития образования. Вып. 8. Теоретико-методические вопросы инновационного развития образовательных процессов*. М.: МГОУ, 2017. С. 12–15.
Antropova E. A. Career counselling as a scientifically based system of training young people for a free and independent choice of profession. *Improving the quality of training in modern conditions of education development. Iss. 8. Theoretical and methodological issues of innovative development of educational processes*. Moscow: MRSU, 2017, 12–15. (In Russ.)
10. Резапкина Г. В. Тупиковые «тренды» профориентации. *Школьные технологии*. 2016. № 5. С. 129–132.
Rezapkina G. V. The deadlock "trends" of the professional orientation. *Shkolnye tekhnologii*, 2016, (5): 129–132. (In Russ.)
11. Вукович Г. Г., Калинская Е. С., Захарова Л. Н. Приоритетные направления развития комплексной системы управления профессиональным самоопределением молодежи. *Экономика устойчивого развития*. 2014. № 3. С. 35–40.
Vukovich G. G., Kalinskaya E. S., Zakharova L. N. Priority directions of development the integrated control system of professional self-determination of youth. *Economics of sustainable development*, 2014, (3): 35–40. (In Russ.)
12. Полянская Е. Н. Карьерные ориентации современной российской молодежи. *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12457 (дата обращения: 06.03.2022).
Polyanskaya E. N. The career preferences of modern Russian young people. *Modern problems of science and education,* 2014, (2). URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12457 (accessed 6 Mar 2022). (In Russ.)
13. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ. *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2021. № 3. С. 140–150. https://doi.org/10.47309/2713-2358_2021_3_140
Gayfullin A. Yu. Professional guidelines and career attitudes of modern youth: sociological analysis. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2021, (3): 140–150. (In Russ.) https://doi.org/10.47309/2713-2358_2021_3_140
14. Быков А. В., Настина Е. А. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи). *Социологические исследования.* 2020. № 8. С. 67–77. https://doi.org/10.31857/S013216250009288-9
Bykov A. V., Nastina E. A. Link of the value attitudes with career achievements (based on a survey of youth). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, (8): 67–77. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250009288-9
15. Горшков М. К., Батыков И. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Пасовец Ю. М., Сушко П. Е., Шилова В. А., Черныш М. Ф. Молодежь: конструирование трудовой биографии. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. 2018. № 1. С. 1–147. https://doi.org/10.19181/inab.2018.1
Gorshkov M. K., Batykov I. V., Bykov A. V., Goliusova Yu. V., Grishina M. A., Demidenko S. Yu., Epikhina Yu. B., Pasovets Yu. M., Sushko P. E., Shilova V. A., Chernysh M. F. Youth: career path planning. *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FNSC RAS*, 2018, (1): 1–147. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/inab.2018.1
16. Гелих О. Я., Левицкая А. Н., Покровская Н. Н. Социологический анализ социальных установок профессионального и карьерного роста в контексте цифровой экономики и общества знаний. *Социология и право*. 2020. № 3. С. 12–24. https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-12-24
Gelikh O. Ya., Levitskaya A. N., Pokrovskaia N. N. Sociological analysis of attitudes of professional growth and career in the context of digital economy and knowledge society. *Sociology and Law*, 2020, (3): 12–24. (In Russ.) https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-12-24
17. Варшавская Е. Я. Успешность перехода «учеба-работа»: для кого дорога легче? *Социологические исследования.* 2016. № 2. С. 39–46.
Varshavskaya E. Ya. The school-to-work transition success: for whom is the way easier? *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 2016, (2): 39–46. (In Russ.)
18. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН. 2020. 688 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The youth of Russia under the lens of sociology: results of years of research*. Moscow: Federal Research Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2020, 688. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

19. Горшков М. К., Батыков И. В., Батыкова А. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Сушко П. Е., Чередниченко Г. А., Черныш М. Ф., Шилова В. А. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении. *Информационно-аналитический бюллетень института социологии ФНИСЦ РАН*. 2017. № 2. С. 1–129. https://doi.org/10.19181/inab.2017.2
Gorshkov M. K., Batykov I. V., Batykova A. V., Bykov A. V., Goliusova Yu. V., Grishina M. A., Demidenko S. Yu., Epikhina Yu. B., Sushko P. E., Cherednichenko G. A., Chernysh M. F., Shilov V. A. Youth employment in the motivational and structural dimension. *Informational-analytical Bulletin of the Institute of sociology RAS FNESC*, 2017, (2): 1–129. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/inab.2017.2
20. Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Роль профессионализации молодежи в формировании кадрового потенциала региона. *Экономика труда.* 2019. Т. 6. № 1. С. 613–626. https://doi.org/10.18334/et.6.1.39760
Potudanskaya V. F., Borovskikh N. V., Kipervar E. A. The role of youth professionalization in the formation of human resources in the region. *Ekonomika truda,* 2019, 6(1): 613–626. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/et.6.1.39760
21. Андреянова Е. Л., Чипизубова В. Н. Трудовые и карьерные мотивации современной молодежи Иркутской области. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2021. № 53. С. 177–194. https://doi.org/10.17223/19988648/53/13
Andreyanova E. L., Chipizubova V. N. Work and career motivations of modern youth in Irkutsk Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika,* 2021, (53): 177–194. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/19988648/53/13
22. Пашкова С. Е., Албитова Н. В. Инновационные подходы в развитии системы профориентации в субъектах Российской Федерации. *ИнноЦентр*. 2018. № 4. С. 326–330.
Pashkov S. E., Albitova N. V. Innovative approaches in development of the proforentation system in subjects of the Russian Federation. *InnoTsentr*, 2018, (4): 326–330. (In Russ.)
23. Давлетшина Л. А., Шаехов М. Р. Влияние потребностей регионального рынка труда и профильного обучения на профессиональный выбор школьников. *Гуманитарные исследования Центральной России.* 2021. № 2. С. 53–61. https://doi.org/10.24412/2541-9056-2021-2-53-61
Davletshina L. A., Shaekhov M. R. The influence of the needs of the regional labor market and subject oriented education on the professional choice of schoolchildren. *Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii*, 2021, (2): 53–61. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2541-9056-2021-2-53-61
24. Никулина Ю. Н. Молодежь на рынке труда региона: актуальные вопросы трудоустройства и занятости. *Экономика труда*. 2019. Т. 6. № 2. С. 747–762. https://doi.org/10.18334/et.6.2.40780
Nikulina Yu. N. Young people on the labour market of the region: current issues of employment. *Ekonomika truda*, 2019, 6(2): 747–762. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/et.6.2.40780
25. Никулина Ю. Н. Профессиональная ориентация молодежи в системе кадрового обеспечения экономики региона. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 4. С. 1263–1280. https://doi.org/10.18334/epp.10.4.100895
Nikulina Yu. N. Professional orientation of youth in the system of personnel support of the regional economy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, 10(4): 1263–1280. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/epp.10.4.100895

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях

Пелых Арина Юрьевна
Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-2220-1386
Arina.pelykhh@gmail.com

Поступила 18.02.2022. Принята после рецензирования 23.03.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Принципы и методика принятия управленческих решений в адвокатских образованиях нормативно не закреплены и разрабатываются исключительно представителями адвокатуры. Поэтому осуществление ими своевременной оценки воздействия различных факторов влияет на возможность института реализовывать стратегическое планирование и принимать управленческие решения. Цель – описать детерминанты, способные вызвать значительные социально-управленческие трансформации в адвокатуре. Методы социологического исследования: анкетирование и экспертный опрос среди представителей адвокатского сообщества. Сформулированы три детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях: трансформация рынка труда, изменение перечня востребованных компетенций, распространение искусственного интеллекта и программного обеспечения. Приведены основания для рассмотрения этих явлений в роли детерминант, а также их основные черты. Представлены примеры, которые иллюстрируют начало процесса трансформации. Описано представление о том, по какой причине в адвокатуре в процессе трансформаций потеряют свою значимость некоторые классические принципы управления. Статья содержит предложения по структурированному и поэтапному изменению порядка управления адвокатскими образованиями, рекомендации для адвокатов по подготовке к воздействию детерминант.
Ключевые слова: адвокатура, социально-управленческие трансформации, стратегическое планирование, детерминанты, четвертая промышленная революция, рынок труда, компетенции, искусственный интеллект

Цитирование: Пелых А. Ю. Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 180–186. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-180-186

full article

Social and Managerial Transformations in Advocacy Organizations

Arina Yu. Pelykh
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-2220-1386
Arina.pelykhh@gmail.com

Received 18 Feb 2022. Accepted after 23 Mar 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: The principles and methods of managerial decision-making in advocacy organizations are not legally fixed and are developed exclusively by representatives of the bar. Therefore, their timely assessment of the impact of various factors affects the ability of the advocacy to carry out strategic planning and make managerial decisions. The research objective was to describe the determinants that can cause significant socio-managerial transformations in advocacy organizations. The author conducted two types of sociological research among representatives of the advocacy community: questionnaire and expert survey. The research revealed three determinants of social and managerial transformations in advocacy organizations: the transformation of the labor market, the change in the list of required competencies, the spread of artificial intelligence and software. The article presents the grounds for considering these phenomena as determinants, their main features, and examples that illustrate the beginning of the transformation process. The article contains proposals for a structured and step-by-step change in the management of legal entities, as well as some recommendations for preparing for the impact of these determinants. The article also describes the idea of why some classical principles of management lose their significance in the bar in the process of transformations.
Keywords: advocacy, social and managerial transformations, strategic planning, determinants, the fourth industrial revolution, labour market, competencies, artificial intelligence

 © 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Pelykh A. Yu. Social and Managerial Transformations in Advocacy Organizations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 180–186. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-180-186

Введение

Различные аспекты адвокатской деятельности представляют интерес для исследователей [1], однако их фокус внимания, как правило, сосредоточен на вопросах профессиональной юридической помощи и принципах адвокатуры [2]. Анализ адвокатов как особой профессиональной группы представлен в исследованиях лишь нескольких авторов – А. П. Казуна, А. А. Яковлева и Е. А. Ходжаевой [3; 4]. Проблематика социальных трансформаций отражена в работах К. Поланьи [5], Э. Тоффлера [6], П. Штомпки [7], ведущих отечественных ученых Т. И. Заславской [8], В. А. Ядова [9], Н. И. Лапина [10] и др. Трансформации различных сфер общественной жизни посвящено значительное число работ.

В основу управления адвокатскими образованиями заложен принцип самоуправления[1]. Ни государственные органы, ни органы местного самоуправления, ни частные организации не имеют возможности оказывать влияние на принятие управленческих решений в данном типе организаций. В адвокатуре отсутствует управленческий аппарат, назначенный органами государственной власти или иными лицами вне адвокатского сообщества. Поэтому управленческие решения в адвокатских образованиях принимаются исключительно представителями данной профессиональной группы.

Руководители адвокатских образований, будучи глубоко вовлеченными в правозащитную деятельность и сосредоточенными на текущих вопросах, могут не придавать должного значения либо недооценивать влияние детерминант, способных вызвать значительные трансформации в адвокатских образованиях.

Понимание сущности изменений даст возможность руководителям и иным адвокатам, принимающим управленческие решения, своевременно расставить приоритеты и сформировать стратегию развития исходя из того, какое влияние детерминанты могут оказать на деятельность адвокатского образования.

Целью настоящей статьи является описание детерминант, которые в обозримом будущем станут причиной социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях, а также предложение рекомендаций для адвокатов по подготовке к их воздействию.

Литература, на которую ссылается автор, посвящена четвертой промышленной революции[2]: описанию общих процессов и трансформатных технологий. Указанная революция обусловливает вытеснение человека техникой [11] и, как следствие, беспрецедентные изменения парадигм в социуме, экономике, бизнесе и на уровне личности [12].

Результаты изменений выступают предметом многочисленных дискуссий. Тем не менее научное сообщество единодушно разделяет точку зрения о неизбежном изменении структуры занятости, рынка труда и востребованных обществом компетенций работников [13]. В результате цифровизации спрос на работников с низкой и средней квалификацией снизится. Кроме этого, будет происходить все больший разрыв между новыми и старыми методами, которые используются в работе. Поэтому помимо профессиональных компетенций появится необходимость владеть цифровыми компетенциями [14], иметь склонность к быстрому самообучению, управлению вниманием, обладать кросс-культурностью, экологичностью мышления и многими другими новыми компетенциями [15; 16].

В качестве основных технологических трендов рассматриваются технология больших данных, дополненная реальность, облачные вычисления, цифровое клонирование и искусственный интеллект [17].

В сфере управления и юриспруденции основной идеей автоматизации выступает автоматизация рутинных процессов. Технологии находятся в процессе быстрых изменений, ближайшей тенденцией будет выступать внедрение решений на основе искусственного интеллекта.

Методы и материалы

В апреле 2021 г. автор провел сплошное социологическое исследование методом анкетирования, в котором приняли участие 340 адвокатов и работников адвокатских образований Новосибирской области. Вопросы были направлены на получение информации о том, какие существуют модели принятия управленческих решений в адвокатских образованиях; как происходит принятие решений; какое влияние оказывают внешние и внутренние факторы на принятие управленческих решений в рамках адвокатского образования; какими качествами должен обладать адвокат, принимающий управленческие решения; получают ли адвокаты образование в области управленческой деятельности; поощряют ли руководители адвокатских образований инициативу в вопросах принятия управленческих решений.

С апреля по декабрь 2021 г. был проведен экспертный опрос среди 20 руководителей адвокатских образований Новосибирской области. В рамках экспертного опроса

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. ФЗ № 63-ФЗ от 31.05.2002 г. *СПС КонсультантПлюс*.

[2] Яницкий О. Н. Размышления над книгой Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция: перевод с английского. М.: Э, 2017. 208 с. с илл. (с предисловием Германа Грефа). *Официальный портал ИС РАН*. 27.03.2017. 6 с. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=4972 (дата обращения: 01.02.2022).

автором получены мнения в отношении того, какие методологические подходы необходимо использовать при разработке и принятии управленческих решений; как часто приходится принимать решения, которые требуют значительного времени на анализ ситуации и выбор альтернатив; принятие каких решений наиболее затруднительно.

Результаты

Согласно результатам сплошного исследования, в настоящее время сложились следующие системы управления: треть опрошенных (36,0 %) указала на то, что в их адвокатском образовании решения принимаются руководителем единолично; 32,0 % респондентов сообщили, что у них принято принимать решения коллегиально; 13,0 % отметили, что принятие решений в их адвокатском образовании осуществляется отдельными лидерами; у 4,0 % респондентов полномочия по принятию решений в различных направлениях разделены между адвокатами адвокатского образования. При этом, с точки зрения 91,2 % работников, управленческие решения учитывают интересы большинства адвокатов.

50,0 % опрошенных полагают, что руководитель адвокатского образования поощряет инициативу коллектива в вопросах принятия управленческих решений; 19,8 % – что такая инициатива предполагается априори.

Отвечая на вопросы, касающиеся ролей в принятии управленческих решений, 55,2 % респондентов указали, что выступают инициатором разработки решений; 57,1 % – принимают участие в разработке решений; 19,0 % – ограничиваются оказанием консультационной помощи при принятии решений.

К числу внешних факторов, наиболее влияющих на принятие управленческих решений в адвокатских образованиях, относятся политика государства (ответ «часто» – 30,9 %), социально-экономические условия (ответ «почти всегда» – 37,0 %), правовая культура российского общества (ответ «часто» – 25,3 %). Такие факторы, как социокультурные условия (ответ «редко» – 32,2 %), отношение с органами власти (ответ «редко» – 30,3 %) и осуществление экспертной деятельности (ответ «редко» – 28,9 %), оказывают, по мнению адвокатов, незначительное влияние. К числу сильнейших внутренних факторов можно отнести личностный фактор (по совокупности ответов на несколько вопросов анкеты). Этот фактор включает в себя личные качества, знания, опыт, мировоззрение адвокатов.

Оценивая качества, которыми должен обладать адвокат, принимающий управленческие решения, респонденты отметили рациональность и системность (по 68,0 %), инициативность (61,2 %), решительность (59,2 %), гибкость и коммуникабельность (по 55,3 %). Кроме того, названы требовательность, стремление к саморазвитию, активность, целеустремленность, эмпатия и осторожность.

Такие данные свидетельствуют о том, что в адвокатских образованиях превалируют две основные стратегии принятия управленческих решений: авторитарная и коллегиальная. Несмотря на то, что коллегии адвокатов могут насчитывать несколько десятков сотрудников, корпоративная культура предполагает активное участие каждого работника в деятельности образования, и решения принимаются с учетом интересов большинства. В вопросах принятия управленческих решений члены адвокатских образований обладают высоким уровнем самоорганизации и проактивной позицией. Неудивительно, что рациональность, системность и инициативность были отмечены как наиболее значимые качества управленцев.

Руководствуясь проведенным количественным исследованием, экспертными опросами руководителей адвокатских образований и обзором литературы, сформулируем основные детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях.

1. Изменение рынка труда

Исследователи отмечают наличие процессов по коренной трансформации занятости, а также структуры профессий и трудовых отношений. Эти изменения связывают с началом четвертой промышленной революции [12] и постепенным переходом к «Обществу 5.0» [18]. Развитие технологий влияет на занятость и востребованность компетенций, выступая во многих сферах причиной замещения широкого перечня профессий на программное обеспечение и техническое оснащение. В результате рынок труда претерпит значительные изменения: работники, выполняющие технические задачи, монотонную однообразную работу, интеллектуальные задачи небольшой сложности, будут вынуждены искать себе новые занятия. Эксперты Всемирного экономического форума прогнозируют, что соотношение задач, выполняемых людьми и машинами, значительно изменится в пользу последних. К профессиям, которые могут быть подвержены автоматизации, относятся и юристы [19].

На примере изменений, произошедших в течение пяти последних лет, можно с уверенностью говорить о том, что указанные факторы оказывают влияние на управленческие процессы в адвокатуре. Так, в условиях пандемии COVID-19 все судебные органы перешли на электронную форму приема документов: исковых заявлений, жалоб, ходатайств и др. Широкое распространение получили сервисы по обмену официальными электронными документами. Это отразилось на структуре занятости стажеров и помощников адвокатов: значительное количество времени, уходившее на доставку документов в суды, освободилось в пользу выполнения более интеллектуально значимых задач. В перспективе это изменение приведет к уменьшению времени, необходимого для накопления юридических профессиональных навыков. В то же время адвокатам требуется приобретение техники и освоение программного обеспечения, необходимого для передачи документов в суды и обмена электронными документами.

В 2020 г. в арбитражных судах произошли изменения, связанные с появлением и широким распространением судебных онлайн-заседаний. Для участия в таких заседаниях в любом арбитражном суде страны требуются лишь компьютер и веб-камера, что существенно сокращает временные и экономические затраты на ведение дел в суде.

Этот трансформационный процесс вызвал социально-управленческие изменения для адвокатов, заключающиеся в необходимости нового позиционирования: конкуренция среди адвокатских образований шагнула далеко за пределы региона; доверители сравнивают профессиональное мастерство и конкурентные преимущества адвокатских образований, находящихся в иных регионах, поскольку больше не несут командировочные расходы на проезд, проживание и пр.

Небывалый рост числа программного обеспечения и онлайн-сервисов создает спрос на адвокатов новой специализации: в сфере защиты данных и интеллектуальной собственности, оформления маркетплейсов и в других развивающихся сферах. Руководителям адвокатских образований необходимо выбирать, как реагировать на запросы рынка, где и чему обучать адвокатов.

Беря за основу черты научной организации управления Ф. У. Тейлора [20], выделим продиктованные потребностью общества изменения в управлении адвокатскими образованиями, которые необходимо осуществить управленцам:

1. Отслеживать структуру изменений в околоюридической среде, брать на себя прогностическую функцию для выработки новых подходов к организации труда, распределению задач, внедрению автоматизированных систем и программного обеспечения.

2. Скорректировать критерии отбора персонала и адвокатов; установить единую систему обучения, распространяющуюся на весь коллектив. Как правило, каждый адвокат самостоятельно выбирает специализацию и подход к повышению квалификации. Однако процессы изменений усиливают значимость быстрого освоения новых узкоспециализированных знаний и навыков, поэтому необходимо создавать образовательную стратегию всего образования.

3. Внедрять методы эффективной работы во все процессы, протекающие в адвокатском образовании.

4. Высококвалифицированные кадры испытывают потребность в самореализации, поэтому стоит оценить возможность внедрения управленческих процессов, в которых смогут участвовать все заинтересованные адвокаты адвокатского образования, с распределением ответственности за результаты на всех, кто был задействован в принятии решений.

2. Обновление перечня востребованных компетенций

В управлении особое значение имеет прогнозирование спроса на компетенции. Такие компетенции, как знание законодательства и владение навыками коммуникации, становятся недостаточными для поддержания профессиональной эффективности в условиях активного внедрения программного обеспечения и искусственного интеллекта (особенно при увеличении конкуренции на рынке юридических услуг на фоне распространения дистанционной занятости). Необходимость соответствия требованиям доверителей подталкивает адвокатов к глубокой личной трансформации.

Долгое время доминирующей компетенцией адвокатов выступала социально-коммуникативная [21], которая заключается в знании нормативных актов, социальной перцепции, понимании психологии межличностных взаимодействий и владении техниками акмеологического воздействия в профессиональных целях [22].

В связи с трансформациями в обществе конкурентоспособными будут профессионалы, обладающие развитыми «человеческими» компетенциями, поскольку маловероятно, что в ближайшем будущем они будут автоматизированы. К таким компетенциям относятся гибкость, прогнозирование на несколько шагов вперед, креативность, эффективное мышление, эмоциональный интеллект, умение принимать решения, понимать процессы, творческий подход к задачам, самостоятельность [23]. Такие компетенции приобрели важное значение в работе в условиях неопределенности во время пандемии [24]. Можно сказать, что вектор востребованности сместится в сторону нестандартного мышления и «человеческих» компетенций.

Несмотря на формальное отсутствие дефицита специалистов в адвокатуре, несоответствие трудовых компетенций требованиям нового времени может привести к профессиональному кризису профессии. Подобный кризис в настоящее время преодолевает смежная профессия – нотариат. Рост официальных полномочий и технического оснащения нотариальных контор провели четкое разделение между теми, кто смог освоить новшества и использует их в повседневной деятельности, и теми, кто не справился и сократил свой перечень услуг до минимального числа простейших операций. Так, одни и те же нововведения оказали диаметрально противоположный эффект на специалистов в зависимости от наличия / отсутствия у них необходимых компетенций: одним помогли открыть новые удобные и востребованные услуги, а других отбросили на 15–20 лет назад.

Разрыв между компетенциями, существующими в настоящее время, и теми, которые будут востребованы в ближайшем будущем, ставит перед управленцами задачи по разработке политики управления обучением персонала, поскольку для формирования любых знаний и навыков требуется время. Такая политика может быть разработана на основе теории воспроизводства человеческого капитала М. Р. Басемейера и К. Трампуша, теоретико-методологический подход которой опирается на классификацию систем формирования навыков. Согласно данной теории, человеческий капитал выступает особым видом ресурса, который невозможно ощутить или увидеть, но его эффективное

использование обеспечивает экономический рост предприятия. Капитал проявляется в форме знаний и навыков конкретного человека, которые формируются последовательно продолжительное время [25].

3. Распространение искусственного интеллекта и программного обеспечения

Непрерывное технологическое совершенствование обусловливает рост привлечения компьютерных технологий для решения различных задач. Зарубежные коллеги уже столкнулись с тем, что программное обеспечение составляет конкуренцию юристам и забирает их функции, такие как поиск схожих прецедентов и информации по обстоятельствам дела, составление простых документов, прогнозирование исхода дела, поиск информации по заданным параметрам и подготовка материалов дела [26].

В российской социальной реальности распространение юридического программного обеспечения еще не столь широко, однако сервисы уже берут на себя функции по поиску информации, расчету сроков, конструированию документов и сбору информации о юридических лицах. В настоящее время технологии заняли нишу поиска и обобщения информации, а интеллектуальную обработку информации автоматизировать пока не удалось.

Наиболее ярким примером является трансформация юридической функции в банковской сфере. Так, в одном из отечественных банков внедрение робота-юриста позволило высвободить три тысячи рабочих мест с рутинным функционалом[3]. В 2020 г. такой робот готовил более трехсот тысяч юридических заключений в месяц[4]. Робот обрабатывал большие массивы данных, распознавал и извлекал юридически значимую информацию из документов и готовил исковые заявления. Ввиду уникального функционального назначения адвокатуры такие роботы пока не составляют конкуренцию адвокатам, однако с дальнейшим развитием искусственного интеллекта это уже не кажется фантастическим сценарием.

Международная консалтинговая компания McKinsey & Company, которая специализируется на решении задач по стратегическому управлению, на основании своего исследования пришла к выводу, что 69 % работы помощников юристов и 23 % работы юристов может быть автоматизировано[5].

Составление юридических документов, консультирование и судебные споры небольшой сложности станут прерогативой искусственного интеллекта. Повсеместное распространение цифровых технологий и вытеснение работников интеллектуального труда программным обеспечением повлекут создание новых видов бизнес-процессов. Безусловно, указанные обстоятельства оказывают влияние на управленческие процессы в адвокатуре.

Заключение

В качестве детерминант, способных вызвать социально-управленческие трансформации в адвокатских образованиях, описаны такие процессы, как глобальные изменения рынка труда, переориентация в вопросах актуальных компетенций, распространение искусственного интеллекта и программного обеспечения.

Каждый из перечисленных процессов имеет взаимосвязь с текущими факторами, которые оказывают влияние на принятие управленческих решений. Так, смена актуальных компетенций корреспондирует с внутренним фактором – личностным. А распространение искусственного интеллекта, программного обеспечения и глобальные изменения рынка труда относятся к фактору социально-экономических условий, окружающих адвокатуру, и в некоторой степени к личностному фактору.

Следует учитывать, что в результате действия указанных детерминант в адвокатуре начнут терять свою значимость отдельные классические принципы управления. В настоящее время такими принципами признаются разделение труда, власть, дисциплина, единство распорядительства (командования), единство руководства, подчинение частных интересов общему, вознаграждение, централизация, иерархия, порядок, справедливость, постоянство состава персонала, инициатива, единение персонала [27].

Технические нововведения в адвокатуре и повышение экспертности могут нивелировать значимость принципов следующим образом: принцип *дисциплина* выступает атрибутом повиновения, однако в условиях высокой конкуренции и смены востребованных компетенций предпочтение в сотрудничестве будет отдаваться тем, кто обладает высокой внутренней мотивацией и не нуждается в системе контроля. Принципы *единство распорядительства, единство руководства* и *централизация* уступят место структурированности [28], при которой происходит распределение полномочий, прав и обязанностей между структурными элементами организации.

Многие изменения представляются довольно значительными. Трансформация, происходящая одновременно в нескольких сферах, усложняет и без того непростую задачу по адаптации адвокатских образований к изменениям. В связи с этим изменение порядка управления адвокатскими образованиями лучше всего организовать

[3] Робот «Сбербанка» сделал более 2,5 млн юридических заключений. *Право.ru*. 12.10.2020. URL: https://300.pravo.ru/news/226533/ (дата обращения: 28.02.2022).

[4] Божко М. Сбербанк передаст работу 3 тыс. сотрудников роботам-юристам. *РБК*. 12.01.2017. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5877b2979a79478752358fb9 (дата обращения: 28.02.2022).

[5] Робот, а не человек: как искусственный интеллект перестроит работу юристов. *Право.ru*. 03.08.2016. URL: https://pravo.ru/story/view/131655/ (дата обращения: 03.02.2022).

структурированно: поэтапно, прогнозируя изменения и направления развития, с учетом факторов, ориентированных на изменения в важных сферах деятельности адвокатских образований. Внимания требуют вопросы переподготовки кадров, обучения новым компетенциям, увеличения затрат на внедрение программного обеспечения. Решения должны принимать во внимание ресурсные ограничения, что подразумевает сбалансированный подход к реализации образовательной стратегии и внедрению программного обеспечения. Уже сегодня при разработке стратегических решений адвокатам следует учитывать необходимость социально-управленческих трансформаций ввиду воздействия перечисленных детерминант.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Диссертационные исследования проблем адвокатуры и адвокатской деятельности, сост. А. В. Рагулин, М. С Шайхуллин, Д. В. Петров. М.: Юрлитинформ, 2012. 376 с.
Dissertation research on the problems of advocacy and lawers, comps. Ragulin A. V., Shaikhullin M. S., Petrov D. V. Moscow: Iurlitinform, 2012, 376. (In Russ.)
2. Воронов А. А. Системный подход к исследованию адвокатуры и науки об адвокатуре. *Евразийская адвокатура*. 2013. № 1. С. 135–140.
Voronov A. A. System approach to legal profession research and sciences about legal profession. *Evrazijskaya advokatura,* 2013, (1): 135–140. (In Russ.)
3. Казун А. П., Яковлев А. А. Российские адвокаты: становление профессионального сообщества в несовершенной институциональной среде. *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 39–56.
Kazun A. P., Yakovlev A. A. Russian lawyers: the establishment of professional community in imperfect institutional environment. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2014, (6): 39–56. (In Russ.)
4. Казун А. П., Ходжаева Е. А., Яковлев А. А. Адвокатское сообщество России. *Модернизация экономики и общества:* докл. XVI Апрельской Междунар. науч. конф. (Москва, 7–10 апреля 2015 г.) М.: НИУ ВШЭ, 2015. 121 с.
Kazun A. P., Khodzhaeva E. A., Yakovlev A. A. Lawyers' community in Russia. *Economic and social development*: Proc. XVI April Intern. Sci. Conf., Moscow, 7–10 Apr 2015. Moscow: NIU VShE, 2015, 121. (In Russ.)
5. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
Polanyi K. *The great transformation: the political and economic origins of our time*. St. Petersburg: Aleteiia, 2002, 320. (In Russ.)
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
Toffler A. *The third wave: the classic study of tomorrow*. Moscow: AST, 2004, 781. (In Russ.)
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
Sztompka P. *The sociology of social change*. Moscow: Aspekt Press, 1996, 416. (In Russ.)
8. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2003. 568 с.
Zaslavskaya T. I. *Societal transformation of Russian society: activity and structural conception*. 2nd ed. Moscow: Delo, 2003, 568. (In Russ.)
9. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ, ред. В. А. Ядов. М.: Флинта, 2005. 583 с.
Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis, ed. Yadov V. A. Moscow: Flinta, 2005, 583. (In Russ.)
10. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 194 с.
Lapin N. I. *The ways of Russia: sociocultural transformations*. Moscow: RAS Institute of Philosophy, 2000, 194. (In Russ.)
11. Гулин К. А., Усков В. С. Тренды четвертой промышленной революции (рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. М.: Э, 2017. 208 с.: ил.). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 5. С. 216–221. https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.15
Gulin K. A., Uskov V. S. Trends of the fourth industrial revolution (a review of the monograph: Schwab K. The fourth industrial revolution. Translated from English. Moscow: E, 2017. 208 p., ill. . *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, 10(5): 216–221. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.15
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. 208 с.
Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: E, 2017, 208. (In Russ.)
13. Иванова С. В., Иванов О. Б. Перспективы развития образования в условиях четвертой промышленной революции. *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2019. № 6. С. 7–30. https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10120
Ivanova S. V., Ivanov O. B. Prospects of education development in the context of the fourth industrial revolution. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*, 2019, (6): 7–30. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10120

14. Балог М. М., Демидова С. Е., Троян В. В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда. *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2021. № 5. С. 60–74. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-5-60-74
Balog M. M., Demidova S. E., Troyan V. V. The impact of digitalization of the economy on the labor market. *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*, 2021, (5): 60–74. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-5-60-74
15. Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы. *Образование и наука*. 2018. Т. 20. № 10. С. 50–75. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-50-75
Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. Digital economy and recruitment potential: strategical interconnection and prospects. *Obrazovanie i nauka*, 2018, 20(10): 50–75. (In Russ.) https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-50-75
16. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, 114: 254–280. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019
17. Давыденко Д. Ю. Обзор технологических трендов индустрии 4.0 и их влияние на управление персоналом. *Инновационная наука*. 2021. № 5. С. 95–97.
Davydenko D. Iu. Overview of technological trends in industry 4.0 and their impact on human resources management. *Innovatsionnaia nauka*, 2021, (5): 95–97.
18. Пелых В. Я. Финансы 4.0 как идея цифровой трансформации финансовой сферы. *Мир экономики и управления*. 2020. Т. 20. № 2. С. 134–148. https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-2-134-148
Pelyh V. Ya. Finance 4.0 as the idea of digital transformation of the financial sector. *World of Economics and Management,* 2020, 20(2): 134–148. (In Russ.) https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-2-134-148
19. Дорофеева М. А. Применение образовательной технологии модели Liberal Arts and Sciences при подготовке юристов. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2021. № 2. С. 21–29. https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-2-21-29
Dorofeeva M. A. Educational technology of the Liberal Arts and Sciences model application in the training of lawyers. *Theoretical and Applied Law*, 2021, (2): 21–29. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-2-21-29
20. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
Taylor F. W. *The principles of scientific management.* Moscow: Kontrolling, 1991, 104. (In Russ.)
21. Гагарин К. Н., Кириченко А. В. Социально-коммуникативная компетенция адвоката. *Акмеология*. 2015. № 3. С. 53–54.
Gagarin K. N., Kirichenko A. V. Socio-communicative competence of councel. *Akmeologiia*, 2015, (3): 53–54. (In Russ.)
22. Байрамуков Р. М. Психологические особенности личностного профиля юриста в исполнительской деятельности: теоретические аспекты. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66-2. С. 301–304.
Bayramukov R. M. Psychological features of the personal profile of a lawyer in executive activity: theoretical aspects. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (66-2): 301–304. (In Russ.)
23. Гриц Д., Гусев А., Киселёв Е., Сабукевич Ю., Сорокина А., Ралько В. Навыки современного юриста: soft skills, повышающие эффективность и качество жизни. М.: М-Логос, 2021. 459 с.
Grits D., Gusev A., Kiselev E., Sabukevich Iu., Sorokina A., Ralko V. *Skills of a modern lawyer: soft skills that increase efficiency and quality of life*. Moscow: M-Logos, 2021, 459. (In Russ.)
24. Volini E., Schwartz J., Eaton K., Mallon D., Van Durme Y., Hauptmann M., Scott R., Poynton S. *2021 Deloitte Global Human Capital Trends. The social enterprise in a world disrupted: leading the shift from survive to thrive*. Deloitte Development LLC, 2020, 64.
25. Busemeyer M. R., Trampusch C. The comparative political economy of collective skill formation. *The political economy of collective skill formation*, eds. Busemeyer M. R., Trampusch C. Oxford: Oxford University Press, 2012, 3–38. https://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199599431.003.0001
26. МакГиннис Д. О., Пирс Р. Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13. № 2. С. 1230–1250. https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250
McGinnis J. O., Pearce R. G. The great disruption: how machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services. *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, 13(2): 1230–1250. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250
27. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Центр. ин-т труда, 1923. 122 с.
Fayol H. *Administration industrielle et générale*. Moscow: Tsentr. in-t truda, 1923, 122. (In Russ.)
28. Козырь Н. С. Системные свойства организации. *Гуманитарные научные исследования.* 2015. № 7-2. URL: https://human.snauka.ru/2015/07/12042 (дата обращения: 03.02.2022).
Kozyr N. S. System properties of the organization. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 2015, (7-2). URL: https://human.snauka.ru/2015/07/12042 (accessed 3 Feb 2022). (In Russ.)

оригинальная статья

Особенности сегментации региональных туристских потоков

Пустовойтенко Светлана Ивановна
Субтропический научный центр Российской академии наук, Россия, Сочи
https://orcid.org/0000-0002-1014-5786
Sweta-Sochi@rambler.ru

Поступила 09.12.2021. Принята после рецензирования 28.02.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Рассмотрены теоретические основы одного из инструментов управления региональными туристскими потоками, а именно их сегментации. Вопрос разработки механизма управления региональными туристскими потоками, механизма их привлечения и сдерживания актуален для всех регионов, принимающих на своей территории туристов. Цель – разработка методических рекомендаций по сегментации региональных туристских потоков на основе ее цели и признаков. В задачи исследования входит разработка варианта алгоритма анализа региональных туристских потоков и варианта алгоритма сегментации региональных туристских потоков. Материалами исследования послужили теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов по теме сегментации в сфере туризма, материалы Всемирной туристской организации, профильные словари и энциклопедии, методики по расчету въездных и выездных туристских потоков, правовые документы, касающиеся темы сегментации региональных туристских потоков. Использованы методы сравнения, анализа и синтеза, системный и комплексный подходы, аналитический метод, табличный метод, метод графического моделирования. Результатами исследования являются вариант алгоритма анализа региональных туристских потоков, вариант алгоритма сегментации региональных туристских потоков, методические рекомендации по их сегментации. Областью применения результатов является теория и практика туризма, сфера управления туризмом на федеральном, региональном и местном уровнях, сфера образования и подготовки специалистов для целей развития туризма. Выводами проведенного исследования можно назвать обоснование целесообразности и необходимости проведения анализа и сегментации региональных туристских потоков с целью разработки дифференцированных туристских продуктов принимающих регионов, пополнения доходов региональных и местных бюджетов, обеспечения устойчивого развития рекреационной территории, предотвращения негативных последствий развития туризма в регионе.

Ключевые слова: региональный туристский поток, сегментация, цель сегментации, признаки сегментации, сегментация туристского рынка, субъект сегментации, объект сегментации

Цитирование: Пустовойтенко С. И. Особенности сегментации региональных туристских потоков. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 187–200. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-187-200

full article

Segmentation of Regional Tourist Flows

Svetlana I. Pustovoytenko
Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Sochi
https://orcid.org/0000-0002-1014-5786
Sweta-Sochi@rambler.ru

Received 9 Dec 2021. Accepted after peer review 28 Feb 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: The article introduces theoretical foundations for regional tourist flows segmentation. It is a management tool that distributes, attracts, and restrains tourist traffic. The research objective was to develop some methodological recommendations for segmentation of regional tourist flows based on goals and attributes. The study involved domestic and foreign research publications, materials of the World Tourism Organization, specialized dictionaries and encyclopedias, methods for calculating inbound and outbound tourist flows, legal documents on segmentation, etc. The list of research methods included comparison, analysis, synthesis, system and complex approach, tabular method, graphic modeling, etc. The obtained results were represented as algorithms for analysis and segmentation of regional tourist flows, which can be

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

used in the theory and practice of tourism, in federal, regional, and local tourism management, in tourism education, etc. The authors believe that segmentation of regional tourist traffic produces targeted tourist products, replenishes local budgets, ensures sustainable development of recreational areas, and prevents negative consequences of tourism development.
Keywords: regional tourist flow, segmentation, segmentation objective, segmentation attributes, tourism market segmentation, subject of segmentation, object of segmentation

Citation: Pustovoytenko S. I. Segmentation of Regional Tourist Flows. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 187–200. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-187-200

Введение

Начало туристского сезона летом 2021 г. показало неравномерность развития внутреннего туризма на рекреационных территориях России, перегруженность туристскими потоками южных регионов страны, Краснодарского края, Сочи и Крыма, и недозагрузку многих других отечественных туристских территорий[1].

Открытие турецкого направления отдыха россиян в июне 2021 г. в период повышающегося уровня угрозы COVID-19, убытки курортов Краснодарского края от введения медицинских ограничений на прием отечественных туристов в высокий сезон акцентируют внимание на необходимости эффективного управления туристскими потоками (ТП) на федеральном, региональном и местном уровнях в рамках развития внутреннего туризма[2].

Актуальность темы исследования определяется необходимостью: разработки механизма управления региональными туристскими потоками (РТП), в том числе механизма привлечения и механизма сдерживания туристских потоков в регион, важностью определения субъекта управления РТП; определения положительных и отрицательных параметров воздействия ТП на принимающий регион; учета особенностей распределения ТП по территории страны, региона: анализа и учета потребительского, экологического, социального поведения туристов, составляющих РТП; определения критериев социального воздействия туризма на местное население региона; повышения уровня доходов региональных и местных бюджетов; а также важностью разработки дифференцированных туристских продуктов, которые смогут стать частью системы регионального бренда рекреационной территории.

Цель исследования – разработка методических рекомендаций по сегментации РТП на основе ее цели и признаков. Результаты исследований в данном направлении лягут в основу планирования и прогнозирования туристской деятельности в регионе, могут стать базисом развития тактической и стратегической политики в сфере туризма на территории региона.

В исследовании были использованы следующие материалы: теоретические разработки отечественных и зарубежных авторов по теме, материалы Всемирной туристской организации (ВТО), профильные академические словари и энциклопедии, методики по расчету въездных и выездных ТП, правовые документы по теме.

В работе использованы методы сравнения, анализа и синтеза, системный и комплексный подходы, экспертно-аналитический метод, табличный метод, метод графического моделирования.

Вопросы сегментации в туризме представлены в зарубежной теории туризма, в разработках ВТО, в статьях многих зарубежных исследователей [1–7]. Так, в работе Э. Бинье и др. подробно освещается предыдущий период исследования сегментации туризма, охватывающий 2000–2006 гг., анализируются классические признаки сегментации, акцентируется внимание на двух основных подходах к сегментации, дан подробный анализ основной литературы по теме сегментации в туризме [7].

Вопросы сегментации в туризме, задача управления РТП, проведение их сегментации в настоящее время только ставятся в научных работах отечественных ученых. В разработках затрагиваются отдельные проблемы сегментации рынка туристского продукта предприятий, практически отсутствуют исследования, посвященные сегментации РТП.

Основой разработки методологических и методических рекомендаций по любой исследовательской теме, в том числе и по теме сегментации РТП, является терминологическая база исследования. Отсутствие необходимых для исследования терминов или различная трактовка одного и того же термина препятствует единому однозначному пониманию отдельных аспектов развития туризма [8].

Например, термин *туристский поток* трактуется в теории национального туризма как число туристов, совершающих путешествие в те или иные туристские регионы в течение определенного времени [9], «суммарное количество туристов, перемещающихся в определенном

[1] Смирнов Д. В Госдуме призвали ограничить въезд в Сочи. 15.06.2021. URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/v-gosdume-prizvali-ogranichit-vezd-v-sochi/ (дата обращения: 12.07.2021); Николаев П. Под завязку: юг России переполнен из-за наплыва туристов. Ростуризм сообщил о максимальной загруженности курортов на Черном море. 15.06.2021. URL: https://www.gazeta.ru/business/2021/06/15/13641128.shtml (дата обращения: 12.07.2021).

[2] Курорт Красная Поляна из-за ограничений по COVID-19 потерял более 100 млн рублей. 05.07.2021. URL: https://iz.ru/1188862/2021-07-05/kurort-krasnaia-poliana-iz-za-ogranichenii-po-covid-19-poterial-bolee-100-mln-rublei?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.07.2021).

направлении или прибывающих в данную местность, выражается в количестве туристских отбытий и прибытий за конкретный отрезок времени (год, сезон)»[3].

В Методиках по расчету въездного и выездного туристского потока Республики Беларусь (№ 31 от 05.06.2018 и № 63 от 19.07.2019), основанных на Международных рекомендациях по статистике туризма (2008), *туристский поток* трактуется как «совокупность туристических поездок»[4], однако данное определение используется органами государственной статистики только для расчета въездного и выездного туристского потоков.

В целях статистики мы используем трактовку термина *туристский поток*, который рассматривается в Методике оценки туристского потока как сумма поездок и совершаемых туристом ночевок (2021)[5].

Сегментация представляет собой классификацию потребителей в соответствии с качественными или количественными особенностями их спроса [10]. Объектами сегментации могут быть как туристский рынок, так и РТП, но цели их сегментации различны. Различие в сегментации туристского рынка и РТП представлены в таблице[6]. РТП должен быть управляемым. Цель сегментации РТП находится в сфере управления ТП региона и определяется субъектом управления, она должна находиться в рамках единства, согласованности и соблюдения интересов всех субъектов туристской деятельности: посетителей региона, местного сообщества, производителей РТП, государства на рекреационной территории, – на основе принципов устойчивого развития и с учетом возрастающего уровня конкуренции отечественных и зарубежных рекреационных территорий.

Например, в Германии одной из организаций, занимающихся вопросами, связанными с сегментацией РТП, является научно-исследовательское объединение

Табл. Сегментация туристского рынка и РТП: определение субъекта, объекта сегментации, ее цели и результатов
Tab. Segmentation of tourism market and regional tourist flows: subject, object, purpose, and results

	Туристский рынок	Региональный туристский поток
Субъект	туроператор, турфирма, производитель туристской услуги (посредник)	подразделения (отделы) по туризму администрации региона
Объект	рынок туристских услуг: потребители туруслуг, турпродукта	РТП: посетители региона, потребляющие туруслуги, турпродукт
Цель	выделение сегмента рынка (группы потребителей), определение и удовлетворение его потребностей, предложение необходимого ему туристского продукта (услуги)	выделение сегментов (групп посетителей региона) для эффективного управления РТП
Результат	формирование группы постоянных клиентов, потребителей услуг туроператора, турфирмы, производителя туристской услуги	1. Формирование и предложение дифференцированного туристского продукта рекреационной территории по категориям посетителей с учетом сбережения рекреационных ресурсов, сохранения духовно-нравственных традиций, культуры, религии местного населения, безопасности самого посетителя, местного населения, с учетом принципов устойчивого развития туризма, конкуренции, интересов всех субъектов деятельности в туризме: посетителей, местных жителей, производителей туристских услуг (турпродукта), туроператоров, турфирм, интересов государства на рекреационной территории. 2. Информационные базы данных по РТП (организованные и неорганизованные туристы): • электронные путевки по пакетным турам; • электронные путевки по экскурсионным турам; • опросы домохозяйств; • экспертные оценки и др. базы данных в сфере туризма. 3. Комплексная система управления РТП, включающая механизм наращивания и механизм сдерживания ТП на рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма в регионе.

[3] Туристский поток. URL: https://geography_ru.academic.ru/7377/туристский_поток (дата обращения: 03.03.2021).

[4] Методика по расчету въездного туристического потока. Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь. № 31. 05.06.2018. С. 2; № 63. 19.07.2019. С. 3–5. URL: http://www.belstat.gov.by/metodologiya/metodiki-po-formirovaniyu-i-raschetu-statistichesk/ (дата обращения: 05.03.2021).

[5] Об утверждении методики оценки туристского потока. Приказ Росстата № 109 от 26.02.2021. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=388435 (дата обращения: 26.10.2021).

[6] Разработана на основе данных: [11; 12]; TUI Россия: «Будущее пакетного туризма – за дифференцированным продуктом». 27.10.2014. URL: http://tourism.interfax.ru/ru/interview/expert/454/ (дата обращения: 01.08.2021).

по исследованию отдыха и путешествий (FUR), которое ежегодно с 1970 г. представляет отчеты по анализу развития сферы туризма[7].

В. Кацони с соавторами ставит вопрос о том, является ли сегментация, основанная на информационном поиске с использованием внутренних и внешних источников информации, включая Интернет, достаточным основанием для разработки маркетинговых стратегий и целевых маркетинговых коммуникаций. Акцентируется влияние демографических признаков на потребление туристов [13].

Цели сегментации регионального туристского потока

Одной из целей сегментации РТП может быть определение состояния РТП по его видам в определенный период времени (высокий, низкий сезон, межсезонье), объем которого требует наращивания или ограничения, а также разработка критериев такого определения для конкретной рекреационной территории с учетом местных особенностей развития туризма. Например, для Юга России, Краснодарского края, курорта Сочи проблема сегментации и управления РТП стала крайне актуальной в высокий сезон (июнь-август 2021 г.). Налицо проблема овертуризма, перегрузка туристскими потоками федерального курорта Сочи[8].

Актуальным представляется управление и распределение ТП во времени и в пространстве на основе таких показателей, как геополитическая ситуация в мире[9] [14], безопасное предоставление туристских услуг, медицинские ограничения в мире и стране, определение, контроль и управление финансовыми потоками, сопровождающими туристские потоки, объем ТП (требующий наращивания или ограничения), наличие факторов (показателей), способствующих формированию и развитию овертуризма и туризмофобии в регионе.

Функции по формированию, управлению, контролю, развитию РТП должны стать основой административной деятельности по управлению туризмом на принимающей территории, одним из главных инструментов управления устойчивым социально-экономическим развитием территорий туристско-рекреационной специализации, составной частью прогнозирования туристской деятельности в регионе, частью стратегической и тактической политики развития федерального, регионального и местного туризма.

Целью сегментации РТП может стать сохранение уникальной экологической системы рекреационной территории, например субтропической растительности курортного города Сочи, на основе формирования пакета уникальных туристских экологических продуктов, количество которых может быть строго ограничено, не должно наносить ущерба окружающей природе и нарушать экологическое равновесие.

РТП, предпочитающий данный вид туристского продукта, как и любой другой РТП, должен быть управляемым. Он может включать в себя въездной ТП, состоящий из международных туристов и отечественных туристов, а также внутренний ТП, состоящий из местных жителей региона, которые имеют разный уровень предпочтений по отношению к самому экологическому продукту, по отношению к комфортности размещения, питания и передвижения по рекреационной территории, имеют разную по времени возможность пребывания на данной рекреационной территории, разное время прибытия и время выезда из региона.

Целью сегментации посетителей региона может быть определение предпочтений каждой категории посетителей по отношению к туристскому продукту, к комфортности размещения, питания, передвижения, времени пребывания, прибытия и отъезда. Создание на этой основе разных видов экологических продуктов для всех категорий посетителей, включающих полную программу пребывания на рекреационной территории – от встречи до выезда из региона.

Данная цель может быть реализована субъектом управления РТП на основе изменения статуса определенной части ценной в экологическом значении рекреационной территории и придания ей статуса особо охраняемых земель, а также с помощью разработки кодекса экологического поведения туриста, посещающего, например, город-курорт Сочи, который предоставляют посетителям рекреационной территории вместе с распечаткой проездных билетов в Интернете или в билетных кассах средств транспортировки туристов (ж/д вокзалах, авиа-кассах, автобусных кассах, кассах водного транспорта), на официальном сайте города и в качестве социальной рекламы в местах проведения массовых мероприятий. Субъектам управления РТП следует одновременно разработать комплекс мер или санкций за нарушение кодекса экологического поведения туриста.

Одной из целей сегментации РТП может быть задача сохранения духовно-нравственных традиций, культуры, религии местного населения. Нарушения со стороны туристов общепринятых социальных норм поведения местного социума, в том числе имеющие широкий общественный резонанс[10], неуважение к духовно-нравственным

[7] Forschungsgemeinschaft. URL: www.reiseanalyse.de (accessed 3 Jul 2021).

[8] Сочи трещит по швам: власти призывают ограничить въезд туристов на курорт. 16.06.2021. URL: https://ngnovoros.ru/posts/sochi-treschit-po-shvam-vlasti-prizyvayut-ogranichit-v-ezd-turistov-na-kurort (дата обращения: 15.07.2021).

[9] Прошина Е. Онищенко – отдыхающим в Турции россиянам: вашими деньгами оплатят обстрелы Донбасса. 03.08.2021. URL: https://finance.rambler.ru/money/46945941/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/ (дата обращения: 04.08.2021).

[10] Жители Сочи вновь продолжают возмущаться «полуголыми» туристами. 14.08.2020. URL: https://otdihayvsochi.ru/jiteli-sochi-vnov-prodoljaut-vozmyshatsia-polygolymi-tyristami-video/ (дата обращения: 25.07.2021); Прошина Е. ЕС потратит миллионы на гей-пропаганду в России. 29.10.2021. URL: https://news.rambler.ru/community/47482744-es-potratit-milliony-na-gey-propagandu-v-rossii/ (дата обращения: 29.10.2021).

традициям, к культуре и религии местных жителей напрямую касаются аспекта социальной безопасности, определяемой ФЗ № 132-ФЗ от 24.11.1996 (ред. от 09.03.2021) как «безопасность туристов (экскурсантов), сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, материальным и духовным ценностям общества, безопасности государства»[11].

Социальное воздействие туризма

В зарубежных исследованиях акцентируется, что местные жители являются основным человеческим ресурсом для предоставления услуг туристам, отношения между хозяином и гостем представляют собой основной аспект опыта путешествий и непосредственно влияют на туризм. Конкурентное преимущество дестинаций создается местными ресурсами, в которых человеческий ресурс играет решающую роль как один из важнейших показателей, отражающих уровень развития туризма в дестинации [15].

Социальное воздействие туризма, как положительное, так и отрицательное, вопросы, связанные с его измерением, начали обсуждаться в зарубежной теории туризма с конца прошлого века в работах исследователей: E. Bjorklund and A. Philbrick (1972), G. V. Doxey (1975), R. Butler (1980), A. Matheison and G. Wall (1982), P. E. Murphy (1985), A. Milman and A. Pizam (1988), J. Ap (1992), J. Ap and J. L. Crompton (1993), H. Choi and E. Sirakaya (2006), M. Deery et al. (2012), F. Shafaei and B. Mohamed (2015) [16], Xinqi Wu and Hong Hui (2018) и мн. др. В. Фрейром [17] предложена схема влияния аккультурации или культурной ассимиляции в процессе развития туризма по Th. Lüem (1985) (рис. 1).

Вопросы социального воздействия туризма на принимающий туристов регион только начинают ставиться в фокус научного исследования отечественных авторов. Большей частью эти исследования инициированы проблемой овертуризма в рекреационных регионах в высокий или пиковый сезон. В статье F. Shafaei and B. Mohamed проведен анализ этапов развития оценки социального воздействия туризма, дан обзор наиболее важных моделей и подходов, представлены индикаторы оценки социальных и культурных последствий развития туризма [16].

Анализ библиографии по теме позволил установить, что большая часть исследований сосредоточена на восприятии принимающего сообщества проблем социального воздействия, негативных и позитивных последствих туризма для сообщества, восприятии социальных воздействий членами сообществ. Акцентируется важность планирования и необходимость вовлечения местного социума в индустрию туризма для усиления положительных воздействий и уменьшения негативных. Подчеркивается важность участия местного сообщества в принятии решений по развитию туризма на принимающей территории, предоставления местному социуму возможности получать экономические и иные выгоды от его развития.

Негативными социальными последствиями туризма названы: рост проституции, усиливающийся алкоголизм, возросшая контрабанда, повышающийся уровень напряжения между местными жителями и туристами, все более беспокойная общественная и личная жизнь, создание ложной народной культуры. Среди негативных показателей социального измерения воздействия туризма названы следующие индикаторы: изменение структуры местного сообщества, его распад и отчуждение, изменение семейной сплоченности, процент занятых в секс-туризме, уровень проституции в местном секс-туризме, отношение местного сообщества к секс-туризму, деградация природных и культурных ресурсов [16].

В научное поле обсуждения Л. И. Донсковой при поддержке зарубежных организаций «Ассоциация туризма семьи во Фландрии», «Социальный туризм и благотворительность в Великобритании» вводится задача необходимости учета особенностей и предоставления туристского обслуживания семьям международных туристов, имеющих измененную форму и структуру, т. е. семьям, образованным на основе однополых браков [18].

Конституция России не признает измененную форму и структуру семьи. Узаконенная в ЕС новая форма и структура семьи с однополыми браками является неприемлемой перед Богом, нарушает Евангелие, все Божии и человеческие законы, разрушает социальный институт семьи[12]. Границы страны должны быть закрыты для данного типа семей. Туристам-нарушителям данного запрета должен

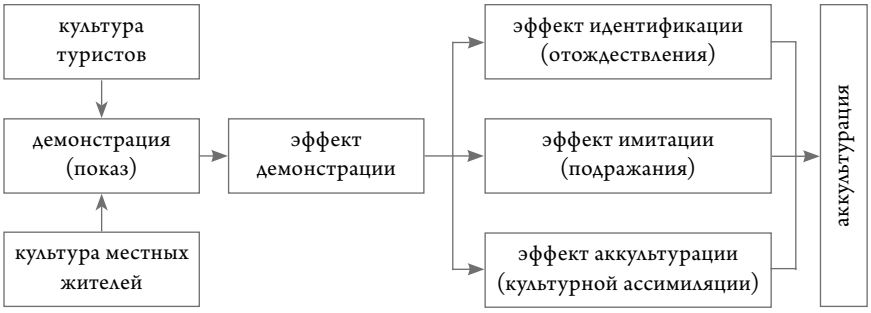

Рис. 1. Схема влияния аккультурации (культурной ассимиляции), вызванной развитием туризма
Fig. 1. Effects of tourism-triggered cultural assimilation

[11] Об основах туристской деятельности в РФ. ФЗ № 132-ФЗ от 24.11.1996 (ред. от 09.03.2021). Ст. 14. Обеспечение безопасности туризма.

[12] Сергей Михеев: Содомия – это мерзость перед Богом! Конституцию нужно менять. *Вечер с Владимиром Соловьевым*. 01.02.2018. URL: https://my.mail.ru/mail/romanova-vp/video/_myvideo/1214.html (дата обращения: 27.08.2021)..

последовать отказ в бронировании и размещении в гостиницах, предусмотрены определенные виды административных взысканий. Предлагается при оформлении визы для въезда в Россию четко указывать в анкете тип семьи. Для данного типа семей, изъявивших желание посетить Россию, можно предложить, на наш взгляд, только виртуальное знакомство со страной, виртуальные экскурсии, а также интернет-супермаркеты сувениров из России. Для преодоления эффекта культурной ассимиляции необходимо исключить элемент показа или демонстрации негативных проявлений культуры туристов, в том числе рекламу семей туристов, образованных на основе однополых браков. Вопрос непраздный, касается он не только каждого туристского региона страны, но и каждой семьи в отдельности, требует своего решения.

Все рассматриваемые в научных исследованиях негативные социальные риски, перечисленные показатели и индикаторы, риски, уже ставшие проблемой рекреационных территорий, а также требующая отдельного рассмотрения проблема эксплуатации детей, в том числе и сексуальная, демонстрация в общественных местах нетрадиционного сексуального поведения и сексуальной распущенности[13], проведение рекламных кампаний фирмами, предприятиями, в том числе и зарубежными, на рекреационной территории с привлечением элементов порнографии в рекламе своих товаров, продуктов и услуг, другие негативные проявления развития туризма должны стоять в центре внимания местных общественных советов, отделов культуры и туризма местных администраций принимающих рекреационных территорий и находить свое решение в туристской политике, планировании развития туризма в регионе, программах развития туризма на местном и региональном уровнях.

Отделам культуры местных администраций принимающих рекреационных территорий следует разработать комплексные подходы, программы работы с подобной категорией туристов, нарушающих социальные нормы поведения, духовно-нравственные традиции, затрагивающие культуру и религию местных жителей, с привлечением духовенства Русской Православной Церкви, специалистов в сфере психологии, культурологии и других профильных специалистов.

Для профилактики и противодействия культурной ассимиляции в аспекте погашения негативных проявлений культуры туристов и их влияния на местный социум могут быть разработаны специализированные программы, например, с учетом Глобального этического кодекса туризма ВТО[14], разработок МЧС РФ об ответственном туристе[15] (05.09.2016), разработок этического кодекса туризма Вьетнама[16]. Они должны предусматривать комплекс мер административного взыскания за неуголовные нарушения, которые, не загружая суды общей юрисдикции, могут быть оперативно применены к туристам-нарушителям, в том числе и к иностранным.

Критерии сегментации рынка

В исследованиях M. Bahrmann классические критерии сегментации рынка представлены на основе Mix-маркетинга с указанием их основных признаков [19]:

Социально-демографические критерии

- Демографические признаки: пол, возраст, семейное положение, количество детей, размер домашнего хозяйства.
- Социально-экономические признаки: профессия, образование, доход.

Психографические критерии

- Общие личностные характеристики: деятельность, интересы.
- Другие общие установки: стиль жизни, социальная ориентация, склонность к риску.
- Особенности продукта: восприятие, мотивы, особые предпочтения, представления о пользе (достоинства), намерение совершить покупку.

Географические критерии

- Макрогеографические признаки: федеральные земли, город / страна, община (муниципалитет).
- Микрогеографические признаки: районы, микрорайоны, улицы.

Поведенческие критерии

- Ценовое поведение: ценовой диапазон, покупка специальных предложений.
- Использование средств массовой информации: вид и количество использованных средств массовой информации, интенсивность использования.
- Выбор торговых центров: форма предприятия, деловая лояльность, смена бизнеса.
- Выбор продукта: покупатель (потребитель) / непокупатель, лояльность к бренду, смена бренда, выбор продукта или бренда, оптовые покупатели, неоптовые покупатели, объем покупки.

Ф. Котлер [1] дополняет следующими категориями сегментации комплекс:

[13] Фестиваль BoogelWoogel в горах Сочи впервые принял некоторых участников в режиме онлайн. 10.04.2021. URL: https://tass.ru/v-strane/11114845 (дата обращения: 25.07.2021).

[14] Глобальный этический кодекс туризма. Сантьяго, 01.10.1999. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_215/doc215a498x494.htm (дата обращения: 27.07.2021).

[15] Глобальный Этический Кодекс Туризма ВТО и МЧС России об «ответственном туристе». 05.09.2016. URL: https://icrt-russia.ru/globalnyj-eticheskij-kodeks-turizma-vto-i-mchs-rossii-ob-otvetstvennom-turiste/ (дата обращения: 25.07.2021).

[16] Вьетнам вводит этический кодекс туриста. Министр по туризму Вьетнама хочет ввести хорошие манеры по всей стране. Крупные города уже давно просят гостей быть вежливыми. 24.03.2017. URL: https://samaraintour.ru/18447 (дата обращения: 26.07.2021).

Демографических критериев: размер семьи, этап жизненного цикла семьи, раса, национальность, религиозные убеждения (вероисповедание).

Психографических: общественный класс, тип личности.

Географических: регион, округ (по величине), город (по числу жителей), плотность населения, климат.

Поведенческих: повод для совершения покупки, статус пользователя, интенсивность потребления, степень приверженности, степень готовности покупателя к восприятию товара, отношение к товару, стиль приобретения товаров.

Разработка методических рекомендаций по анализу и сегментации РТП

Методы исследования потребителей, которые использует, например, ИК «Грифон-эксперт» в рамках сегментации и изучения целевых групп потребителей: количественные опросы (телефонные или личные интервью), фокус-группа, глубинное интервью; online-исследования, маркетинговые эксперименты, конджойнт-анализ (conjoint), – информация о которых подробно представлена на официальном сайте компании. По результатам проведенных исследований разрабатывается маркетинговая стратегия, направленная на удовлетворение нужд и потребностей потребителей.

Алгоритм анализа РТП

Для разработки методических рекомендаций по анализу и сегментации РТП можно предложить следующий вариант алгоритма анализа и сегментации региональных туристских потоков (РТП) рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма на основе системного подхода (рис. 2)[17].

В предложенном алгоритме сделана попытка учесть глобальные критерии устойчивого развития рекреационной территории (дестинации). С учетом критериев устойчивого развития туризма, дестинации должны применяться междисциплинарный, целостный (холистический) и интегративный подходы, которые включают четыре основные цели (показателя): демонстрация устойчивого управления дестинацией; максимизация социальных и экономических выгод для местных сообществ и минимизация негативного влияния; максимизация выгод для местных сообществ, посетителей и объектов культурного наследия при минимальном воздействии; максимизация пользы для окружающей среды и минимизация негативного влияния. Данные критерии предназначены для использования дестинациями любого типа и масштаба[18].

Базовым понятием анализа РТП является структура региональных туристских потоков по категориям посетителей, которая предполагает определение состава посетителей, пребывающих на рекреационную территорию с туристскими целями (рабочее определение).

Результатами анализа РТП должно являться:

- определение состояния туристского потока для отнесения его к категории *РТП, имеющий потенциал наращивания,* или *РТП, требующий ограничения (овертуризм)*; разработка критериев такого определения для конкретной (рекреационной) территории с учетом местных особенностей развития туризма. В основе разработки критериев должны присутствовать такие понятия, как объем РТП, доход от РТП, ущерб от РТП во всех сферах жизнедеятельности местного сообщества рекреационной территории; динамика, интенсивность, плотность, направление, сезонность, виды и количество туристского продукта, востребованного посетителями рекреационной территории; виды и количество туристского продукта, не востребованного туристами, например: недозагрузка санатория (других средств размещения) по сезонам (количество пустующих мест), размещение избыточного количества кафе, ресторанов, столовых в туристской зоне (невостребованность их продукции, нецелесообразное расходование ресурсов); а также другие определения и понятия, которые отражают специфику рекреационной территории;
- определение вида РТП (въездной, внутренний, выездной; организованный / неорганизованный) и его структуры по категориям посетителей;
- определение структуры РТП по критериям согласно цели исследования, например: по цели посещения рекреационной территории; по продолжительности посещения; по средствам транспортировки или передвижения туристов; по средствам размещения и другим критериям;
- разработка методики определения пропускной способности рекреационной территории с учетом местной специфики развития туризма;
- разработка мероприятий по наращиванию РТП и привлечению в регион ТП, отобранного с учетом экспертных рекомендаций и научных обоснований; разработка мероприятий по ограничению РТП (овертуризм);
- разработка реестра субъектов деятельности в туризме и всех субъектов, заинтересованных в развитии туризма (реестр туроператоров, турфирм; реестр производителей туристского продукта,

[17] Алгоритм разработан автором на основе материалов отечественных и зарубежных исследований.

[18] Глобальные критерии устойчивого туризма для дестинаций (GSTC-D). 01.11.2013. URL: https://www.gstcouncil.org/wp-content/uploads/2017/01/Russian-Criteria-for-Destinations-Revised.pdf (дата обращения: 27.08.2021).

общественных организаций в сфере туризма и других участников туристской деятельности);

- разработка реестра объектов в туризме (информационной базы имеющихся в наличии туристских регионов и вновь формирующихся туристских кластеров, базы средств размещения, средств транспортировки, предприятий общественного питания, культурных объектов, туристских достопримечательностей, других туристских предприятий и туристских организаций).

Ситуационный анализ РТП

Следующим шагом алгоритма сегментации должен быть ситуационный анализ туристского потенциала региона, процесс и элементы которого представлены на рис. 3[19].

Результатами сегментации РТП должно являться:

- решение административных органов управления туризмом на территории, согласованное с мнением общественного Совета по туризму (общественных организаций), какой вид (виды) туристского продукта рекомендуется производить в регионе и его (их) количество;

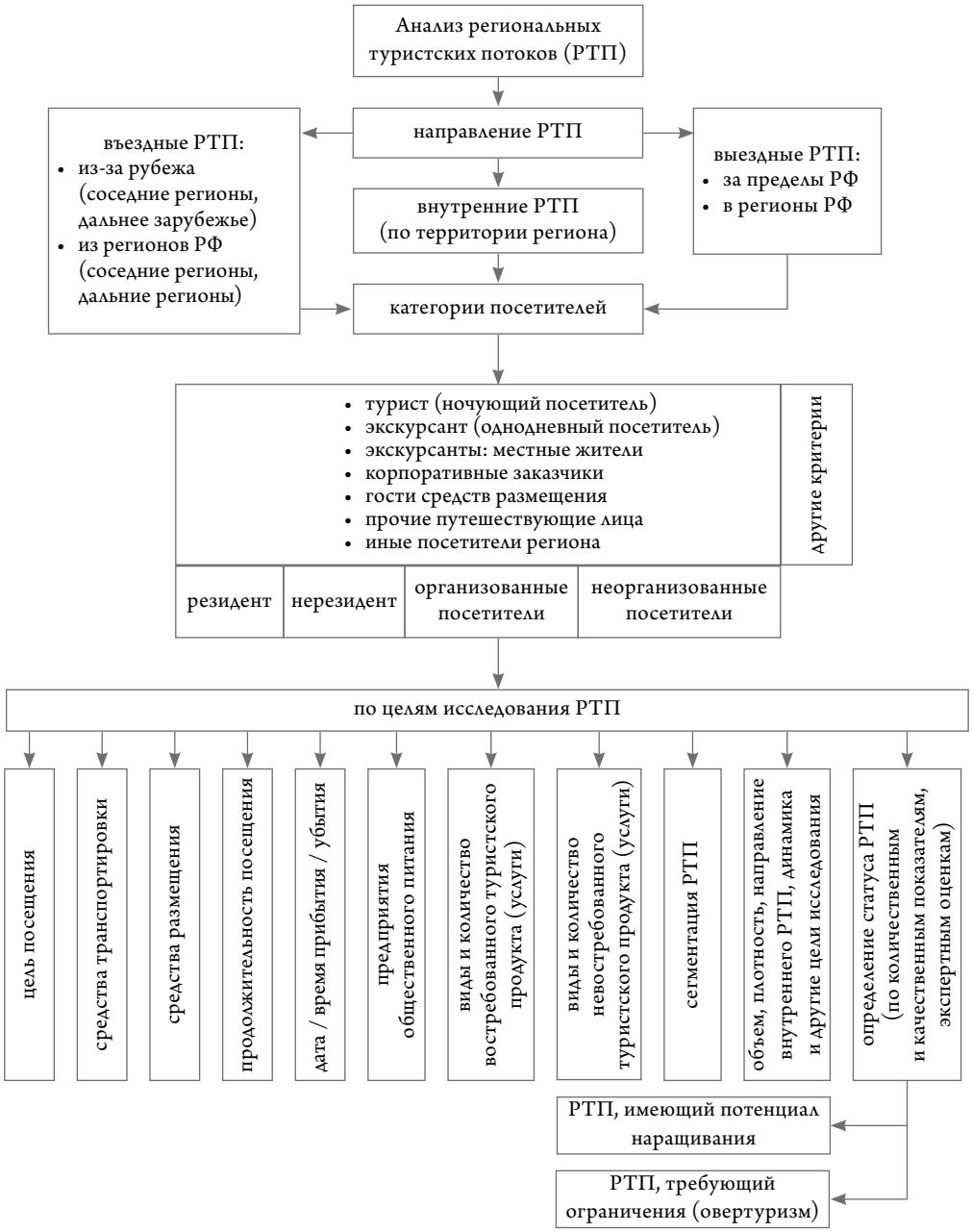

Рис. 2. Вариант алгоритма анализа региональных туристских потоков
Fig. 2. Algorithm of regional tourism flow analysis

[19] Hauer K. Situationsanalyse des Tourismus potentials einer Region. Europaische Beobachtungsstelle Leader Aeidl. Brussel, 1996. S. 6.

- формирование и предложение дифференцированного туристского продукта региона, который будет являться частью бренда рекреационной территории, по категориям посетителей с учетом сбережения рекреационных ресурсов, сохранения духовно-нравственных традиций, религии, культуры местного населения, безопасности самого посетителя, безопасности местного населения, интересов государства и др. аспектов;
- информационные базы данных по РТП по организованным и неорганизованным туристам: электронные путевки по пакетным турам; электронные путевки по экскурсионным турам; опросы домохозяйств; экспертные оценки и другие базы данных в сфере туризма;
- комплексная система управления РПТ, включающая механизм наращивания и механизм сдерживания ТП на рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма в регионе. Результаты сегментации РТП представлены на рис. 4[20].

Методические подходы к оценке туристских потоков: зарубежный и отечественный опыт

Для проведения анализа и сегментации ТП необходимо сначала четко определить его структуру РТП по категориям посетителей (рекреационной) территории на основе системного подхода.

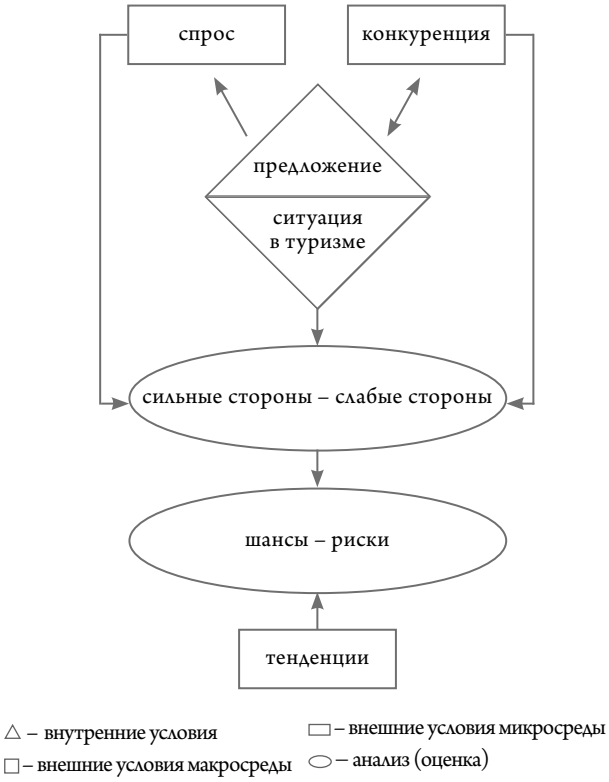

Рис. 3. Ситуационный анализ туристского потенциала региона, процесс и элементы ситуационного анализа в туризме
Fig. 3. Situational analysis of regional touristic potential

Рис. 4. Вариант алгоритма сегментации региональных туристских потоков рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма на основе системного подхода
Fig. 4. Algorithm of segmentation of regional tourist flows based on local specifics of tourism development and the systematic approach

[20] Разработано автором на основе материалов отечественных и зарубежных исследований [20].

Основными объектами купли-продажи рынка туризма являются туристские услуги и туристский продукт. Субъектами рынка туризма являются покупатели и продавцы туристских услуг и туристских продуктов: потребители, производители, посредники. В данном случае рынок туризма интересен с точки зрения основного субъекта туристской деятельности, одного из участников туристского рынка – потребителя, предъявляющего свой индивидуальный спрос на определенные виды туристских услуг и туристские продукты.

Потребителями туристских услуг и также сопутствующих услуг, работ и товаров, согласно действующему законодательству в сфере туризма РФ, СНГ, Республики Беларусь, а также нормативным документам Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО), Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН в сфере статистики международной торговли услугами, в том числе туристскими услугами, являются следующие категории субъектов-участников туристского рынка: турист (ночующий посетитель); экскурсант (однодневный посетитель); экскурсанты: местные жители; гости средств размещения; корпоративные заказчики; прочие путешествующие лица; иные посетители дестинации[21] [2; 3; 21].

В международную туристскую статистику включаются туристы (посетители, ночующие вне дома) и посетители одного дня, как резиденты, так и нерезиденты, в статистику не включается категория *прочие путешествующие лица*.

В современных исследованиях авторами предлагается производить учет всех субъектов ТП – посетителей различных средств размещения: гостиниц, домов отдыха, туристических баз, кемпингов, детских лагерей отдыха, усадеб сельского туризма, индивидуального жилья, сдаваемого отдыхающим, – и посетителей других имеющихся средств размещения, объектов санаторно-курортного комплекса (санаториев, профилакториев, лечебниц, здравниц, лечебно-оздоровительных баз), и посетителей других объектов размещения.

Актуализируется аспект необходимости учета особенностей регионального развития туризма, примером которого может служить наличие в ряде мест Алтайского района значительных устойчивых ТП, которые сформировались к объектам, не имеющим надлежащей инфраструктуры, для которых иногда характерно полное отсутствие каких-либо объектов туриндустрии. Это соленые и щелочные озера в западной равнинной части края [22; 23].

Краснодарский край стал первым регионом по внедрению системы сателлитных счетов с 2004 г., которая позволяет оценить макроэкономические показатели туристского рынка края. Для туристской отрасли края методику разработали специалисты краевого органа статистики совместно с учеными Сочинского университета курортного дела и туризма. Однако зарубежные методики, применяемые в практике развития современного российского туризма, сталкиваются с проблемами национального статистического туристского учета, которые представлены в статье А. С. Котовой и Н. О. Старковой: несопоставимость баз данных; при учете деятельности индивидуальных средств размещения отсутствие регистрации, налогов и сборов; неорганизованные туристы не фиксируются официальной статистикой; отсутствие детальной и достоверной статистической информации по статистике туристских расходов, информация об экскурсионных и деловых краткосрочных поездках носит фрагментарный характер; проблемы учета туристов, которые используют собственный автотранспорт; проблема учета однодневных экскурсантов [24].

В Методике оценки региональных туристских и экскурсионных потоков на примере г. Москва (2021 г.) представлены следующие открытые вопросы и проблемы оценки региональных туристских и экскурсионных потоков: в статистике отсутствуют готовые данные, характеризующие объем и структуру ТП в регионах России; присутствует неполнота и низкий уровень достоверности статистической информации, собираемой органами государственной статистики; сложность получения и анализа ведомственной статистики; отсутствует возможность достоверно оценить вклад туристической отрасли в социально-экономическое развитие региона; не все КСР отчитываются по форме 1-КСР; не все иностранные граждане встают на миграционный учет; большие досчеты и чувствительность оценки ТП к коэффициентам.

В основных методических рекомендациях в сфере статистики туризма для повышения точности и детальности оценки ТП, времени пребывания и расходов туриста предлагается использовать новые методы и источники данных, в том числе Big Data, таких как: данные сотовых операторов (Tele2, MTS, Мегафон); данные банков по транзакциям безналичной оплаты (Сбербанк); данные цифрового следа (Mail.ru, Yandex и т. п.); данные ЦОДД (Центра организации дорожного движения) – статистика ЦОДД о прибытиях на личных автомобилях. Авторы методики приходят к выводу, что нельзя оценить турпоток без дополнительных социологических обследований[22].

Приказ Федеральной службы государственной статистики «Об утверждении Методики оценки туристского потока» указывает также на отсутствие надежного

[21] Устойчивое развитие туризма: пособие для специалистов по местному планированию. Туризм, окружающая среда и общество. Раздел 2. Всемирная туристская Организация (ВТО). Испания: Мадрид, 1993. С. 16; Методика по расчету въездного туристического потока. Постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь. № 31. 05.06.2018. С. 2; 19.07.2019. № 63. С. 3–5.

[22] Методика оценки туристского потока. Утв. приказом Росстата № 109 от 26.02.2021. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=388435 (дата обращения: 20.10.2021).

информационного источника. Сделан вывод, что осуществление расчета численности туристов и экскурсантов не представляется возможным, поэтому настоящей Методикой предусмотрена оценка туристского и экскурсионного потока по числу туристских и экскурсионных поездок, а не по количеству туристов и экскурсантов.

Большую часть проблем, связанных с вопросами статистического учета организованных туристов, определения объемов РТП, а также задачами сегментации РТП, состоящего из организованных туристов, позволит решить новая форма учета в туризме – электронная путевка, которая в качестве обязательного элемента современного развития туристской деятельности введена Постановлением Правительства РФ № 747 от 08.06.2019[23], а также Приказом Министерства культуры РФ № 2046 от 08.12.2017[24].

Большую часть задач по сегментации РТП позволит решить информация, которая будет присутствовать в электронной путевке. Однако она касается только организованных туристов, путешествующих по пакетным турам и составляющих только часть основного РТП, вопрос учета неорганизованных туристов остается открытым.

В регионах, заинтересованных в развитии туризма, разрабатываются собственные методики учета неорганизованных туристов, как это сделано, например, в Саратовской области, где разработана методология расчета числа туристов, не воспользовавшихся услугами коллективных средств размещения на основе учета объема и структуры пассажирских перевозок по видам транспорта применительно к условиям и особенностям области [25].

В. О. Кузенковой предложен алгоритм расчета въездного туристского потока в Смоленскую область на основе подсчета общего пассажиропотока и выделения из него неорганизованных туристов. Цель предложенного алгоритма – оценка объема валового дохода от неорганизованного туризма в секторе домашних хозяйств Смоленской области и разработка организационно-экономических и налоговых мер, устраняющих негативные последствия сокрытых от официальной статистики объемов ТП [26].

В. М. Грибков-Майский акцентирует, что официальные государственные органы статистики не располагают в силу ряда причин точными данными о количестве объектов размещения в субъектах России, а значит и не могут определить количество мест номерного фонда. Автором предлагается ведение реестра коллективных средств размещения туристской администрацией региона – государственным органом, который уполномочен заниматься государственным регулированием на региональном уровне [27].

Ю. Кислова и А. Казунина, представляя методику оценки туристских потоков на территорию г. Москва, определяют проблему отсутствия в статистике готовых данных, в том числе характеризующих структуру туристского потока. В основу сегментации ТП авторы закладывают два основных критерия: география и цели прибытия, выделяя также основные виды туризма в регионе [20].

Проблема сегментации и управления РТП актуализируется в связи со значительным увеличением объемов международных туристских потоков (овертуризм), например, в Венецию, Барселону, Амстердам, в столичные города России, Москву и Санкт-Петербург, с обострением проблем принимающих регионов[25].

С упрощением визового режима и большим притоком туристов наша страна неизбежно столкнется с проблемой овертуризма, если предварительно не будет разработана комплексная система управления РТП, содержащая механизм привлечения и механизм сдерживания ТП[26].

Проблема сегментации и учета международных ТП, въезжающих на рекреационные территории России, может быть решена путем включения соответствующей информации из электронной путевки в анкету при оформлении визы иностранного туриста. Таким образом, можно будет охватить практически весь сегмент въездных международных туристских потоков, как организованных, так и неорганизованных туристов.

Практически полный учет внутренних организованных туристов и экскурсантов в рамках системы электронной путевки позволит сэкономить на проведении дорогостоящих социологических опросов населения.

Вопросы учета неорганизованных туристов, путешествующих на личных автомобилях, решаются с привлечением статистики ЦОДД региона. Вопросы учета туристов, проживающих в гостиницах, не заполняющих форму 1-КСР, и в частных средствах размещения, до разработки общей методики сбора достоверной статистики размещения решаются в рабочем порядке.

С целью формирования структуры и объема отечественного регионального туристского продукта и предупреждения негативных последствий развития овертуризма на рекреационных территориях РФ предлагается

[23] Об утверждении Правил создания и функционирования единой информационной системы электронных путевок, структуры единой информационной системы электронных путевок и условий предоставления содержащейся в единой информационной системе электронных путевок информации. Постановление Правительства РФ № 747 от 08.06.2019. *СЗ РФ.* 24.0.6.2019. № 25. Ст. 3254.

[24] Об утверждении формы электронной путевки, перечня сведений, указанных в электронной путевке, а также порядка размещения электронных путевок в единой информационной системе электронных путевок. Приказ Министерства культуры РФ № 2046 от 08.12.2017. URL: https://cdnimg.rg.ru/pril/155/18/85/51234.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

[25] Бояркова Г. Турист подкрался незаметно. Смольный пересчитал гостей и теперь озадачен. *Фонтанка.ру.* 30.01.2019. URL: https://www.fontanka.ru/2019/01/30/118/?feed (дата обращения: 25.09.2021); Знаменитый российский «танцующий лес» спрячут от туристов. 26.07.2019. URL: https://travel.rambler.ru/news/42558185-znamenityy-rossiyskiy-tantsuyuschiy-les-spryachut-ot-turistov/?updated (дата обращения: 28.09.2021).

[26] Сухорукова Е. Безвизовая стратегия: как власти хотят смягчить правила въезда в Россию. 27.09.2018. URL: https://www.rbc.ru/business/27/09/2018/5ba378ca9a7947032534f3d2 (дата обращения: 28.09.2021).

введение социально-демографического критерия по определению целевых групп в составе въездных на территорию РФ туристских потоков, а именно критерия *доход* туриста с возможным установлением его соответствующего уровня для въезда в РФ.

Результаты

Разработаны: вариант алгоритма анализа РТП, вариант алгоритма сегментации РТП рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма на основе системного подхода, методические рекомендации по сегментации РТП. Акцентировано отличие сегментации туристского рынка и сегментации РТП с определением субъекта и объекта сегментации, ее цели и результатов.

Методические рекомендации по сегментации РТП на основе цели сегментации и ее признаков:

1) разработать, сформировать и законодательно закрепить терминологическую базу по теме «Анализ и сегментация региональных туристских потоков (РТП)»;
2) четко определить структуру РТП по категориям посетителей с учетом местной региональной специфики развития туризма и соотнесение данных категорий посетителей с возможностью их статистического учета;
3) разработать классификации, позволяющие анализировать и сегментировать РПТ: классификацию средств транспортировки туристов внутри региона, межрегиональных средств транспортировки с учетом местной специфики региона; классификацию предприятий общественного питания;
4) разработать и вести реестр коллективных средств размещения рекреационной территории;
5) разработать и вести реестр индивидуальных предпринимателей, занимающихся предоставлением частного жилья в наем туристам;
6) разработать административные мероприятия, позволяющие местным жителям, в том числе данной категории предпринимателей, получать выгоды от развития туризма на рекреационной территории;
7) провести ситуационный анализ туристского потенциала региона, используя отечественные и международные разработки, определить и принять единую методику ситуационного анализа туристского потенциала региона;
8) разработать систему целей сегментации РТП исходя из потребностей развития данного рекреационного региона, закрепить цели сегментации в программах по развитию туризма на региональном и местном уровнях, определить систему критериев и признаков сегментации согласно поставленным целям;
9) определить субъект сегментации, ответственный за проведение сегментации РТП;
10) провести классификацию земель курортного региона, разработать порядок выделения особо ценных земель и придания им статуса особо охраняемых территорий;
11) разработать кадастр рекреационных ресурсов рекреационной территории;
12) определить и классифицировать состав объектов туристского показа;
13) разработать единую методику определения пропускной способности рекреационной территории с учетом местной специфики развития туризма;
14) разработать этический кодекс поведения туриста, кодекс экологического поведения туриста на рекреационной территории;
15) для проведения анализа и сегментации РТП предлагается использовать вариант алгоритма анализа РТП (рис. 2), вариант алгоритма сегментации РТП рекреационной территории с учетом своеобразия развития туризма на основе системного подхода (рис. 4);
16) ввести в практику туристской деятельности электронную путевку для учета всех въездных международных туристов, внутренних туристов, путешествующих по пакетным турам, а также въездных и внутренних экскурсантов;
17) разработать единую методику учета туристов, путешествующих на личном автотранспорте.

Заключение

Можно констатировать целесообразность и необходимость проведения анализа и сегментации РТП с целью предотвращения негативных последствий развития туризма на рекреационных территориях, с целью разработки дифференцированных туристских продуктов принимающих регионов, пополнения доходов региональных и местных бюджетов. Акцентировано отличие сегментации туристского рынка и сегментации РТП с определением субъекта и объекта сегментации, ее цели и результатов.

Возможные направления дальнейших исследований касаются, прежде всего, формирования и законодательного закрепления терминологической базы по теме «Анализ и сегментация региональных туристских потоков (РТП)», разработки системы целей сегментации РТП исходя из потребностей развития и особенностей конкретного рекреационного региона, закрепление целей сегментации в программах по развитию туризма на региональном и местном уровнях, определения системы критериев и признаков сегментации согласно поставленным целям. Дальнейшие исследования целесообразно проводить в рамках разработки варианта модели управления негативными последствиями развития овертуризма на региональном уровне с учетом специфики принимающего региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Kotler P. *Marketing Essentials*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1984, XIX+556.
2. Petermann Th., von Hutter Ch., Wennrich Ch. *Folgen des Tourismus. Bd. 2: Tourismuspolitik im Zeitalter der Globalisierung.* Berlin: Ed. Sigma, 1999, 278.
3. Swarbrooke J., Horner S. The impacts of business travel and tourism. *Business Travel and Tourism,* eds. Swarbrooke J., Horner S. London: Routledge, 2001, 75–87.
4. Cole D. N. Environmental impacts of outdoor recreation in wildlands. *Society and resource management: a summary of knowledge,* eds. Vaske J. J., Bruyere B. L., Field D. R., Brown P. J. Jefferson City, MO: Modern Lithograph, 2004, 107–116.
5. Xia J. C., Zeephongsekul P., Packer D. Spatial and temporal modelling of tourist movements using Semi-Markov processes. *Tourism Management*, 2011, 32(4): 844–851. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2010.07.009
6. Zhusheng L. Tourist flow-control study based on utility. *Computer Modelling* & *New Technologies*, 2014, 18(2): 205–211.
7. Bigné E., Gnoth J., Andreu L. Advanced topics in tourism market segmentation. *Tourism management: analysis, behaviour and strategy*, eds. Woodside A. G., Martin D. CABI, 2007, 151–173. https://doi.org/10.1079/9781845933234.0151
8. Пустовойтенко С. И., Сарян А. А. Проблемы терминологии туризма. *Российское предпринимательство*. 2012. № 7. С. 131–138.
   Pustovoytenko S. I., Sarian A. A. Problems in tourism terminology. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2012, (7): 131–138. (In Russ.)
9. Карташевская И. Ф. Туристские потоки как управляемая категория базисной модели рекреационной системы. *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 63. С. 53–57.
   Kartashevskaya I. F. Tourist flows as a managed category of the base model of the recreation system. *Kultura narodov Prichernomoriia*, 2005, (63): 53–57. (In Russ.)
10. Загурская С. Г. Маркетинг в социально-культурном сервисе и туризме. М.: МИИТ. 2011. 195 с.
    Zagurskaya S. G. *Marketing in social and cultural services and tourism.* Moscow: MIIT, 2011, 195. (In Russ.)
11. Лисицына Т. Б., Коржанова А. А. Сегментация рынка в туризме. *Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы*: Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 13августа 2018 г.) Уфа: АМИ , 2018. С. 9–13.
    Lisitsyna T. B., Korzhanova A. A. Market segmentation in tourism. *Implementation of innovative development results: problems and prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Sterlitamak, 13 Aug 2018. Ufa: AMI, 2018, 9–13. (In Russ.)
12. Оганесян Л. Л., Фоменко Е. В. Проблемы применения диверсификационной стратегии в развитии туристского продукта региона. *Курорты. Сервис. Туризм*. 2014. № 1. С. 129–141.
    Oganesyan L. L., Fomenko E. V. Problems of applying a diversification strategy in developing the region's tourism product. *Kurorty. Servis. Turizm*, 2014, (1): 129–141. (In Russ.)
13. Katsoni V., Giaoutzi M., Nijkamp P. Market segmentation in tourism: an operational assessment framework. *Quantitative methods in tourism economic*, eds. Matias Á., Nijkamp P., Sarmento M. Heidelberg: Physica, 2013. https://doi.org/10.1007/978-3-7908-2879-5_18
14. Александрова А. Ю., Шипугина М. В. Международный туризм как геополитическая сила. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2020. 99 с. https://doi.org/10.23681/597731
    Aleksandrova A. Y., Shipugina M. V. *International tourism as a geopolitical force.* Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2020, 99. (In Russ.). https://doi.org/10.23681/597731
15. Phuong N., Song N., Quang T. Factors affecting community-based tourism development and environmental protection: practical study in Vietnam. *Journal of Environmental Protection*, 2020, 11(2): 124–151. https://doi.org/10.4236/jep.2020.112009
16. Shafaei F., Mohamed B. A stage-based model development study on tourism social impact assessment. *International Journal of Scientific and Research Publications*, 2015, 5(3). Available at: http://www.ijsrp.org/research-paper-0315.php?rp=P393777 (accessed 23 Sep 2021).
17. Freyer W. *Tourismus: Einführung in die Fremdenverkehrsökonomie (Lehr- und Handbücher zu Tourismus, Verkehr und Freizeit).* 11th revised and updated ed. De Gruyter Oldenbourg, 2015, 730.
18. Донскова Л. И. Исследование социального туризма зарубежных авторов: теория и практика. *Наука и туризм: стратегии взаимодействия*. 2018. № 8. С. 47–55.
    Donskova L. I. The research of social tourism by foreign authors: theory and practice. *Nauka i turizm: Strategii vzaimodeistviia,* 2018, (8): 47–55. (In Russ.)

19. Bahrmann M. *Die CHAID-Analyse als neue Methode der Marktsegmentierung im Tourismus Multivariate Zielgruppendifferenzierung am Beispiel Rheinland-Pfalz.* Vom Fachbereich VI. (Geographie/Geowissenschaften) der Universität Trier zur Verleihung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Trier, 2002, 272.
20. Кислова Ю., Казунина А. Методика оценки туристских потоков на территорию города Москвы. *Логистика*. 2016. № 12. С. 18–29.
Kislova Yu., Kazunina A. Methodology assessing the tourist flows to the territory of Moscow. *Logistics*, 2016, (12): 18–29. (In Russ.)
21. Аигина Е. В. Сверхтуризм и туризмофобия: новые явления или старые проблемы? *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2018. Т. 12. № 4. С. 41–55. https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404
Aigina E. V. Overtourism and tourismophobia: new phenomena or old problems? *Sovremennye problemy servisa i turizma,* 2018, (4): 41–55. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10404
22. Харламов С. В. Анализ пространственно-временных особенностей регионального туристского потока Алтайского края. *Ползуновский альманах.* 2011. № 3. С. 128–133.
Kharlamov S. V. Analysis of spatial and temporal features of the regional tourist flow in the Altai Territory. *Polzunovskii almanakh*, 2011, (3): 128–133. (In Russ.)
23. Салеева Т. В., Самойленко А. А. Совершенствование статистического учета в туризме как необходимое условие для объективного планирования социально-экономического развития региона (на примере Краснодарского края). *Курорты. Сервис. Туризм*. 2018. № 2. С. 30–36.
Saleeva T. V., Samoylenko A. A. Perfection of statistical accounting in tourism as a necessary condition for objective planning of social and economic development of the region (on the example of the Krasnodar Territory). *Kurorty. Servis. Turizm*, 2018, (2): 30–36. (In Russ.)
24. Котова А. С., Старкова Н. О. Особенности статистического учета в туризме. *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. 2016. № 32-2. С. 105–110.
Kotova A. S., Starkova N. O. Features of statistical accounting in tourism. *Prioritetnye nauchnye napravleniia: ot teorii k praktike,* 2016, (32-2): 105–110. (In Russ.)
25. Кочетыгова О. В. Методология статистической оценки численности туристов, не воспользовавшихся услугами коллективных средств размещения. *Саратовской области – 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста*: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 11 апреля 2016 г.) Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. Ч. 2. С. 95–97.
Kochetygova O. V. Methodology for statistical estimation of the number of tourists who did not use the services of collective accommodation facilities. *Saratov region – 80 years: history, development experience, growth prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 11 Apr 2016. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2016, pt. 2, 95–97. (In Russ.)
26. Кузенкова В. О. Алгоритм расчета въездного туристского потока в Смоленскую область. *Сервис в России и за рубежом.* 2012. № 8. С. 61–67.
Kuzenkova V. O. Algorithm for calculating the incoming tourist flow into Smolensk region. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2012, (8): 61–67. (In Russ.)
27. Грибков-Майский В. М. Статистика в туризме, или Как подсчитать турпоток? *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10. № 8. С. 168–170.
Gribkov-Mayskiy V. M. Tourism statistics or how to calculate the tourist flow? *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2016, 10(8): 168–170. (In Russ.)

оригинальная статья

Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса

Авдокушин Евгений Федорович
Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0001-5878-9639

Кузнецова Елена Геннадьевна
Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0003-2933-2300
elez.elena@gmail.com

Поступила 08.03.2022. Принята после рецензирования 22.04.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Модель шеринговой экономики получила широкое использование в функционировании современного бизнеса в различных отраслях. Повышенное внимание к этой модели со стороны теоретиков определяется тем, что они видят в ней элементы, способствующие трансформации капитализма как экономики, базирующейся на частной собственности и стимулирующей безудержное потребление. Внимание бизнеса эта модель привлекает тем, что ее использование способствует повышению эффективности предпринимательства, отвечает трендам на усиление социальной составляющей в бизнесе, повышение его экологичности, достижение целей устойчивого развития. Модель шеринга представляет собой достаточно сложную, комплексную структуру. В статье раскрывается использование понятия *шеринг* современными платформами организации бизнеса, структура шеринговой экономики, даются ее основные характеристики, особенности проявления, взаимодействие с рыночной экономикой. Шеринг охватывает нерыночные и рыночные модели организации и функционирования бизнеса, кооперационные, коллаборативные связи. В статье подчеркивается изначальная социальная сущность шеринга как экономики совместного потребления / использования, которая и привлекает большинство современных бизнесов и теоретиков социальной трансформации капитализма. Авторы показывают, что под вывеской шеринга часто скрываются псевдосоциальные, мимикрирующие под него модели с сугубо рыночными устремлениями и целями. Раскрывается взаимодействие шеринга с современными формами организаций бизнеса: цифровыми платформами и экосистемами, анализируется взаимосвязь и сопряжение шеринговых инструментов с концепцией ESG, циркуляционной, безотходной экономикой, ее экологичным, устойчивым развитием.

Ключевые слова: шеринг, экономика совместного потребления, экономика совместного использования, социальный рыночный шеринг, шеринговые платформы, экосистемы, бизнес-модель Uber, уберизация, циркуляционная, безотходная экономика, кооперативизм, партнерство, коллаборация, принципы ESG

Цитирование: Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Модель шеринга как определяющий фактор функционирования современного бизнеса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 201–211. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-201-211

Full article

Sharing Model as a Determinant Factor of Modern Business

Evgeny F. Avdokushin
Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0001-5878-9639

Elena G. Kuznetsova
Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0003-2933-2300
elez.elena@gmail.com

Received 8 Mar 2022. Accepted after peer review 22 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The model of the sharing economy has become popular in various industries. This model transforms capitalism into an economy based on private property and unlimited consumption. As a result, it improves the efficiency of entrepreneurship, strengthens the social component of business, increases environmental awareness, and achieves sustainable development goals. The sharing model is a rather complex structure. It covers non-market and market models of organization, as well as business, cooperative, and collaborative ties. The original social essence of sharing was in the economy of joint consumption and use; however, nowadays various pseudo-social models with purely market goals often mimic as sharing. The article reveals the concept of sharing as it is used by business organization platforms, as well as its structure, main characteristics, and interaction with the market economy, e.g., digital platforms and ecosystems, Uber business models, ESG principles, etc.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: sharing, economics of co-consumption, sharing economy, social market sharing, sharing platforms, ecosystems, Uber business model, uberization, circular, waste-free economy, cooperativism, partnership, collaboration, ESG principles

Citation: Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Sharing Model as a Determinant Factor of Modern Business. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 201–211. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-201-211

Введение

Цифровизация экономики в современных условиях способствовала появлению многих инноваций, связанных с функционированием и перестройкой инструментов, механизмов, моделей современного бизнеса. К числу таких инноваций можно отнести агрегацию предложений товаров и услуг, формирование и использование практически во всех сферах современной экономики платформенной организации бизнеса от маркетплейсов до экосистем. Цифровая платформа становится новой ступенькой в процессе: информатизация – информационализация – цифровизация – платформизация современной экономики [1, с. 85]. Платформенные экосистемы цифровой экономики представляют собой партнерства компаний, осуществляющих тесное взаимодействие принадлежащих им цифровых платформ, интегрируя различные системы, базы больших данных о потребителях и клиентах, деятельности организаций государственной власти. Среди заметных инноваций 2010-х гг. следует выделить модель экономики совместного потребления / использования (ЭСП / ЭСИ), которая получила существенную теоретическую разработку и практическое применение во многих странах. Разработчики модели часто трактуют ее как элемент формирующейся «новой» экономики [2]. При этом модель ЭСП многими теоретиками и практиками все больше отождествляется с шерингом. Различные бизнесы, стремясь выглядеть социальными, а не просто более эффективной рыночной конструкцией, провозглашают себя поборниками модели ЭСП, отождествляемой с шерингом. Между тем эти две модели, хотя и имеют некоторые внешние черты сходства, по сути являются совершенного различными.

Формальное сходство двух моделей состоит в провозглашении ими приверженности принципу социальности, в частности с концепцией ESG[1], достижения эффективности, оптимизации деятельности, устойчивости развития и т. п. организаций, использующих эту модель в своей деятельности. Однако на практике к шерингу под лозунгом ЭСП / ЭСИ часто относят сделки, являющиеся обычной бизнес-деятельностью с устоявшимися формами коллаборации, называя их экономикой совместного использования. Внешне эти сделки напоминают элементы ЭСП и ЭСИ, но по сути не имеют к ней отношения. К такого рода шерингу можно отнести большинство сделок в современной экономике, представляющей высокоспециализированную и кооперированную организацию производства и потребления. Камуфлируясь под модную модель ЭСП / ЭСИ, многие компании, находясь в рамках производственной кооперации друг с другом, стремятся показать себя креативными, инновационными, следующими самым современным трендам организации бизнеса, наращивая тем самым свой репутационный капитал. Однако за провозглашенными принципами стоят разные пути и механизмы их реализации, которые в результате оказываются противоположными или сходными только по форме, а не по содержанию.

В статье сделана попытка на основе использования общенаучных методов исследования – исторического, логического, сравнительного анализа – разграничить, классифицировать модели, которые разрабатываются и используются под общим определением шеринга и дать им соответствующую характеристику. Шеринговая модель в статье рассматривается не как самоцель, а как средство в достижении цели повышения эффективности всей экономики и ее устойчивого развития.

При этом важной задачей статьи (помимо классификации различных моделей шеринга – социальных, рыночных, смешанных, их характеристики и перспектив использования) является попытка разграничить, показать существенные различия между социальным шерингом, т. е. ЭСП / ЭСИ, и его рыночной интерпретацией, использующей его форму, но далекой от содержания. Анализируя феномен шеринга, необходимо выявить его основные параметры, не включая в его структуру мимикрирующие под него модели, иными словами, использовать ультимативное требование немодного в наше время классика – «прежде чем объединяться, надо решительно размежеваться».

Модель ЭСП / ЭСИ

Модель ЭСП / ЭСИ – это социально ориентированная модель, прежде всего сегмента C2C и C2B. Модель ЭСИ – это сегмент, как правило, B2B и B2C. Модель ЭСП, как отмечается в докладе Всемирного экономического форума 2013 г. (ВЭФ), соответствует при следующих условиях:

[1] ESG: Environmental – экологичность, снижение негативного влияния на окружающую среду, ответственное и эффективное расходование ресурсов; Social – права человека, животных, защита окружающей среды; Corporate Governance – права сотрудников, структура корпоративного управления, прозрачность, корпоративная социальная ответственность.

- актив является ликвидным, т. е. может легко делиться и / или распространяться;
- актив имеет высокий «холостой ход», т. е. низкую частоту использования;
- активы связаны с высоким процентным соотношением расходов на доход или ими дорого владеть сразу из-за потенциальной стоимости;
- ограничения сбережений и / или доходов (например, предметов роскоши);
- активы, которые быстро устаревают;
- активы, которые не имеют спроса или ограничения предложения, или чья ценность увеличивается из-за того, что они являются общими[2].

Таким образом, в ЭСП происходит своеобразная секъюритизация ряда маловостребованных активов, которые становятся общественно полезными. В результате повышается степень инклюзивного развития экономики. По определению Е. Ф. Авдокушина и Л. Г. Беловой, ЭСП – это модель инклюзивного развития современной экономики, вовлекающей в оборот многие невостребованные, «спящие» факторы производства и потребления [3].

Следует отметить, что критерии и сферы функционирования ЭСП в трактовке экспертов ВЭФ в основном сводятся к потребительской сфере. Однако эта модель не ограничивается рамками сферы потребления, а через систему обратных связей взаимодействует со сферой производства. Это модель ЭСП, которая является важной частью тандема или одной стороной медали модели ЭСП / ЭСИ. Если одна сторона этой «медали» – прежде всего отношения в сфере C2C и C2B, то другая – B2B и B2C, как правило.

Эти модели могут быть реализованы и часто применяются с использованием инструментов рынка. То есть модель «идеального» шеринга, в котором преобладает социальный характер, может носить в той или иной степени коммерческий мотив, который, однако, в ней не преобладает.

Как мы писали ранее, ЭСП – это в основном простая кооперация между физическими лицами по обмену, дарению, пользованию товарами и услугами. ЭСИ – это обмен продуктами, факторами производства, отходами от основной деятельности, услугами между юридическими лицами, вследствие чего, как правило, происходит отчуждение не собственности, а только результатов владения ею, и получение прибыли. Фактически это обычная товарная, возмездная сделка (рис. 1) [4, с. 8–9].

Как отмечается в исследовании Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), «одним из общемировых трендов развития экономики совместного потребления является переход модели шеринга в B2B-сегмент. Все больше компаний из самых разных отраслей (строительства, сельского хозяйства, энергетики, логистики, медицины) становятся пользователями шеринг-сервисов или создают свои собственные. Особое значение B2B-шеринг приобретает в цепях поставок. <…> В перспективе шеринг-модель может охватить все этапы цепи поставок от производства сырья до реализации готового продукта во многих отраслях»[3].

Социальная составляющая в этих моделях не только преобладает, но и является основным мотивом действия. Эти модели многие исследователи объединяют под общим названием *шеринговая экономика*. Можно назвать ее моделью социального шеринга, используя эту часто применяемую дефиницию. В основе ЭСП / ЭСИ лежит кооперация домашних хозяйств, мелких бизнес-структур, их взаимодействие с промышленным, торговым бизнесом (например, в использовании отходов производства в ресторанном бизнесе), участие в цепочках регенерации продуктов в рамках рециркуляционной экономики (экономики полного цикла, безотходной экономики). Любая экономика является циркуляционной: добыча ресурсов – их переработка – изготовление продукта – потребление – отходы. Рециркуляционная экономика требует на каждом этапе этого процесса инновационных подходов к максимально эффективному использованию первичных ресурсов, минимизации отходов при производстве и нанесению минимального ущерба окружающей среде, экономному потреблению и тем более использованию отходов как постоянно возобновляемого ресурса.

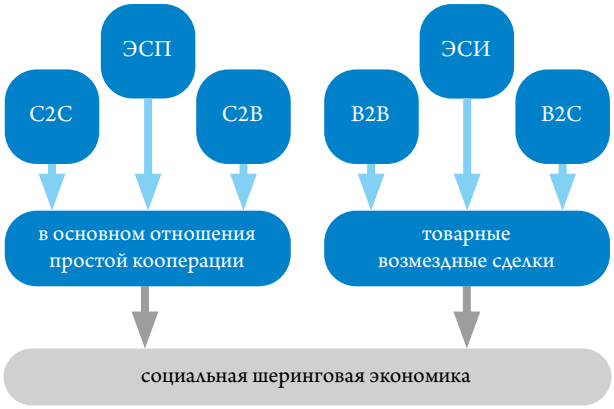

Рис. 1. Различия между экономикой совместного потребления (ЭСП) и экономикой совместного использования (ЭСИ)
Fig. 1. Differences between the sharing economy of consumption and the sharing economy of use

[2] Young Global Leaders. Circular Economy Innovation & New Business Models Dialogue. Young Global Leaders Sharing Economy Dialogue Position Paper 2013. World Economic Forum 2013. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_YGL_CircularEconomyInnovation_PositionPaper_2013.pdf (accessed 7 Mar 2022).

[3] Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность. Февраль 2021. С. 18. URL: https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

Модель рыночного шеринга

Наряду с моделью ЭСП / ЭСИ получила существенное развитие модель рыночного шеринга. Рыночный шеринг – инструмент использования простой кооперации участников процесса на основе арендных отношений; агрегация предложений товаров и услуг отдельных субъектов с их последующей доступной коммерциализацией на основе платформенных, алгоритмических решений; новая система «выжимания пота» с использованием ресурсов фриланса (разного рода уберы (Uber, Lyft), каршеринги и т. п.). Получение прибыли за счет концентрации имеющихся свободных, «спящих» факторов производства, услуг, личного имущества не только преобладает в этой модели, но и является ее основным мотивом и целью, хотя очень часто эта модель капитализма цифровых платформ, использования технологий больших данных (big data) камуфлируется под социальную, кооперативистскую модель, служащую интересам всего общества.

Модель Uber, как отмечают многие исследователи, дает ряд преимуществ в системе транспортного обслуживания населения (в скорости обслуживания, цене поездок). Однако эти плюсы достаются во многом за счет повышенной эксплуатации наемных (свободных) работников, которые не обладают многими правами, доступными наемным работникам, занятым в других сферах и отраслях экономики. Социальный шеринг, т. е. модель ЭСП / ЭСИ, не предполагает использование наемного труда, а тем более его эксплуатации. Эта модель имеет демократический, кооперативистский характер. Отношения частной собственности заменяются отношениями долевой, паевой собственности и ее совместного использования.

В модели Uber, представляющей сетевую организацию на основе цифровых технологий, которые многие исследователи отождествляют с шерингом, происходит агрегация собственников авто или его арендаторов. Сделки в модели Uber можно отнести к B2C, но с четкой целью сетевого агрегатора на получение прибыли без признаков благотворительности, присущей модели ЭСП / ЭСИ, даже учитывая сравнительно низкие цены на услуги по перевозке клиентов, хотя и достаточно часто со снижением качества услуги, нарушением правил дорожного движения и т. п. К основным проблемам, возникающим в процессе реализации модели Uber, как свидетельствует практика, можно отнести:

1. Достаточно тяжелые условия трудовой деятельности, в частности, несоблюдение режима труда и отдыха, сверхурочные работы, не всегда адекватная зарплата по результатам труда.

2. Трудовые отношения между сетевым агрегатором и работниками (свободными предпринимателями, партнерами) строятся без официального найма, водители не находятся в штате. С ними заключается агентский договор, и следовательно нет социальных льгот и трудовых гарантий.

3. Нет не только профсоюзной организации, но и коллективов, профессионального сообщества, где можно пообщаться. Наиболее активные работники Uber создают свои сетевые сообщества.

4. Водителей часто раздражает т. н. алгоритмический менеджмент, постоянное слежение за ними, нахождение под контролем алгоритмов без их ведома и согласия[4].

Один из конкурентов Uber, компания Lyft, стремится отойти от такой модели, заявляя, что она по сути не является транспортной компанией, а представляет сообщество людей, которые помогают друг другу добраться в какой-либо пункт назначения. Слоган Lyft представлен в духе ЭСП: *Твой друг с машиной*[5]. Однако, этот маркетинговый ход не может скрыть использование Uber-модели в этой компании.

Практически повсюду, где используется модель электронных платформ, они выступают не как работодатели, а как посредники (оттесняя более мелких посредников, монополизируя посредническую деятельность) и координаторы, которые сводят исполнителей и заказчиков через web-сайт либо бизнес и клиентов – с помощью геоинформационных сервисов. Часто платформы именуют себя информационными или рекламно-информационными сервисами, не вступающими с исполнителями в трудовые отношения и заключающие с ними договоры подряда. Таким образом происходит мимикрия под модель ЭСП с ее партнерской, товарищеской помощью, а не отношениями наемного труда. В результате нет трудовых отношений, а значит и трудовых гарантий, но при фактической частнособственнической эксплуатации наемного труда.

Рыночный шеринг развивается в русле потребительской модели общества посредством углубленного, инклюзивного потребления, включения широких слоев потребителей к тем или иным благам, услугам, которые ранее им были недоступны или малодоступны (например, транспортные услуги, аренда бизнес-офисов и т. п.). Рыночный шеринг работает на развитие современной модели потребительского общества, в то время как модель ЭСП / ЭСИ пытается реформировать эту модель, уйти от нее.

Шеринговые платформы и экосистемы

Бурное развитие в начале XXI в. платформенной организации экономики способствовало появлению ряда исследований проблемы формирования и развития разного рода бизнес-экосистем: от экосистем маркетплейсов (торговых, промышленных, финансовых и др.) до экосистем т. н. бигтехов [5].

[4] Мельманн М., Хенфридссон О. Почему сотрудникам так не нравится алгоритмический менеджмент. *Ведомости*. 19.10.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/10/19/814084-menedzhment (дата обращения: 07.03.2022).

[5] Подцероб М. Как конкурент Uber – компания Lyft воспользовалась уходом Трэвиса Каланика. *Ведомости*. 29.06.2017. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/29/700975-lyft-uhodom-kalanika (дата обращения: 07.03.2022).

Платформенная организация бизнеса в качестве элемента экосистемы присуща как некоммерческим шеринговым платформам (ЭСП / ЭСИ), так и их коммерческим платформам, как правило, далеким от идеалов ЭСП / ЭСИ. Используемая в современной бизнес-модели электронная платформа – это эффект масштаба агрегированных данных, классика любой торгово-промышленной системы. Крупное массовое производство, услуги позволяют использовать узкую специализацию и разделение труда, что повышает производительность всех применяемых ресурсов. Эффект масштаба достигается и за счет технологической специфики отдельных видов производства и услуг.

По мнению Л. К. Рейлье и Б. Рейлье [6], экосистемы на базе платформ – это предприятия, которые сочетают бизнес-модели с платформой. Такое сочетание имеет место в крупнейших мировых компаниях, таких как Apple, Google, Microsoft, Amazon, и является ключевым фактором успеха. После мирового финансового кризиса 2008 г. всего за 10 лет в десятку крупнейших компаний мира вошли 7 компаний, основанных на платформенной модели. Они подверглись серьезной реорганизации с целью включения платформенных бизнес-моделей. Например, экосистема Apple включает бизнес-модели: розничной торговли, торговых посредников, затраты – выпуск (межотраслевая модель) и платформенные модели. Последние растут более быстрыми темпами, чем другие составляющие экосистемы Apple [6].

Экономика шеринга изменяет показатели успешности бизнеса и традиционные бизнес-модели, не менявшиеся годами. Так, немецкий исследователь шеринга Х. Хейнрикс рассматривает совместное использование как модель экономики, которая открывает потенциально новый путь к устойчивому развитию и охране окружающей среды. Он утверждает, что процессы, характерные для сферы ЭСИ, могут как «встряхнуть», так и «укрепить обычный бизнес» путем постоянной реконфигурации разнородного спектра экономической деятельности [7]. ЭСП / ЭСИ порождает новую конкурентную среду, новые правила взаимодействия всех участников. Ряд зарубежных и российских авторов полагают, что ЭСП / ЭСИ постепенно становится новой бизнес-моделью развития территорий, которая развивается параллельно с закрепившимся трендом внедрения ИКТ в урбанизированной среде [8, с. 184]. Более того, уже можно говорить в недалеком будущем о «городах совместного потребления» (shareable city)[6].

Традиционным предприятиям, как считают западные исследователи, необходимо сосредоточиться на пяти элементах, чтобы воспользоваться преимуществами моделей экономики совместного использования: непрерывное обучение, адаптируемость и гибкость, цифровизация, потребительский опыт, инновации [9, p. 161].

Современные организации должны иметь возможность использовать различные бизнес-модели в соответствии с требованиями рынка. Гибкость также учитывает эластичность организационных структур. Цифровая составляющая все больше присутствует во всех процессах организации: создание, предоставление и получение ценности. Цифровизация должна в конечном итоге предлагать персонализированное предложение, формировать личный потребительский опыт. Организациям необходимо найти решения, позволяющие переосмыслить потребление определенных продуктов или услуг. Инновации могут означать как новые продукты и услуги, так и реконфигурацию бизнес-моделей для расширения клиентской базы в наиболее выгодных условиях. Инновации бизнес-моделей должны идти в ногу с адаптацией к новым тенденциям, чтобы можно было создавать и предоставлять ценность с использованием новых технологий. Традиционные предприятия приспосабливаются к этой тенденции [9, p. 161].

Элементы шеринговой экономики начали внедряться в различные бизнес-модели в разных отраслях. Ярким примером является автомобильная промышленность, которая признала экономику совместного использования как фактор развития бизнеса и использовала модель там, где ее можно было применить. Сегодня многие производители автомобилей управляют собственными каршеринговыми операциями, а другие сделали стратегические инвестиции в новых участников: Avis в Zipcar, BMW в JustPark, сотрудничество BMW с Sixt DriveNow, запускающее сервис каршеринга в нескольких странах, служба DriveNow от BMW (предоставление автомобиля в качестве услуги аренды, а не передачи собственности), Daimler-Benz, разрабатывающий Car2Go. Эти компании рассматривают своих клиентов не как потребителей, а как партнеров. Корпорация General Motors инвестировала 3 млн долл. в сервис компании RelayRides (служба аренды автомобилей для частных лиц) в надежде, что человек, взявший автомобиль шевроле в аренду, полюбит эту марку и купит ее. Более того, чтобы стимулировать спрос, предусмотрен зачет стоимости аренды в плате за новый автомобиль.

Следует отметить, что компании явно лукавят, представляя потребителей как партнеров. Использование этого отождествления допускаемо как маркетинговый ход, который, в частности, использовался основателем финансовой пирамиды Мавроди в своей рекламной компании (Леня Голубков – как партнер МММ). Называть партнерами лиц, осуществляющих временный доступ к тем или иным активам и услугам, это все равно, что считать уборщицу крупного банка партнером президента этого банка. В таких компаниях, как Uber, Lyft, Airbnb и т. п., это партнерство, при котором старший партнер

[6] Young Global Leaders. Circular Economy Innovation & New Business Models Dialogue…

не имеет практически никаких обязательств перед младшим партнером. Здесь допускается смешение категорий экономики совместного использования и экономики доступа (access economy), которые внешне похожи, но по сути существенно различаются.

Экономика совместного использования (потребительский сегмент) – это совместное сотрудничество, включающее систему взаимных связей, которые позволяют ее субъектам участвовать в тех или иных сделках посредством совместного использования товаров и услуг или использования доступа к активам. Например, использование жилого помещения, находящегося в совместном владении на определенный срок. Следует выделить промышленный сегмент ЭСИ, когда происходит кооперационное взаимодействие по обмену продуктами, например отходами производства для включения их в оборот регенерации. Здесь ЭСИ вступает в сферу интересов и функционирования рециркуляционной экономики, о которой упоминалось выше.

Экономика доступа – это обмен товарами и услугами, осуществляемыми на основе доступа, а не владения: спорадическая аренда вещей, средств производства, а не предложение их на время (бизнес-модель Uber, Lyft, Zipcar и т. п.).

Следует констатировать, что изменение бизнес-моделей предприятий в результате внедрения элементов экономики шеринга, экономики доступа и выборочное использование элементов ЭСП и ЭСИ в «производственной, сбытовой и других сферах управления предприятием позволяет повысить конкурентоспособность промышленных предприятий в современных условиях рыночной экономики» [10, с. 241–242]. Шеринговая экономика усиливает конкуренцию на традиционных рынках и демократизирует доступ к услугам и продуктам. Успех инициатив демонстрирует жизнеспособность ее бизнес-моделей [11; 12].

Платформенный подход как определяющий тренд в организации и функционировании современного бизнеса не оставил в стороне и разработки в области исследования модели ЭСП / ЭСИ как специфической бизнес-экосистемы. Так, автор статьи «Коллаборативная экономика: причина номер 8, по которой экосистемы – это будущее» Дэвид Киш считает, что экосистемы, представляющие собой самоорганизующиеся целевые сети, будут формироваться на основе потребностей потребителей в различных отраслях. Поэтому понимание экосистемы имеет решающее значение как для бизнес-стратегов, так и для предпринимателей и частных лиц. Экосистемы – конечная цель разрушительных сценариев и будущее бизнеса[7].

В публикации Deloitte 2015 г.[8] об изменяющемся характере экосистем современного бизнеса дается градация трех типов платформ, используемых в ЭСП:

1) платформы агрегирования (Aggregation Platforms), которые облегчают трансакции, подключают пользователей к ресурсам, как правило, работают по модели «ступица и луч» (Hub and Spoke);
2) социальные платформы (Social Platforms), которые способствуют социальному взаимодействию, связывают людей с сообществами, способствуют развитию ячеистых сетей взаимоотношений;
3) мобилизационные платформы (Mobilization Platforms), которые способствуют мобилизации, побуждают людей к совместным действиям, стремятся к установлению долгосрочных отношений для достижения общих целей совместного использования.

Развитие экосистем шеринговой экономики в трактовке ее западных исследователей предстает как динамический процесс, меняющий саму экономику шеринга и ее экосистему вследствие изменения конъюнктуры рынка, предпочтений клиента и потребителя. По мнению Джеффри Хойло, автора статьи «Будущее промышленных экосистем: построенные на платформе и совместной экономике», в основе отраслевых экосистем лежат платформа и ЭСИ. Отраслевые экосистемы – это динамичные образования, которые могут меняться в зависимости от потребностей клиентов и рынка, масштабироваться для удовлетворения объемов и спроса и развиваться, чтобы быть устойчивыми, инновационными и открытыми перед лицом сбоев, конкуренции и изменений[9].

Каждый из элементов будущего отраслевых экосистем на рис. 2[10] дополняет и усиливает другой, создавая мультипликативный эффект платформы, который приводит к улучшению инноваций, интеллектуальности, клиентскому опыту и доверию. Характерно, что в упомянутой статье Дж. Хойло и во многих зарубежных исследованиях подход к шерингу (ЭСП / ЭСИ) трактуется как сугубо рыночный подход, как разновидность бизнес-модели с элементами ЭСП, такими как коллаборативность, простая кооперация, сетевой характер с упором на ее бизнес-эффективность, при фактическом игнорировании социального характера, который изначально закладывался в ее понимание и использование [3].

[7] Kish D. The Collaborative economy: no 8 reason ecosystems are the future. 1 Jun 2015. URL: https://www.thenextevolution.com/2015/06/01/the-collaborative-economy-no-8-reason-ecosystems-are-the-future/ (accessed 7 Mar 2022).

[8] Hagel J. The power of platforms. 16 Apr 2015. URL: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/business-trends/2015/platform-strategy-new-level-business-trends.html (accessed 7 Mar 2022).

[9] Hojlo J. The future of industry ecosystems: built on the platform and sharing economy. 23 Sep 2020. URL: https://blogs.idc.com/2020/09/23/the-future-of-industry-ecosystems-built-on-the-platform-and-sharing-economy/ (accessed 7 Mar 2022).

[10] Ibid.

Рис. 2. Мультипликационный подход к экосистеме ЭСИ
Fig. 2. A multiplier approach to the sharing economy ecosystem

В качестве примеров шеринговой экономики, в основном как экономики совместного использования, коллаборативной экономики, приводятся компании Amazon, Facebook, Google и др. Эти компании действительно представляют собой экосистемы, выросшие на базе якорной платформы и интегрировавшие ряд других платформ, создав соответствующую инфраструктуру с высокой степенью сотрудничества. Однако относить эти компании к модели экономики совместного использования – большая натяжка. В данном случае имеет место вертикальная коллаборация, кооперация компаний с коллективно возникшими устремлениями, далекими от идеалов шеринга как экономики совместного потребления / использования. Компании типа Amazon, Google и т. п. – это компании эпохи платформенного цифрового капитализма, использующие сетевой эффект, цифровые технологии, склонные к монополии не меньше, чем традиционные корпорации эпохи развитого капитализма. Их глубокое проникновение в современную социальную жизнь не дает существенных оснований относить их к компаниям социальной шеринговой экономики. Они формируют новое качество рынка, когда не производитель приспосабливается к спросу, а потребитель. Последний посредством алгоритмических технологий, деятельности маркетологов и пиарщиков фактически хочет то, что навязывает ему производитель, диктующий ему модели поведения, потребления и жизни в целом.

Рыночный шеринг, базирующийся на платформенных решениях обмена и потребления приводит не к большей свободе потребления в разумных объемах, а к его монополизации в руках агрегаторов и тотальному контролю. Агрегаторы, оптимизирующие процесс потребления, включая в него ряд ранее не используемых факторов, сам процесс потребления превращают в товар, управляя и всемерно коммерциализируя его. Фактически модель рыночного шеринга прямо противоречит принципам, идеологии ЭСП, в частности, представленной в работах Р. Ботсман [13], направленных против консъюмеристских основ современного общества развитых стран или стремящихся их сформировать.

Рассматривая шеринговую экономику как экосистему, зарубежные исследователи переносят общие принципы формирования экосистем на шеринговую экосистему, не уделяя особого внимания его определяющей составляющей – социальному характеру, на котором и формируется вся экономика шеринга. Как отмечает Е. Н. Лымарь, в настоящее время «происходит смена ценностей в обществе – переход от бренд-зависимости к экономии в поиске материальной выгоды. Значимыми становятся такие понятия, как экология, доверие, общение. Экономика совместного потребления дает возможность общения, основанного на доверии, а также на экономии ресурсов и, как следствие, поддержания экологического баланса» [14, с. 69].

Экономика шеринга – ЭСП / ЭСИ – в условиях развития цифровой трансформации современного общества объективно подвержена появлению в ее структурах в той или иной степени развитых платформенных организаций, становящихся основой их формирующихся экосистем. Однако вряд ли все сегменты ЭСП / ЭСИ могут трансформироваться в экосистемы. В сегменте ЭСП, например, ее одноранговые модели вряд ли способны к созданию подобных образований. Лишь более сложные системы ЭСП могут в отдельных случаях претендовать в основном на создание протоэкосистем. Другое дело – сегмент шеринга – ЭСИ, здесь создание экосистем представляется магистральным путем организации и развития этой модели, достаточно сложной и многоликой. Здесь понятно внимание западных исследователей к созданию и использованию экосистем в этой сфере. Однако не следует смешивать элементы простой или сложной кооперации, коллаборации, свойственные большинству бизнес-процессов, с шерингом и, выдавать модели коммерческих платформ т. н. экономики доступа (типа Uber, Airbnb, Facebook, Сбер и т. п.) за экосистемы шеринга.

Шеринг и рециркуляционная экономика

То, что выдается за шеринг (ЭСИ) многими западными исследователями в большей степени относится к модели рециркуляционной (циркулярной, циркуляционной, замкнутого цикла и т. п.) экономики, где ЭСП / ЭСИ предстает как ее составная часть, но не определяет цифровую экосистему как шеринговую (рис. 3).

Шеринг, как отмечалось выше, включает модель ЭСП / ЭСИ как рециркуляционную безотходную экономику, т. е. экономику замкнутого цикла. Если ЭСП – это экономика, в основном нацеленная на оптимизацию потребления

Рис. 3. Модель циркулярной экономики [15, с. 15]
Fig. 3. Circular economy model [15, p. 15]

ее отдельных элементов в сфере потребления, сродни потребительской кооперации с ярко выраженным социальным характером, то ЭСИ – это сфера шерингового производства, оптимизации хозяйственной системы в целом, где основной характеристикой является коллаборация, кооперация в области вторичного использования, переработки тех или иных материальных, невозобновляемых ресурсов. Обе модели имеют свой позитивный социальный заряд. Но ЭСП действует в большей степени на микроуровне, а ЭСИ – на макроуровне, т. е. как экономика эффективного использования материальных ресурсов, развития возобновляемых и невозобновляемых ресурсов, индустриальной экологии. Модель ЭСИ в значительной степени опирается на механизмы действия рециркуляционной, безотходной экономики и приобретает самостоятельное значение в рамках развития коллаборативных, кооперационных отношений.

Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «циркулярная экономика представляет собой совокупность бизнес-моделей, замыкающих, замедляющих и сужающих продуктовые и материальные потоки для сокращения конечного объема потребления исчерпаемых ресурсов. К таким бизнес-моделям относятся замыкание поставок, восстановление ресурсов, продление срока жизни продукции, совместное пользование и продуктово-сервисные модели» [16, с. 117].

Исследователи из Сингапура Адриан Куах и Пэнджи Ван [17] выделяют 4 подхода ряда западных авторов при рассмотрении рециркуляционной экономики:

1) совместное использование или совместное потребление, при котором сообщество координирует приобретение и распределение ресурса за плату или другую компенсацию [18];
2) переработка, при которой использованные материалы обрабатываются, чтобы сделать их пригодными для повторного использования [19];
3) восстановление, при котором восстанавливаются изношенные, поврежденные или вышедшие из эксплуатации изделия [20];
4) расширение срока службы продукта, при котором продукты в конечном итоге рассчитаны на более длительный срок службы [21].

Циркулярная экономика является частью политики ЕС по реализации повестки дня в области ресурсоэффективности, установленной в рамках стратегии «Европа-2020» для интеллектуального, устойчивого и инклюзивного роста[11]. И модель шеринга – это модель инклюзивного развития современной экономики, вовлекающей в оборот многие невостребованные "спящие" факторы производства и потребления [3].

В рециркуляционной экономике минимизации потребления первичного сырья и объема перерабатываемых ресурсов и неизбежных отходов, отправляемых на уничтожение (захоронение), встает вопрос: а каким образом достигается эта минимизация, как наиболее эффективно использовать эти ресурсы? И здесь использование принципов модели шеринга можно рассматривать как один из инструментов по достижению искомого результата. При этом важным инструментом использования шеринга (ЭСП / ЭСИ) является превращение потребителя в пользователя товара, возвращаемого после периода его использования производителю, который, в свою очередь, на его основе либо создает другой продукт с использованием старых, но сохраняющих потребительскую стоимость элементов, блоков, конструкций и т. п., либо его утилизирует. Этот процесс предполагает трансформацию потребителя в пользователя, ответственного за экологию, окружающую среду, нацеленного на дружественное, бережливое отношение к невозобновляемым ресурсам. И в этом смысле использование модели шеринга (ЭСП / ЭСИ) должно быть важным фактором на пути достижения генеральной цели – устойчивому развитию экономики и общества.

Заключение

Экономика шеринга достаточно сложная, нелинейная структура, требующая мультипликационного подхода к ее исследованию. С одной стороны, она представляет ряд традиционных социально-экономических отношений, дополненных цифровыми технологиями. А с другой – имеет инновационный характер, воздействующий на всю

[11] Take Action for the Sustainable Development Goals. *Sustainable Development Goals*. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/ (accessed 7 Mar 2022).

современную экономику в области повышения ее социальности, эффективности, экологичности. В основе инструментария шеринга, его сущности, в какой бы сфере он не использовался, лежит социальная составляющая, либо декларируемая, либо реальная. В частности, концепция ESG и ее внедряемые принципы в деятельность современного бизнеса достаточно органично вписываются, сопрягаются с моделью социального шеринга.

Модель шеринга – это та часть цифровой экономики, которую можно рассматривать как модель *традиционные отрасли плюс Интернет*, т. е. цифровизацию традиционной сферы, в частности сферы услуг. Цифровизация способствует формированию нового взгляда на сферу услуг, ее субъекты и механизмы. ИКТ способствуют новому обобществлению труда, капитала, информации, технологий и в целом производства. Определенную роль в этом процессе играет и ЭСП, которая может рассматриваться как форма распределенной экономики – открытой, децентрализованной, сетевой. ЭСП соответствует объективному процессу движения от вертикальных структур, скрепляемых традиционными связями частной собственности с ее институтами, к горизонтальным, основанным на добровольном, осознанном консенсусе участников этих отношений.

Трактовка ЭСП как новой экономической модели становится плодотворной только при условии понимания ее сущности как симбиоза с ЭСИ в ее производственном контексте. Шеринг-экономика – это ЭСП как экономика не только различных потребительских сервисов, но и производства на основе этой модели: потреблять не только то, что уже произведено или производится здесь и сейчас, но и вновь произведенные материальные продукты как результат регенерационного производства. Только в сочетании ЭСП и ЭСИ шеринг, основанный только на обмене, потреблении, в перспективе так и останется зоной «культуры бедности» или сферой деятельности нижней части среднего класса, домохозяйств со сравнительно скромным достатком, пожилых людей, матерей-одиночек.

Платформенная организация современного бизнеса, ее трансформация в экосистемы также использует инструменты и идеалы социального шеринга, встраивая их как связующее звено в организацию партнерских отношений в рамках экосистем. Однако социальный шеринг (ЭСП / ЭСИ) в этих моделях, как правило, коммерциализируется, фактически вступает в подчинение сугубо рыночной организации производства и потребления, выступает как инструмент камуфлирования имманентно присущих рынку традиционных принципов и целей. Платформенные решения развития сферы услуг типа Uber, Lyft, Airbnb и т. п., которые выдаются многими исследователями их деятельности за образцы шеринговой модели, в своей основе являются его антиподом, лжешерингом, его симулякром. Шеринг в версии Uber и весь процесс т. н. уберизации – это эффективный хайп суррогата ЭСП.

Процесс «уберизации» – это одна из ловушек цифровизации, когда прогрессивные технологии ИКТ используются для сохранения в модифицированных формах инклюзивной эксплуатации ресурсов (от материальных до человеческих), поощрения массового потребления, роста консъюмеризма. В нем отсутствует социальная ответственность, наблюдается стремление к монополии (под видом отхода от монополии посредников к монополии платформ), поощряется несправедливая конкуренция, уход от налогов.

В целом модель шеринга можно рассматривать как новую, современную модель кооперативизма в условиях цифровизирующейся экономики. Социальная модель шеринга (ЭСП / ЭСИ) существует на периферии современной экономики, не занимая в ней существенного места, но оказывая заметного влияния на ее дизайн. В то же время социальная основа шеринга приспосабливается к цифровым реалиям рыночной экономики, ассимилируется ею, трансформируя ее, но не изменяя ее глубинной сущности.

Переход к новой экономической модели не прост и вряд ли сможет реализоваться в ближайшее время. Процесс перехода представляет выбор между материальным и потребительским эгоизмом и социально-экономической моделью экономики с нацеленностью на рациональное производство и потребление. Реализация этой дихотомии в пользу второй составляющей уже началась в рамках процессов ESG, активизации процессов регенерации, «зеленого перехода» и других процессов. Для ускорения приближения к новой модели развития необходима популяризация ее успешных образцов, их внедрение и массовое распространение.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ф. Авдокушин (70 %) раскрыл использование понятия *шеринг* современными платформами организации бизнеса, структуру шеринговой экономики, разработал ее основные характеристики, особенности проявления, взаимодействие с рыночной экономикой, проанализировал взаимосвязь и сопряжение шеринговых инструментов с концепцией ESG, циркуляционной, безотходной экономикой, ее экологичным, устойчивым развитием. Е. Г. Кузнецова (30 %) раскрыла взаимодействие шеринга с современными формами организаций бизнеса: цифровыми платформами и экосистемами.
Contribution: E. F. Avdokushin (70%) studied the concept of sharing in the narrative of business organization platforms and described the structure of the sharing economy, its main characteristics, and interaction with

the market economy, as well as analyzed its relationships with the idea of Environmental, Social, and Corporate Governance. E. G. Kuznetsova (30%) revealed the interaction of sharing with such modern forms of business organizations as digital platforms and ecosystems.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00180 «а» «Теоретические и методологические основы экономики совместного потребления и возможности ее реализации в РФ».

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of research project No. 20-010-00180 "a" "Theoretical and methodological foundations of the sharing economy and the possibility of its implementation in the Russian Federation".

Литература / References

1. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экосистемы шеринговой экономики. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2021. № 4. С. 83–100. https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-4-83-100
   Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Ecosystems of the sharing economy. *RSUH/RGGU Bulletin "Economics. Management. Law" Series*, 2021, (4): 83–100. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-4-83-100
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 285 с.
   Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2018, 285. (In Russ.)
3. Авдокушин Е. Ф., Белова Л. Г. Экономика совместного потребления – формирующийся сегмент новой экономики. Часть первая. *Вопросы новой экономики*. 2018. № 2. С. 4–14.
   Avdokushin E. F., Belova L. G. The economy of joint consumption as the emerging segment of new economy. Part one. *Voprosy novoi ekonomiki*, 2018, (2) (46): 4–14. (In Russ.)
4. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития. *Экономический журнал*. 2019. № 2. С. 6–19. https://doi.org/10.24411/2072-8220-2019-00010
   Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Economics of joint consumption: essence and some development trends. *Ekonomichesky Jhurnal*, 2019, (2): 6–19. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2072-8220-2019-00010
5. Авдокушин Е. Ф. Формирование и развитие цифровых экосистем. *Вопросы новой экономики*. 2021. № 4. С. 4–12. https://doi.org/10.52170/1994-0556_2021_60_4
   Avdokushin E. F. Formation and development of digital ecosystems. *Voprosy novoi ekonomiki*, 2021, (4): 4–12. (In Russ.) https://doi.org/10.52170/1994-0556_2021_60_4
6. Reillier L. C., Reillier B. *Platform Strategy: how to unlock the power of communities and networks to grow your business.* Routledge, 2017, 240.
7. Heinrichs H. Sharing economy: A potential new pathway to sustainability. *GAIA*, 2013, 22(4): 228–231. https://doi.org/10.14512/gaia.22.4.5
8. Юрасов Р. А. «Умная экономика» и «экономика совместного потребления» – феномены современного регионального развития. *Проблемы и перспективы экономического развития регионов*: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Грозный, 27 апреля 2017 г.) Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2017. С. 182–185.
   Yurasov R. A. Smart and sharing economy as a phenomenon of the new regional development. *Problems and prospects of economic development of regions:* All-Russian Sci.-Prac. Conf., Grozny, 27 Apr 2017. Grozny: Kadyrov CHSU, 2017, 182–185. (In Russ.)
9. Barbu C. M., Bratu R. S., Sirbu E. M. Business models of the sharing economy. *Review of International Comparative Management*, 2018, 19(2): 154–166. https://doi.org/10.24818/RMCI.2018.2.154
10. Гостилович А. О., Иванов К. А. Повышение конкурентоспособности промышленных предприятий и экономика совместного потребления. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2019. Т. 9. № 3. С. 236–243.
    Gostilovich A. O., Ivanov K. A. Improving the competitiveness of industrial enterprises and the sharing economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2019, 9(3): 236–243. (In Russ.)
11. Martin C. J. The sharing economy: A pathway to sustainability or a nightmarish form of neoliberal capitalism? *Ecological Economics,* 2016, 121: 149–159. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.11.027
12. Schor J. Debating the sharing economy. Great Transition Initiative. *Toward a Transformative Vision and Praxis*. Oct 2014. URL: https://greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy (accessed 7 Mar 2022).
13. Botsman R. Sharing's not just for start-ups. *Harvard Business Review*, 2014, 92(9): 23–25.
14. Лымарь Е. Н. Экономика совместного потребления в современной России. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 12. С. 67–72. https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11207
    Lymar E. N. Economics of joint consumption in modern Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, (12): 67–72. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11207

15. Рязанова О. Е., Золотарева В. П. Циркулярная экономика. М.: Кнорус, 2021. 118 с.
Riazanova O. E., Zolotareva V. P. *Circular economy*. Moscow: Knorus, 2021, 118. (In Russ.)
16. Кудрявцева О. В., Митенкова Е. Н., Солодова М. А. Циркулярная экономика как инструмент устойчивого развития России. *Экономическое возрождение России.* 2019. № 3. С. 115–126.
Kudryavtseva O. V., Mitenkova E. N., Solodova M. A. Circular economy: prospects for sustainable development in Russia. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2019, (3): 115–126. (In Russ.)
17. Kuah A. T., Wang P. Circular economy and consumer acceptance: An exploratory study in East and Southeast Asia. *Journal of Cleaner Production*, 2020, 247. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119097
18. Belk R. You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online. *Journal of Business Research*, 67(8): 1595–1600. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.10.001
19. Hamzaoui-Essoussi L., Linton J. D. Offering branded remanufactured/recycled products: at what price? *Journal of Remanufacturing*, 2014, 4(1). https://doi.org/10.1186/s13243-014-0009-9
20. Hazen B. T., Mollenkopf D. A., Wang Y. Remanufacturing for the circular economy: An examination of consumer switching behavior. *Business Strategy and the Environment*, 26(4): 451–464. https://doi.org/10.1002/bse.1929
21. Tse T., Esposito M., Soufani K. Why the circular economy matters. *European Business Review,* 2015, 11: 59–63.

оригинальная статья

Управление деловым партнерством субъектов хозяйствования: системный и процессный подходы

Гришко Наталья Викторовна
Луганский государственный университет имени Владимира Даля, ЛНР, Луганск
https://orcid.org/0000-0001-8540-0908

Степанова Юлия Леонидовна
Луганский государственный университет имени Владимира Даля, ЛНР, Луганск
https://orcid.org/0000-0003-4682-1413
batcukova@mail.ru

Поступила 20.04.2022. Принята после рецензирования 13.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Статья посвящена вопросам использования системного и процессного подходов к управлению деловым партнерством субъектов хозяйствования. Цель – разработка теоретических и методологических положений по управлению деловым партнерством субъектов хозяйствования с позиций системного и процессного подходов. Для достижения поставленной цели в статье исследована категория *деловое партнерство* как система и процесс. Представлена характеристика делового партнерства субъекта хозяйствования как системы. Исследовано место подсистемы управления деловым партнерством в системе управления субъектом хозяйствования. Предложена система управления деловым партнерством субъекта хозяйствования. Приведена характеристика делового партнерства как процесса. Описана структура процесса *деловое партнерство.* Разработан алгоритм ведения процесса делового партнерства и алгоритм стратегического управления портфелем деловых партнеров субъекта хозяйствования. При проведении данного исследования использовались общенаучные методы: сбор, обобщение и систематизация информации, сравнительный метод, методы анализа и синтеза, системный и процессный методологические подходы. Ценность данного исследования состоит в рассмотрении различных методологических подходов к управлению деловым партнерством; разработанных рекомендациях по применению системного и процессного подходов к управлению деловым партнерством субъектов хозяйствования.
Ключевые слова: система, системный подход, процесс, процессный подход, система управления, субъект хозяйствования

Цитирование: Гришко Н. В., Степанова Ю. Л. Управление деловым партнерством субъектов хозяйствования: системный и процессный подходы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 212–224. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-212-224

full article

Business Partnership Management of Business Entities: Systemic and Process Approaches

Natalya V. Grishko
Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk People's Republic, Lugansk
https://orcid.org/0000-0001-8540-0908

Julia L. Stepanova
Lugansk Vladimir Dahl State University, Lugansk People's Republic, Lugansk
https://orcid.org/0000-0003-4682-1413
batcukova@mail.ru

Received 20 Apr 2022. Accepted after peer review 13 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The article features systemic and process approaches to business partnership. The authors explored the category of business partnership as a process and as a system, as well as the place of business partnership management in this system and the peculiarities of this process. They developed a new system for business partnership management and two algorithms, i.e., for the business partnership process and for its strategic management. The study involved standard methods of analysis. The recommendations can be used in managing business partnerships of business entities.
Keywords: system, system approach, process, process approach, management system, business entity

Citation: Grishko N. V., Stepanova J. L. Business Partnership Management of Business Entities: Systemic and Process Approaches. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 212–224. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-212-224

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

В условиях цифровизации отношения между субъектами хозяйствования все больше принимают форму виртуальных контрактных взаимодействий между поставщиками, покупателями, специалистами и обществом. Это приводит к повышению значимости деловых контактов субъекта хозяйствования. Решающую роль в эффективности и результативности бизнеса начинают играть не наличие собственных активов и производственных мощностей, а наличие налаженной, действующей и хорошо организованной сети деловых партнеров субъекта хозяйствования. До масштабного внедрения цифровых технологий в основном только крупные предприятия могли позволить себе международное сотрудничество. В эру цифровых технологий налаживание сети деловых контактов значительно упростилось, что дает дополнительные возможности для развития бизнеса. В связи с этим появилась потребность в разработке теоретических и методологических основ, а также практических рекомендаций по управлению деловым партнерством субъектов хозяйствования. Для управления деловым партнерством прежде всего необходимо определиться с подходом к пониманию самой категории *деловое партнерство*, т. к. от этого зависит выбор методов управления. Деловое партнерство необходимо изучить с позиций различных подходов, что дает возможность увидеть особенности, скрытые в его внутренней структуре и незаметные при однобоком рассмотрении.

Цель – разработка теоретических и методологических положений по управлению деловым партнерством субъектов хозяйствования с позиций системного и процессного подходов.

Вопросы делового партнерства субъектов хозяйствования исследовали отечественные и зарубежные ученые-экономисты. Т. С. Вавакина и В. П. Позняков [1] рассматривали деловое партнерство как одну из форм деловой активности предпринимателей. Н. С. Струк понимал деловое партнерство как взаимосвязанную сеть деловых контрактов, изучал возможности учета совместной деятельности деловых партнеров без создания юридического лица [2]. Е. Д. Щетинина [3; 4] и Ю. Ю. Гостяева [4] исследовали специфику принятия управленческих решений в деловом партнерстве. Р. Теннисон [5], D. Rathi et al. [6] работали над практическими аспектами построения эффективного партнерского взаимодействия. Н. С. Иващенко показал методы оценки уровня партнерских отношений [7]. Различные аспекты применения системного подхода к управлению освещаются в работах [8–13]. Сущность и экономическое содержание процессного подхода в управлении раскрывают Г. В. Агафонова [14], О. Е. Кропотина [15], М. В. Дорошенко и И. А. Кудряшова [16]. Центром подготовки руководителей и команд цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС опубликованы результаты исследования на тему «Бережливое управление в госсекторе. Как наладить процессы», в котором акцентирована целесообразность процессного подхода к управлению различными сферами деятельности субъектов хозяйствования [17]. Особенности применения процессного подхода при управлении взаимоотношениями с деловыми партнерами затрагиваются К. В. Смирновой и М. В. Кузнецовой [18]. И. В. Попов и др. [19] отмечают силу влияния цифровых технологий на бизнес-процессы предприятия, в том числе и на процесс делового партнерства.

Исследования категории *деловое партнерство*, подходов к управлению деловым партнерством, методов оценки эффективности делового партнерства вызывают интерес ученых-экономистов, т. к. успешное управление деловым партнерством обеспечивает дополнительные выгоды на долгосрочной основе и успешное развитие субъектов хозяйствования.

Методы и материалы

Материалом послужили результаты исследований зарубежных и отечественных ученых, бизнес-обзоры. Использовались общенаучные методы: сбор, обобщение и систематизация информации, сравнительный метод, методы анализа и синтеза. Основное внимание при проведении исследования управления деловым партнерством субъектов хозяйствования уделено системному и процессному методологическим подходам. Применение указанных методов и подходов позволило авторам предложить рекомендации по построению системы управления деловым партнерством субъекта хозяйствования для обеспечения его развития в долгосрочной перспективе, разработать алгоритмы управления процессом делового партнерства субъекта хозяйствования и алгоритм процесса управления портфелем деловых партнеров субъекта хозяйствования.

Теоретические и методологические положения по управлению деловым партнерством

Для разработки теоретических и методологических положений по управлению деловым партнерством с позиций различных подходов в первую очередь необходимо определиться с трактовкой понятия *деловое партнерство* в современной экономике (табл. 1).

Анализируя подходы ученых к категории *деловое партнерство*, можно выделить две точки зрения:

1. Деловое партнерство с позиции конкретного субъекта хозяйствования: деловые партнеры субъекта хозяйствования между собой могут не взаимодействовать, главную управляющую функцию берет на себя субъект хозяйствования, чья сеть (система, процесс) делового партнерства рассматривается (рис. 1а).

2. Деловое партнерство как взаимодействие равноправных, независимых деловых партнеров, которые ведут партнерские отношения для достижения общих, выгодных для всех целей (профессиональное развитие, создание более конкурентоспособной продукции, обеспечение

Табл. 1. Взгляды ученых-экономистов на категорию *деловое партнерство*
Tab. 1. Various definitions of business partnership

Автор(ы)	Определение
Теннисон Р. [5]	Рассматривает партнерство представителей трех секторов: государственного, коммерческого и некоммерческого. В основе партнерского подхода лежит убеждение в том, что только благодаря содержательному и широко распространенному межсекторному взаимодействию инициативы по обеспечению устойчивого развития могут носить инновационный и последовательный характер, позволяющий решать чрезвычайно сложные задачи общественного развития.
Вавакина Т. С., Позняков В. П. [1]	Деловое партнерство определяют как форму деловой активности, направленную на продуктивное взаимодействие с другими субъектами в процессе реализации деловых интересов участников в рамках их совместной экономической деятельности.
Акулов В. Б., Рудаков М. Н. [20]	Предприятия в современных условиях превращаются в виртуальные системы сетей, в сумму контрактов между поставщиками, специалистами, потребителями и обществом в целом. Организации становятся более «невидимыми» и «неуловимыми», когда уже не структуры, а отношения становятся источниками власти.
Струк Н. С. [2]	Деловое партнерство как сеть деловых контрактов. Используя таксономию сети ценности, предложенную Д. Тапскоттом, рассматривает пять таксонов (моделей) сети делового партнерства предприятий: агора, агрегатор, интегратор, альянс, дистрибуция. Деловые партнеры объединяют свои усилия для достижения общей цели, при этом остаются юридически самостоятельными субъектами, что дает возможность одновременно осуществлять собственную и совместную хозяйственную деятельность.
Волос А. А. [21]	Деловое партнерство может приобретать организационно-правовую форму хозяйственного партнерства. Хозяйственное партнерство – это корпорация, в управлении деятельностью которой принимают участие участники партнерства, а также иные лица в пределах и объеме, предусмотренных соглашением об управлении партнерством.
Щетинина Е. Д. [3; 4], Гостяева Ю. Ю. [4]	Участниками делового партнерства могут являться государства, бизнес-сообщества, бизнес-ангелы, научные организации и общества, а также международные структуры и совместные предприятия, ставящие своей целью создание единой системы интегрированного взаимодействия. Такая система должна обеспечивать, инициировать и максимально содействовать повышению уровня инновационной активности субъектов инвестиционного рынка, стимулировать их генерировать и разрабатывать инновации различного рода и в короткие сроки осуществлять их коммерциализацию.

информационной, экономической безопасности, развитие инноваций и т. д.). При этом координацию и управление деловым партнерством будут осуществлять представители всех участвующих деловых партнеров (рис. 1б). Такой вид делового партнерства начинается с договора о сотрудничестве, заключения долгосрочных контрактов, а в дальнейшем может принять форму различных объединений (ассоциации, фонды, консорциумы и т. д.)

Вторая точка зрения достаточно широко раскрыта в научных исследованиях и практических рекомендациях специалистов. Методология управления деловым партнерством в этом случае практически полностью соответствует методологии управления различными видами объединений субъектов хозяйствования. Деловое партнерство во многих случаях является первой ступенью создания объединений субъектов хозяйствования. Необходимо отметить, что с такой точки зрения управление деловым партнерством можно рассматривать как управление временным проектом.

Взгляд на деловое партнерство как на отдельную составляющую деятельности конкретного субъекта хозяйствования встречается реже. Деловое партнерство зачастую не рассматривается как отдельный процесс в деятельности предприятия, нет целенаправленного управления деловым партнерством, в результате субъект хозяйствования теряет возможности получения дополнительных выгод.

В первую очередь, необходимо рассматривать деловое партнерство с точки зрения конкретного субъекта хозяйствования. Общеизвестно, что решение о заключении партнерского соглашения в предпринимательской среде субъект хозяйствования принимает не с целью улучшения благосостояния всех деловых партнеров, а с целью улучшения своего собственного благосостояния в долгосрочной перспективе. Когда субъекту хозяйствования станет невыгодно вести деловое партнерство, он будет предпринимать действия для выхода из партнерских отношений, т. е. он просто прекратит взаимодействие с конкретным деловым партнером, но партнерские отношения с другими контрагентами останутся. В связи с этим в данной работе деловое партнерство и управление им будет рассматриваться с позиции конкретного субъекта хозяйствования.

На основе проведенного исследования взглядов ученых-экономистов на категорию *деловое партнерство* (табл. 1), можно выделить различные подходы к ее пониманию. Чаще всего деловое партнерство исследователями рассматривается как система (Е. Д. Щетинина, А. А. Волос), процесс (Т. С. Вавакина, В. П. Позняков), сеть (В. Б. Акулов, М. Н. Рудаков, Н. С. Струк) и проект (Р. Теннисон),

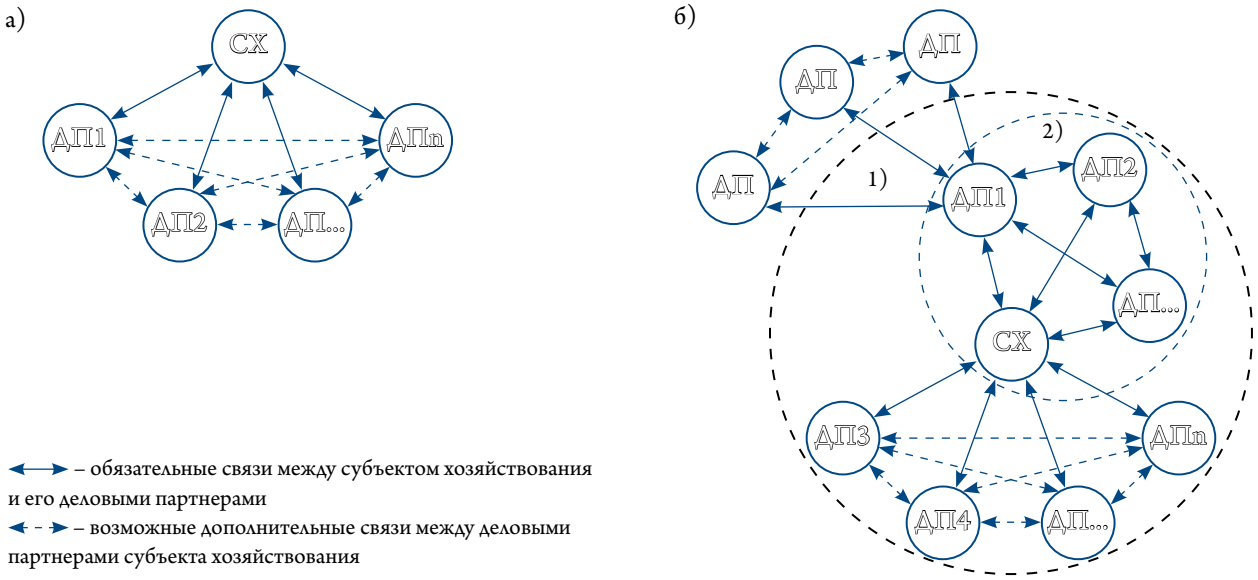

Рис. 1. Взаимодействие субъекта хозяйствования с деловыми партнерами: а) структурная схема; б) возможные варианты взаимодействия
Fig. 1. Interaction of a business entity with its business partners: a) a block diagram; b) possible options for interaction

что влияет на выбор методов управления деловым партнерством. Наличие представленных вариантов позволяет выделить различные подходы к разработке стратегий управления деловым партнерством, определению направлений трансформации делового партнерства под влиянием цифровизации. В настоящем исследовании рассмотрим деловое партнерство с позиций двух основополагающих методологических подходов: системного и процессного.

Системный подход к управлению деловым партнерством

Системный подход к управлению деловым партнерством рассматривает объект управления, т. е. деловое партнерство, как систему – совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, объединенных для выполнения общей цели. Основываясь на основных положениях системного подхода, охарактеризуем деловое партнерство как систему (табл. 2). Представленная характеристика описывает основные параметры делового партнерства как системы, существование которой подчинено достижению поставленных перед ней целей и задач. Согласно Э. Демингу [22], если компоненты системы оказываются предоставленными сами себе, они быстро становятся конкурирующими независимыми центрами прибыли и уничтожают сами себя. Поэтому необходимо управляющее воздействие на систему делового партнерства, которое будет обеспечивать достижение определенного состояния и поведения системы [23]. Возникает потребность рассмотреть систему управления деловым партнерством как одну из подсистем системы управления субъектом хозяйствования. Способ деления системы управления субъектом хозяйствования на подсистемы может быть различным в зависимости от целей исследования. Рассмотрим место системы управления деловым партнерством с позиции целевой подсистемы управления субъектом хозяйствования, т. к. это объяснит целесообразность и необходимость существования данной подсистемы.

В своих исследованиях Р. А. Фатхутдинов выделяет следующие основные общие целевые подсистемы системы управления: управление конкурентоспособностью, управление эффективностью функционирования организации, комплексное развитие организации [24]. Место подсистемы управления деловым партнерством в системе управления субъектом хозяйствования в разрезе его целевых подсистем входит в подсистему комплексного развития субъекта хозяйствования (рис. 2) в связи с тем, что цель функционирования системы делового партнерства – это развитие субъекта хозяйствования и удовлетворение его интересов в долгосрочной перспективе за счет дополнительных ресурсов и выгод, которые обеспечивает система делового партнерства.

Дадим определение системы управления деловым партнерством как подсистемы управления субъектом хозяйствования, представляющей собой совокупность взаимосвязанных элементов, целью которой является развитие субъекта хозяйствования путем управляющего воздействия на преобразование отношений с контрагентами в эффективное деловое партнерство. Рассмотрим основные подсистемы и элементы системы управления деловым партнерством.

Вход системы: вся необходимая информация о состоянии деловых партнеров субъекта хозяйствования, сопутствующая информация, необходимая для обеспечения защиты интересов субъекта хозяйствования в долгосрочной перспективе.

Для бесперебойного и эффективного управления деловым партнерством необходима обеспечивающая подсистема, в задачи которой входит правовая, информационная, организационная, кадровая, маркетинговая и программно-техническая поддержка функционирования системы управления деловым партнерством субъекта хозяйствования.

На основании данных обеспечивающей подсистемы устанавливаются конкретные значения целевой подсистемы системы управления деловым партнерством:

1) рыночные цели – гибкость рыночного поведения, увеличение доходности и доли рынка, рост инвестиционной привлекательности;
2) ресурсные – повышение стабильности деятельности субъекта хозяйствования и деловых партнеров, укрепление ресурсного потенциала участников системы делового партнерства;
3) рисковые – распределение рисков между участниками делового партнерства, укрепление деловой репутации;
4) социальные – создание новых рабочих мест, снижение отрицательного влияния внешних эффектов на персонал организации.

Управляющей подсистемой могут быть: а) руководящий состав субъекта хозяйствования, чья система делового партнерства исследуется; б) совет деловых партнеров, в случае если деловые партнеры объединяются для осуществления совместного проекта.

Табл. 2. Характеристика делового партнерства субъекта хозяйствования как системы
Tab. 2. Business partnership as a system

Параметры	Характеристики
Определение	Совокупность субъектов хозяйствования, участвующих в деловом партнерстве, и взаимосвязей между ними, подчиненных целям развития.
Цель	Развитие субъекта хозяйствования и удовлетворение его интересов в долгосрочной перспективе за счет дополнительных ресурсов и выгод, которые обеспечивает система делового партнерства.
Задачи	• Обеспечивать согласованную работу и защиту интересов субъектов хозяйствования (деловых партнеров). • Осуществлять ориентацию деловых партнеров во внешней среде и их адаптацию к ее влиянию. • Обеспечивать появление дополнительных выгод у участников системы делового партнерства.
Принципы	• Свободный выбор субъектов хозяйствования, входящих в систему делового партнерства. • Общий интерес при принятии решения о ведении делового партнерства. • Добровольность принятия субъектами хозяйствования на себя обязательств и их реальность. • Взаимоприемлемый контроль деятельности деловых партнеров. • Обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений и ответственность за их невыполнение. • Свобода выбора при обсуждении вопросов, касающихся действий деловых партнеров. • Равноправие деловых партнеров и коммуникации между ними.
Вид	Деловое партнерство является системой открытого типа, которая постоянно взаимодействует с внешней средой, не является самообеспечивающей, зависит от информации, ресурсов как внутри системы, так и вне ее; является динамической системой – может с течением времени изменять свое состояние.
Свойства	Управляемость, эмерджентность, целостность, селективность, относительная самостоятельность элементов системы, взаимосвязанность элементов системы, наличие структуры, эквифинальность, наличие обратной связи.
Элементы	Деловые партнеры субъекта хозяйствования, взаимосвязи между деловыми партнерами и субъектом хозяйствования, средства и методы связи между деловыми партнерами и субъектом хозяйствования.

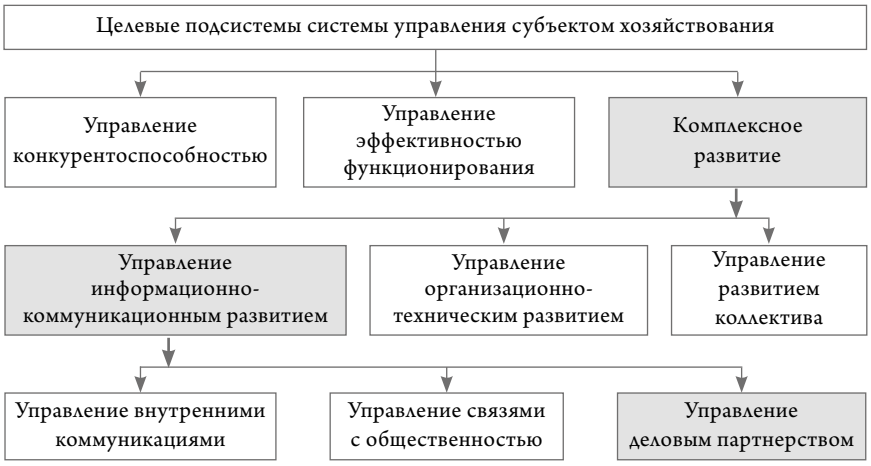

Рис. 2. Место подсистемы управления деловым партнерством в системе управления субъектом хозяйствования (фрагмент)
Fig. 3. Subsystem of business partnership management in the management system of a business entity

Управляемая подсистема системы управления деловым партнерством – это взаимосвязи, бизнес-процессы, деловые отношения между субъектом хозяйствования и деловыми партнерами.

На основании данных обеспечивающей подсистемы управляющая подсистема регулирует целевую подсистему, задачи которой выполняются в ходе управляющего воздействия на управляемую подсистему посредством методов управления. Параметры целевой подсистемы могут корректироваться управляющей подсистемой по результатам функционирования системы управления деловым партнерством.

Выходом для системы управления деловым партнерством является производство продукции, предоставление услуг, разработка проекта, усовершенствование различных бизнес-процессов, существование которых возможно только благодаря совместным усилиям деловых партнеров. В совокупности достижения делового партнерства приводят к развитию субъекта хозяйствования и удовлетворению его интересов в долгосрочной перспективе.

Система управления деловым партнерством субъекта хозяйствования представлена на рис. 3.

К преимуществам применения системного подхода к управлению деловым партнерством можно отнести то, что теория систем помогает руководителю понять взаимосвязь между отдельными частями организации, между организацией и средой; менеджеры могут осваивать определенные системные инструменты и учитывать конкретные организационные свойства системы при принятии решений, даже не понимая их сути, независимо от стиля управления; дает стратегическое видение, как управлять объектом исследования.

К недостаткам применения системного подхода к управлению деловым партнерством можно отнести то, что системный подход является не столько методом решения задач, сколько методом постановки задач; теория систем не определяет основные переменные, влияющие на функцию управления, не говорит о влиянии окружающей среды на результаты деятельности организации; в основном используется для стратегического управления; системность означает определенность, непротиворечивость, целостность, а в реальной жизни это не наблюдается.

Использование системного подхода в управлении деловым партнерством позволит руководству понять взаимосвязь между отдельными частями системы делового партнерства, между организацией и средой, что в свою очередь даст возможность стратегического управления системой делового партнерства и в целом субъектом хозяйствования. Однако для более детализированного управления деловым партнерством необходимо использовать процессный подход.

Процессный подход к управлению деловым партнерством

Данный подход рассматривает объект управления (деловое партнерство) как процесс – последовательное прохождение определенных этапов для достижения целей управления деловым партнерством, результатов или услуг, представляющих ценность для потребителя процесса. Особенность процессного подхода состоит в том, что деловое партнерство рассматривается как совокупность последовательных этапов, в результате которых вход делового процесса переходит в его выход. При этом следует отметить,

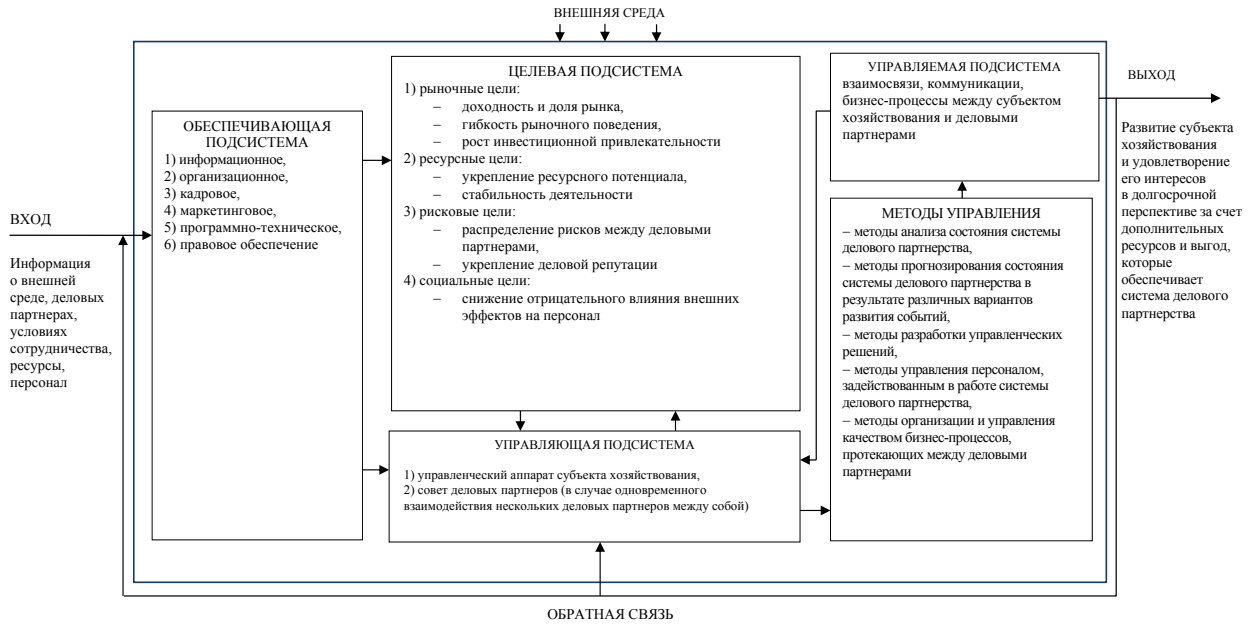

Рис. 3. Система управления деловым партнерством субъекта хозяйствования
Fig. 3. Business partnership management system as part of a business entity

что вход и выход делового партнерства как процесса являются типовыми, поэтому деловое партнерство как процесс следует рассматривать на постоянной основе при осуществлении оперативного и тактического управления им.

Необходимо отметить разницу между деловым партнерством с точки зрения процесса и с точки зрения проекта. Деловое партнерство как процесс проводится на постоянной основе, когда планируется получить типичные ожидаемые результаты. Деловое партнерство как проект рассматривается в том случае, когда необходимо получить уникальные результаты от ведения делового партнерства, когда задействовано несколько равноправных деловых партнеров (на рис. 1б – второй вариант). Можно сказать, что проект – это уникальный единоразовый процесс.

В табл. 3 представлена характеристика основных параметров делового партнерства как процесса, на рис. 4 – более подробно структура делового партнерства как процесса.

Рассмотрим ее более детально. Входы процесса *деловое партнерство* – это входящая информация и ресурсы, необходимые для начала процесса делового партнерства. Входы процесса *деловое партнерство* необходимо рассматривать совместно с поставщиками данного процесса, т. е. от кого непосредственно будут поступать необходимая информация и ресурсы для осуществления процесса (табл. 4).

Рассмотрим технологию процесса *деловое партнерство*, которая включает в себя следующие этапы:

1. Осознание потребности в деловых партнерах в определенной сфере деятельности субъекта хозяйствования, определение ожидаемой цели от партнерства.
2. Создание базы потенциальных деловых партнеров, для этого рассматриваются имеющиеся предложения по деловому партнерству, разрабатываются мероприятия по привлечению деловых партнеров.
3. Оценка возможных деловых партнеров и выбор делового партнера.
4. Проведение переговоров с потенциальными деловыми партнерами, согласование цели и основных задач сотрудничества между деловыми партнерами. Также необходимо обсудить правила ведения делового партнерства, учет и распределение ресурсов, ответственности; управление и принятие решений; коммерческую тайну, технологии, торговую марку и т. п.; выход из партнерства.
5. Составление регламента будущего сотрудничества и заключение соглашения (договора) о партнерстве.
6. Распределение ресурсов и частей задачи между деловыми партнерами для ее эффективного и результативного выполнения.
7. Выполнение своих обязательств согласно соглашению о деловом сотрудничестве и заключенным договорам.
8. Получение результата от процесса делового партнерства: совместный с деловыми партнерами продукт, услуга, проект, усовершенствование бизнес-процессов.
9. Оценка делового партнерства.
10. Разработка корректирующих действий по совершенствованию делового партнерства

Табл. 3. Характеристика делового партнерства как процесса
Tab. 3. Business partnership as a process

Параметры	Характеристики
Определение	Последовательное прохождение определенных этапов для преобразования входа процесса *деловое партнерство* в его выход – получение нового продукта, услуги, усовершенствование бизнес-процессов.
Цель	Предоставление на долгосрочной основе совместного с деловыми партнерами, качественно нового продукта, услуги, усовершенствование бизнес-процессов.
Задачи	• Выстраивание делового пространства, обеспечивающего эффективную деятельность субъекта хозяйствования, чей процесс делового партнерства рассматривается. • Предложение рынку совместных с деловым партнером качественно новых продуктов, услуг, бизнес-процессов. • Обеспечение прозрачных правил деловых партнерских отношений между субъектом хозяйствования и деловым партнером. • Развитие деятельности субъекта хозяйствования.
Вид	Деловое партнерство относится к процессам развития субъекта хозяйствования, т. к. обеспечивает новое качественное достижение в его деятельности.
Свойства	• Цикличность или повторяемость во времени всего процесса при определенном постоянстве внутреннего строения процесса. • Действия и операции внутри процесса не являются уникальными, они повторяются неоднократно (в следующих циклах работы процесса) и без изменений. • Типовой характер входов в процесс и выходов из процесса – процесс должен быть структурирован так, чтобы получать на вход заранее типизированные объекты и точно так же выдавать заранее определенные, типовые результаты.
Компоненты	Входы процесса делового партнерства, поставщики процесса, ресурсы процесса, технология процесса, управление и регулирование процессом делового партнерства, выход процесса, клиент процесса, владелец процесса.

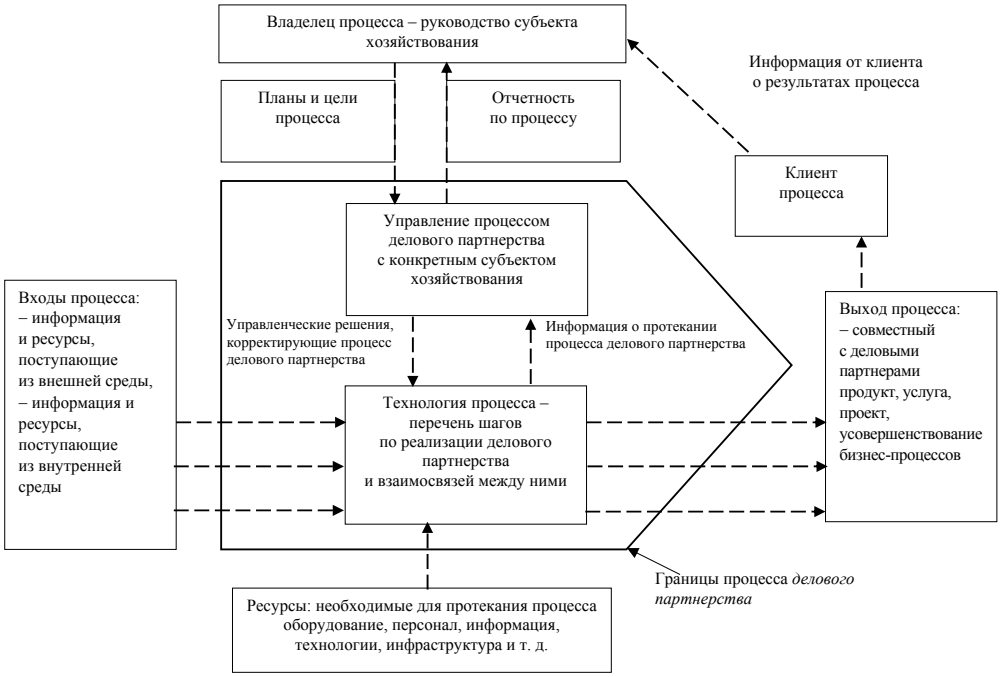

Рис. 4. Структура процесса *деловое партнерство*
Fig. 4. Structure of the business partnership process

Табл. 4. Входы и поставщики процесса *деловое партнерство*
Tab. 4. Inputs and suppliers of the business partnership process

Входы	Поставщики
Блок: внутренняя информация и ресурсы	
Информация о финансово-экономическом состоянии субъекта хозяйствования	финансово-экономический отдел
Информация о направлениях деятельности субъекта хозяйствования, в которых предпочтительны отношения на основе делового партнерства	финансово-экономический отдел
Специалисты по управлению деловым партнерством, узкие специалисты, непосредственно работающие с деловыми партнерами	кадровая служба предприятия
Блок: внешняя информация и ресурсы	
Информация о наличии, составе и финансово-экономическом состоянии возможных деловых партнеров	серверы раскрытия информации об экономических субъектах, финансово-экономические отделы деловых партнеров, аналитическая служба
Информация о политической и социально-экономической обстановке в общем в государстве и в отдельной интересующей отрасли, будет ли она благоприятствовать деловому партнерству	средства массовой информации, представители власти, аналитическая служба
Информация о способах юридического оформления делового партнерства	официальные информационные ресурсы с законодательно-нормативной литературой, юридические фирмы, юридический отдел
Информация о возможности применения программных продуктов для ведения делового партнерства	фирмы-разработчики программных продуктов по управлению деловым партнерством, аналитическая служба
Программные продукты по управлению деловым партнерством	фирмы-разработчики программных продуктов по управлению деловым партнерством

Алгоритм ведения делового партнерства представлен на рис. 5.

Клиентами процесса *деловое партнерство* могут быть:

- потребители нового продукта, услуги, бизнес-процесса, созданных совместными усилиями деловых партнеров;
- субъект хозяйствования, который инициировал деловое партнерство в определенной сфере;
- деловой партнер, который также заинтересован в успешных результатах делового партнерства.

К ресурсам процесса *деловое партнерство* можно отнести любые материальные и нематериальные объекты, которые задействуются для преобразования входа процесса *деловое партнерство* в его выход. Это могут быть технологии производства, персонал, оборудование, информация и т. д.

Владельцем процесса делового партнерства является субъект хозяйствования, чья деятельность рассматривается.

Управление и регулирование процессом делового партнерства на тактическом и оперативном уровнях проводятся

Рис. 5. Алгоритм ведения процесса делового партнерства
Fig. 5. Algorithm for conducting the business partnership process

ответственными за данный конкретный процесс делового партнерства. Общее стратегическое руководство всеми процессами делового партнерства, которые ведет субъект хозяйствования, проводится основным управляющим органом субъекта хозяйствования в тесной связи с ответственными за каждый отдельный процесс делового партнерства.

Стратегическое управление деловым партнерством субъекта хозяйствования предполагает формирование оптимального набора процессов делового партнерства, который обеспечит развитие субъекта хозяйствования в долгосрочной перспективе. Алгоритм стратегического управления имеющимися процессами делового партнерства субъекта хозяйствования, т. е. портфелем деловых партнеров, представлен на рис. 6.

Для реализации стратегического управления деловым партнерством необходимо выполнить следующие шаги:

1. Оценка собственного финансово-экономического состояния субъекта хозяйствования, оценка ресурсов и возможностей ведения делового партнерства субъектом хозяйствования, выбор направлений, по которым выгодно ведение деловых партнерских отношений, в соответствии со стратегическими целями деятельности субъекта хозяйствования.
2. Сбор данных об имеющихся деловых партнерах субъекта хозяйствования, оценка их вклада в результаты деятельности субъекта:
   - оценка финансовых выгод от деловых отношений с конкретными деловыми партнерами;
   - оценка дополнительных выгод от деловых отношений с конкретными деловыми партнерами (логистические, информационные, технологические, кадровые преимущества и т. п.).

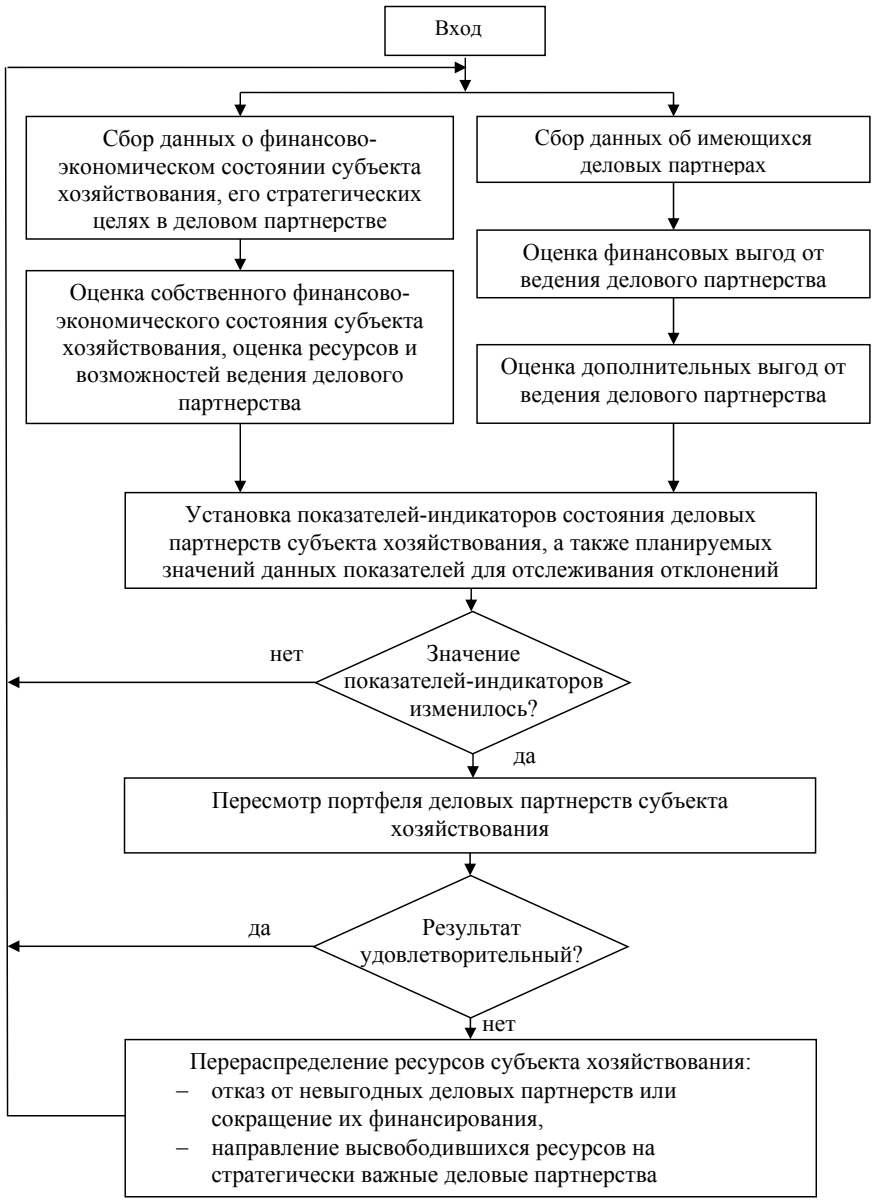

Рис. 6. Алгоритм стратегического управления портфелем деловых партнеров субъекта хозяйствования
Fig. 6. Algorithm for strategic management of business partners' portfolio

3. Оценка стратегической важности конкретных имеющихся и потенциальных партнерств в долгосрочной перспективе по результатам оценки проведения ранжирования деловых партнеров.
4. С учетом результатов оценки финансово-экономического состояния субъекта хозяйствования, его стратегических целей, а также с учетом оценки стратегической важности имеющихся и потенциальных деловых партнеров субъектов хозяйствования проведение пересмотра имеющегося портфеля деловых партнерств.
5. Установление показателей-индикаторов состояния деловых партнерств субъекта хозяйствования, а также планируемых значений данных показателей для отслеживания отклонений.
6. Отслеживание значений показателей-индикаторов и своевременное реагирование на изменение состояния конкретных деловых партнерств и всего портфеля деловых партнерств субъекта хозяйствования.
7. По результатам отслеживания (контроля) пересмотр портфеля деловых партнерств субъекта хозяйствования.
8. Перераспределение ресурсов субъекта хозяйствования: отказ от невыгодных деловых партнерств или сокращение их финансирования; направление высвободившихся ресурсов на стратегически важные деловые партнерства.

Управление деловым партнерством как процессом подразумевает создание циклических алгоритмов, учитывающих особенности деятельности конкретного субъекта хозяйствования. Задачей процессного подхода является типизация процесса управления деловым партнерством от исходных данных до получения запланированных результатов.

Заключение

В статье выделены следующие особенности использования системного и процессного методологических подходов при управлении деловым партнерством субъекта хозяйствования:

1. При внедрении в управление системного и процессного подходов необходимо определиться с уровнем управления: первый – управление на уровне конкретного субъекта хозяйствования, в таком случае управляющее воздействие на систему и процесс делового партнерства оказывает непосредственно субъект хозяйствования; второй – на уровне нескольких субъектов хозяйствования равноправных деловых партнеров, постоянно взаимодействующих друг с другом, при этом управляющее воздействие оказывают совет представителей управляющих органов всех деловых партнеров. От выбранного уровня управления будут зависеть структура и особенности системы и процесса делового партнерства.
2. С позиции процессного подхода результатом делового партнерства является предоставление на долгосрочной основе совместного с деловыми партнерами качественно нового продукта, услуги, усовершенствование бизнес-процессов. Достижение данных результатов на постоянной основе приведет к достижению результатов делового партнерства с позиции системного подхода – развитие субъекта хозяйствования и удовлетворение его интересов в долгосрочной перспективе за счет дополнительных ресурсов и выгод от системы делового партнерства.
3. Системный подход к управлению деловым партнерством дает возможность стратегического видения делового партнерства, его роли и места в системе управления деятельностью субъекта хозяйствования. Процессный подход выделяет деловое партнерство среди других процессов деятельности субъекта хозяйствования, очерчивает границы данного процесса, четко выделяет технологию ведения делового партнерства, что дает возможность эффективно им управлять на тактическом и оперативном уровнях.
4. Построение системы делового партнерства раскрывает все элементы, которые будут задействованы в деловом партнерстве и взаимосвязи между ними. При выполнении процесса делового партнерства каждый из элементов системы делового партнерства будет выполнять свою функцию, в этом прослеживается связь системного, процессного, а также функционального подходов к управлению.

Для эффективного управления деловым партнерством субъекта хозяйствования рекомендуется: 1) построение системы управления деловым партнерством субъекта хозяйствования; 2) описание процесса делового партнерства и создание алгоритма управления им; 3) описание функций каждого из элементов системы делового партнерства, которые они должны выполнять для обеспечения бесперебойного прохождения процесса делового партнерства. Таким образом, достижение деловым партнерством поставленных целей возможно только в тесной взаимосвязи системного, процессного, а также функционального подходов к управлению деловым партнерством субъекта хозяйствования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература

1. Вавакина Т. С., Позняков В. П. Отношение предпринимателей к принципам и нормам социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства. *Знание. Понимание. Умение.* 2014. № 2. С. 158–168.
Vavakina T. S., Poznyakov V. P. Entrepreneurs' attitude to the principles and norms of social interaction and assessment of business partnership efficiency. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2014, (2): 158–168. (In Russ.)
2. Струк Н. С. Таксономия сети делового партнерства предприятий. *Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика»*. 2013. № 2. С. 30–36.
Struk N. S. Taxonomy of network structure business partnership enterprises. *Perm University Herald. Economy*, 2013, (2): 30–36. (In Russ.)
3. Щетинина Е. Д. Теоретико-методологические аспекты управления региональным развитием на основе концепций делового партнерства и маркетинга отношений. *Научный результат. Экономические исследования*. 2014. Т. 1. № 1. С. 46–56.
Shchetinina E. D. Theoretical and methodological aspects of regional development management based on the concepts of business partnership and relationship marketing. *Research result. Economic Research*, 2014, 1(1): 46–56. (In Russ.)
4. Гостяева Ю. Ю., Щетинина Е. Д. Принятие управленческих решений в условиях делового партнерства. *Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова.* 2014. № 6. С. 155–158.
Gostyaeva Yu. Yu., Shchetinina E. D. Making managerial decisions in a business partnership. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 2014, (6): 155–158. (In Russ.)
5. Теннисон Р. Практическое руководство по партнерству. М.: Международный форум лидеров бизнеса (МФЛБ); Глобальный альянс по улучшению питания (ГАУП), 2003. 67 с.
Tennyson R. *The Partnering toolbook.* Moscow: International Business Leaders Forum: Global Alliance for Improved Nutrition, 2003, 67. (In Russ.)
6. Rathi D., Given L. M., Forcier E. Interorganisational partnership and knowledge sharing: The perspective of Non-Profit Organizations (NPOs). *Journal of Knowledge Management*, 2014, 18(5): 867–885. https://doi.org/10.1108/JKM-06-2014-0256
7. Иващенко Н. С. Оценка уровня партнерских отношений. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 9-1. С. 172–179. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.99.9.030
Ivashchenko N. S. Assessing the level of partnership relations. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatelskiy zhurna*l, 2020, (9-1): 172–179. (In Russ.) https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.99.9.030
8. Саркисян С. С. Внутрифирменное планирование и его место в системе организации с точки зрения системного подхода. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право.* 2011. № 1. С. 92–96.
Sarkisyan S. S. Internal company's planning and the role of this planning in management system from a respective of systems approach. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2011, (1): 92–96. (In Russ.)
9. Король С. П. Системный подход к планированию и реализации социально-экономического развития. *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 12. С. 3169–3186. https://doi.org/10.18334/ce.14.12.111465
Korol' S. P. A systematic approach to planning and implementing socio-economic development. *Creative economy,* 2020, 14(12): 3169–3186. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.14.12.111465
10. Звягин Л. С. Использование прикладного системного анализа как инструмента моделирования для управления бизнесом. *Хроноэкономика*. 2019. № 7. С. 26–31.
Zvyagin L. S. Use of applied system analysis as a modeling tool for business management. *HronoEconomics,* 2019, (7): 26–31. (In Russ.)
11. Караваев Н. Л. К особенностям методологии системных исследований. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2015. № 6. С. 13–17.
Karavaev N. L. To the special features of systems research methodology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2015, (6): 13–17. (In Russ.)
12. Попова Е. В., Степин Д. Г. Система DSS как метод управления в процессе цифровой трансформации бизнеса. *Экономика строительства*. 2020. № 5. С. 35–39.
Popova E. V., Stepin D. G. UDSS system as a management method in the process of digital business transformation. *Construction economics*, 2020, (5): 35–39. (In Russ.)
13. Donnadieu G., Durand D., Neel D., Nunez E., Saint-Paul L. *The Systemic Approach: what is it all about?* 2003. URL: http://www.afscet.asso.fr/SystemicApproach.pdf (accessed 20 Mar 2022).
14. Агафонова Г. В. Процессный подход в управлении предприятием: сущность и экономическое содержание. *Инновации и инвестиции*. 2020. № 6. С. 84–87.
Agafonova G. V. Process approach in the management of the enterprise: essence and economic content. *Innovation & Investment*, 2020, (6): 84–87. (In Russ.)

15. Кропотина О. Е. Проектный и процессный подходы в управлении: достоинства и недостатки. *Образование и право.* 2019. № 9. С. 167–172.
Kropotina O. E. Project and process management: advantages and disadvantages. *Education end law*, 2019, (9): 167–172. (In Russ.)
16. Дорошенко М. В., Кудряшова И. А. Процессный подход в управлении предприятием как фактор повышения его экономической устойчивости. *Мир экономики и управления*. 2020. Т. 20. № 1. С. 67–85. https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-1-67-85
Doroshenko M. V., Kudryashova I. A. Process approach in enterprise management as a factor in increase in economic stability. *World of Economics and Management*, 2020, 20(1): 67–85. (In Russ.) https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-1-67-85
17. Бережливое управление в госсекторе. Как наладить процессы, ред. А. В. Ожаровский, К. А. Ткачева. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.
Lean management in the public sector. How to set up processes, eds. Ozharovskii A. V., Tkacheva K. A. Moscow: RANEPA, 2021, 184. (In Russ.)
18. Смирнова К. В., Кузнецова М. В. Управление взаимоотношениями с поставщиками: процессный подход. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Экономика*. 2019. № 1. С. 127–135.
Smirnova K. V., Kuznetsova M. V. Supplier relationship management: process approach. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Economics,* 2019, (1): 127–135. (In Russ.)
19. Попов И. В., Киселева М. М., Толочко И. А. Влияние цифровых технологий на бизнес-процессы предприятия. *УЭПС: управление, экономика, политика, социология.* 2019. № 3. С. 29–37. https://doi.org/10.24411/2412-2025-2019-00037
Popov I. V., Kiseleva M. M., Tolochko I. A. The impact of digital technologies on business processing. *UEPS: upravlenie, ekonomika, politika, sotsiologiia,* 2019, (3): 29–37. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2412-2025-2019-00037
20. Акулов В. Б., Рудаков М. Н. Теория организации. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 142 с.
Akulov V. B., Rudakov M. N. *Organization theory*. Petrozavodsk: PetrSU, 2002, 142. (In Russ.)
21. Волос А. А. Хозяйственное партнерство: вопросы теории и практики. *Правовая политика и правовая жизнь.* 2021. № 1. С. 77–83. https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-77-83
Volos A. A. Business partnership: issues of theory and practice. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn,* 2021, (1): 77–83. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1608-8794-2021-1-77-83
22. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. 3-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2011. 418 с.
Deming E. *Out of the crisis*. 3rd ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2011, 418. (In Russ.)
23. Зеленцова Л. С. Диалектика системного подхода с позиций управления организацией. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 1. С. 100–105.
Zelentsova L. S. Dialectics of systematic approach of organization management. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1): 100–105. (In Russ.)
24. Фатхутдинов Р. А. Производственный менеджмент. 4-е изд. СПб.: Питер, 2003. 491 с.
Fathutdinov R. A. *Production management*. 4th ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 491. (In Russ.)

оригинальная статья

Подход к оценке клиентов IT-компании в контексте повышения эффективности проектной деятельности

Сапожников Павел Алексеевич
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-4440-7473

Коложвари Юлия Борисовна
Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-2524-8374
ukolo@inbox.ru

Поступила 09.02.2022. Принята после рецензирования 17.03.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Предметом исследования является методический подход к систематизации отношений с клиентами IT-компании, работающей в цифровой среде по модели аутсорсинга, в стратегическом и оперативном аспектах. В методике предлагается классификация клиентов на долгосрочных активных клиентов, долгосрочных пассивных клиентов, краткосрочных клиентов. Данная классификация позволяет ранжировать клиентов по критериям вовлеченности в проект, а также горизонту взаимодействия. В качестве стратегических характеристик используются компоненты Коммуникация и Бизнес. В качестве оперативных – компоненты Коммуникация, Проект, Изначальные данные. На основе эмпирического опыта работы в сфере IT-аутсорсига авторы предлагают приоритетность метрик, характеризующих выбранные компоненты, наибольшим образом влияющих на понимание принципов планирования отношений с клиентом в оперативном и стратегическом аспектах. Предлагаемая методика позволяет повысить эффективность проектной деятельности IT-компании, за счет мониторинга максимальных коэффициентов планировать их оптимизацию в рамках ближайшего времени. Сделан вывод о применимости данной методики для проектов, цикл которых составляет более года, необходимости ее совместного применения с оценкой других аспектов эффективности проектной деятельности, возможности дополнения предложенных метрик теми метриками, которые актуальны для конкретной компании.
Ключевые слова: аутсорсинг, IT-компания, управление проектами, отношения с клиентами, коммуникации, тарифные ставки, стратегические метрики клиентов, операционные метрики клиентов

Цитирование: Сапожников П. А., Коложвари Ю. Б. Подход к оценке клиентов IT-компании в контексте повышения эффективности проектной деятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 225–236. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-225-236

full article

Customer Evaluation in IT Business as a Way to Improve Project Activities

Pavel A. Sapozhnikov
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-4440-7473
paulflse29@gmail.com

Yuliya B. Kolozhvari
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-2524-8374
ukolo@inbox.ru

Received 9 Feb 2022. Accepted after peer review 17 Mar 2022. Accepted for publication 28 Mar 2022.

Abstract: The article introduces a new strategic and operational method to organize customer relationships in an outsourcing IT company. Customers are classified into long-term active clients, long-term passive clients, and short-term clients, i.e., according to their project involvement and interaction scope. Such components as Communication and Business serve as strategic characteristics, while Communication, Project, and Initial Data are operational characteristics. These components have the greatest impact on the way companies plan their relationships with customers in operational and strategic aspects. Based on their empirical experience in the field of IT outsourcing, the authors propose a priority of metrics that characterize these components. The new methodology allows IT companies to increase the efficiency of their project activities of by monitoring the maximal coefficients, as well as to plan their optimization. This method is especially efficient for projects that last longer than one year. It can be applied together with other project assessments and relevant metrics.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Keywords: outsourcing, IT company, project management, customer relations, communications, tariff rates, strategic customer metrics, customer operational metrics

Citation: Sapozhnikov P. A., Kolozhvari Y. B. Customer Evaluation in IT Business as a Way to Improve Project Activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 225–236. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-225-236

Введение

Изучение методов оценки проектной деятельности современных IT-компаний представляется актуальным на сегодняшний день: за последние три года количество IT-компаний в России значительно увеличилось, в связи с чем возникает необходимость в инструментах оценки хозяйственной деятельности организаций. В данном исследовании предлагается один из элементов развития методического подхода к оценке проектной деятельности в IT-компаниях, работающих в онлайн-среде по модели аутсорсинга [1].

Оценка эффективности управления проектами и развития отношений с клиентами представляется актуальной в разрезе исследований аутсорсинговых компаний: так, в условиях пандемии COVID-19 и цифровизации спрос на услуги в IT-отрасли растет. При этом аутсорсинг IT-услуг как бизнес-модель также находит отражение в данной тенденции: все больше и больше компаний предпочитают сторонние организации штатным сотрудникам для разработки IT-решений [2; 3].

Анализ существующих исследований по изучаемой проблематике указывает на то, что существующие методы оценки проектов в IT сводятся либо к анализу сроков (например, методы User-Stories и Use-Cases, UML-диаграммы, Time-Sequence и др.), либо же к оценке экономической эффективности проекта в целом. При этом если вторая группа методов и позволяет оценить проект с точки зрения бизнеса, то первые сосредоточены на оценке технических параметров и сроков, что не позволяет проанализировать проект с точки зрения взаимоотношений с клиентами [4–8].

Более того, вторая группа методов включает традиционные финансовые методики, основанные на расчете дисконтированных показателей, – новые, например сбалансированная система показателей; основанные на анализе затрат, основным представителем которых являются методы функционально-стоимостного анализа; исследования затратно-временных показателей, малопримениимые к компаниям, работающим по модели аутсорсинга. Данные методы позволяют оценить экономическую эффективность проектов тех компаний, которые разрабатывают продукт непосредственно для себя, а тем компаниям, которые оказывают услуги аутсорсинга, представляется сложным использование данных методов, т. к. проекты, над которыми они работают, не коммерциализируются ими в дальнейшем [9–11].

Оценки эффективности взаимодействия с клиентами рассматриваются также в методиках оценки лояльности клиентов, их эффективности для организаций. Например, индикатор лояльности клиента NPS помогает выстроить работу, направленную одновременно на получение прибыли и устойчивого места на рынке и в отрасли, и сформировать базу лояльных клиентов, готовых поддержать изменения и нововведения в компании. Данные подходы оценивают клиентов организации с точки зрения долгосрочных и продуктовых отношений. В нашей работе фокус направлен на реализацию не стандартного, а уникального проекта. Текущее взаимодействие с клиентом и стратегическая перспектива оцениваются с точки зрения как экономической целесообразности, так и технической реализуемости проектов [6; 12].

Отметим, что большинство аутсорсинговых компаний работают не на развитие проекта, а, скорее, на развитие партнерских отношений с клиентом: так, при должном уровне оказываемых услуг клиент может масштабировать команду разработки либо предлагать новые проекты, что ведет к росту прибыли. Именно поэтому мы считаем, что оценка эффективности управления проектами в аутсорсинговых IT-компаниях должна осуществляться не только в области анализа проекта, но и клиентской базы как таковой, что и включает в себя предлагаемый подход.

Методы

Прежде всего, необходимо обозначить некоторые допущения, принятые перед проведением исследования:

1. Анализируется деятельность исключительно тех компаний, которые работают по модели аутсорсинга. При этом за основу была использована авторская классификация современных IT-компаний, подразделяющихся на продуктовые, получающие доход за счет коммерциализации собственного продукта; аутсорсинговые, которые работают над проектами других команд и компаний; гибридные, сочетающие оба вида деятельности.
2. Предлагаемый подход носит субъективный характер и зависит от решения менеджеров, ведущих проектную деятельность, т. к. оценка эффективности и успеха проекта проводится сугубо с их точки зрения.
3. Предлагаемая методика не позволяет проанализировать экономическую эффективность проекта, т. к. сосредотачивается на анализе клиентских

отношений, а не затрат или прибыли. При этом данный подход может дополняться функционально-стоимостным методом расчета экономической эффективности проекта с принимаемым одновременно единым драйвером затрат в виде времени (подход Time-Driven Activity Based Costing).

Методика разработана в контексте стратегической и операционной перспективы. Для целей оценки клиентов в стратегической перспективе использовались клиенты, с которыми компания работает более 1 года. Для целей оценки клиентов в оперативной перспективе – клиенты, с которыми компания работает менее 1 года, либо более 1 года, однако именно в области анализа текущей проектной деятельности, а не взаимоотношений с клиентом как таковых.

Основная задача предлагаемого подхода заключается в выборе метрик оценки направления деятельности, переводе качественных данных в количественные для упрощения анализа обрабатываемой информации. Сами метрики, а также периоды могут определяться компаниями самостоятельно, т. к. целью проводимого исследования является разработка методического подхода, а не универсальной методики. Для проведения оценки был разработан следующий авторский алгоритм:

1. Постановка целей.
2. Выбор метрик для оценки проектной деятельности в стратегическом и операционном направлениях деятельности.
3. Оценка стратегических метрик.
4. Оценка операционных метрик.
5. Анализ полученных результатов и подведение итогов.

В ходе постановки целей компании необходимо определиться с тем, какую информацию она хочет получить для оценки проектной деятельности. Основной целью разработки данной методики послужило отсутствие ресурсов и наличие большого количества открытых вакансий на дополнительные ресурсы для проектов: компании нужно понять, какие из текущих проектов являются наиболее выгодными с точки зрения задействованных ресурсов и дальнейшего сотрудничества, какие из них могут потребовать вывода разработчика и перемещения на более оптимальные места на других проектах.

На втором этапе необходимо определиться с анализируемыми метриками. В данном случае предлагается следующий подход: при стратегическом анализе анализируются метрики, оценивающие партнерские отношения, т. к. на основе результатов проведенного анализа принимается решение о сотрудничестве с клиентом в дальнейшем или же переводе разработчика на другой проект. В операционном аспекте оценивается именно текущая деятельность проекта для контроля текущей ситуации и понимания направления развития проекта. Предлагаемые метрики носят, скорее, информационный характер, т. к. конкретное содержание и варианты оценки определяются каждой компанией самостоятельно.

Классификация клиентов

Для достижения данной цели была разработана классификация клиентов по степени активности и длительности взаимодействия. Универсальная система метрик упускает специфику каждого вида клиентов. В результате предлагаются следующие виды клиентов:

- Long-Term Active Clients (LTA) – долгосрочные активные клиенты. Данными клиентами являются те, которые работают с компанией в течение длительного периода времени (в нашем случае – год), а также обеспечивают постоянный и максимальный уровень загруженности на проекте (в нашем случае – 35–40 часов в неделю в течение всего месяца). Данные клиенты могут оцениваться приоритетными в стратегической и операционной перспективах.
- Long-Term Passive Clients (LTP) – долгосрочные пассивные клиенты. Данные клиенты по какой-то причине работают с компанией, однако не так активны, как предыдущая группа. Они могут предоставлять задачи, однако делают это в меньшей степени и не так регулярно. Следовательно, если стоит вопрос об отсутствии ресурса на проекте клиента LTA, а оценка проектной деятельности с клиентом LTP показывает не очень хорошие результаты, то имеет смысл перевести ресурс на проект LTA. Данные клиенты также могут оцениваться в стратегической и операционной перспективах.
- Short-Term Clients (STC) – краткосрочные клиенты. Как правило, данные клиенты могут быть активными или пассивными, однако их главная особенность заключается в том, что они работают с компанией меньшее количество времени, чем пороговое (в нашем случае – год), поэтому данные клиенты могут оцениваться только в операционном аспекте. При переходе данных клиентов в разряд долгосрочных, они могут оцениваться в стратегическом аспекте, т. к. до этого идет анализ формирования отношений с компанией как таковых.

Система стратегических метрик

В связи с обозначенной классификацией предлагается система метрик (табл. 1). Предлагаемые метрики оценивают проектную деятельность с точки зрения двух компонентов: коммуникации, т. е. того, как в проекте устроен процесс коммуникации, происходит обратная связь; вовлеченность клиента, средние часовые тарифные ставки, возможность масштабирования команды. В табл. 1 также приведены варианты оценок, которые могут и должны корректироваться под нужды каждой компании: например, если компании гораздо важнее легкость смены разработчика в противовес контакту с менеджером, то необходимо ввести корректирующие весовые коэффициенты, а от прочих метрик можно в принципе отказаться либо заменить их на более актуальные для самой компании. Так, нашей целью является показать алгоритм и логику оценки, а содержание компонентов выбирается уже самими компаниями.

Табл. 1. Система стратегических метрик для LTA- и LTP-клиентов
Tab 1. Strategic metrics system for long-term active and long-term passive clients

Метрика	Значение	Оценка – x	Вес
		Компонент Коммуникация	
Контакт с менеджером	Степень взаимодействия клиента с менеджером	0–3, где 0 – отсутствие контакта; 1 – наличие слабого контакта (готовность к обсуждению отчетности по проекту); 2 – наличие делового контакта (готовность к обсуждению не только отчетности, но и вопросов бизнеса); 3 – наличие личного контакта, готовность к коммуникации даже по личным вопросам	3x
Легкость смены разработчика	Степень легкости / сложности замены разработчика	0–3, где 0 – сменить разработчика невозможно; 1 – для смены разработчика потребуются значительные усилия со стороны менеджера (например, переговоры с клиентом, организация процесса введения нового разработчика с привлечением всей команды); 2 – для замены разработчика потребуются незначительные усилия (например, организация ввода разработчика на проект сопровождается меньшими ресурсами, а клиент готов на замену, но презентация все же требуется); 3 – замена разработчика происходит легко (например, клиент просто соглашается на замену разработчика без презентации, процесс ввода разработчика не требует больших усилий со стороны компании)	3x
LTA: командная работa LTP: возвратность	LTA: степень участия клиента в совместном планировании, работе с командой LTP: оценка количества задач, с которыми клиент возвращается в компанию	LTA: 0–2, где 0 – клиент не участвует в работе; 1 – клиент принимает слабое участие в работе, не учитывает компанию в планировании; 2 – клиент принимает участие в работе и учитывает компанию в рамках планирования LTP: 0–2, где 0 – клиент не возвращался в компанию в течение отчетного периода; 1 – клиент возвращался с несколькими задачами; 2 – клиент возвращался с новыми задачами регулярно	2x
Доступность клиента	Оценка степени доступности и готовности клиента участвовать в развитии проекта	0–1, где 0 – клиент недоступен для диалога, с ним сложно связаться; 1 – клиент доступен в установленные им часы	2x
Отзывы	Оценка наличия маркетинговых материалов, сделанных при помощи клиента	0–1, где 0 – клиент участвовал в создании материалов; 1 – клиент не участвовал в создании материалов	x
		Компонент Бизнес	
Запросы на дополнительные ресурсы	Оценка количества запросов на дополнительного разработчика со стороны клиента	0–1, где 0 – запросов не было; 1 – запросы были	2x
Масштабируемость команды	Оценка наличия возможности масштабируемости команды (рост средних часовых ставок, интеграция нового члена команды и т. д.)	0–2, где 0 – произошло сокращение в команде; 1 – команда осталась в том же составе; 2 – команда выросла	3x
Повышение часовых ставок	Оценка наличия возможности, ориентированной на повышение ставок	0–1, где 0 – повышения ставок не было; 1 – повышения ставок происходили	3x
Стадия бизнеса клиента	Этап бизнеса, на котором находится клиент	0–1, где 0 – бизнес клиента терпит убытки и стремится к закрытию; 1 – бизнес клиента нормально функционирует или же развивается	x
Средняя часовая ставка	Оценка средней часовой ставки команды	0–2, где 0, 1 и 2 определяются диапазонами часовых ставок самих компаний. Например, 0 – $20–$25; 1 – $26–$30; 3 – $31 и выше	2x

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-225-236

В методике учтен вопрос степени важности каждой метрики и расставлены соответствующие корректирующие весовые коэффициенты: например, легкость смены разработчика гораздо важнее, чем наличие маркетинговых материалов от клиентов. Системы метрик для всех типов в целом достаточно схожи, поэтому было принято решение привести подробное описание системы метрик для LTA-клиентов с несколькими комментариями, касающихся других сегментов.

Компонент Коммуникация в общей сумме с учетом корректирующих весовых коэффициентов составляет 17 баллов (45 %), а Бизнес – 21 (55 %). Небольшой перекос в сторону второго компонента нами был сделан не случайно: основная цель компании на рынке заключается в максимизации прибыли, а это значит, что метрики данного компонента имеют большее значение, чем компонента Коммуникация. Так, даже если компания будет иметь отличные отношения с заказчиками, но при этом не зарабатывать прибыль, то она попросту перестанет функционировать в силу отсутствия ресурсов.

В соответствии с проведенным анализом и суммарным количеством баллов, переведенных в проценты, были разработаны три зоны клиентов: красная, в рамках которой находятся стратегически неэффективные для компании клиенты; желтая – те клиенты, которые на данный момент оказываются эффективны, но с ними имеются проблемы и в дальнейшем они могут перейти из сегмента желтых в красные; зеленая – те клиенты, отношения с которыми на данный момент эффективны и удовлетворяют всем требованиям компании. При этом с клиентами желтой зоны необходимо работать по проблемным метрикам, а от красных отказываться, если есть альтернативы получше. Предложенное шкалирование представлено на рис. 1.

Система операционных метрик

При анализе операционных метрик предлагаются три компонента: Изначальные данные, указывающие на исходные данные проекта, т. к. зачастую проект разрабатывается не с нуля, а уже на каком-либо этапе; Проект – оценка самой проектной деятельности; Коммуникация – характер взаимодействия в команде. При этом компоненту Изначальные данные присваивается достаточно большой весовой коэффициент, т. к. от исходного состояния проекта зависит дальнейшая разработка. Подробное значение каждой предложенной метрики представлено в табл. 2.

Максимальный итоговый результат по операционным метрикам составляет 38 баллов: 12 баллов за компонент Изначальные данные (32 %) и по 13 баллов за компоненты Проект и Коммуникация. Предложенное шкалирование снова носит зональный характер, однако при оценке операционных метрик оцениваются не сами клиенты, а проекты. Так, если проект находится в красной зоне, то на нем есть проблемы, которые необходимо оперативно решить. Если в желтой – то проект развивается нормально, но есть риск перейти в красную зону. Зеленая зона характеризует наиболее успешные проекты, на которых практически нет проблем. Предлагаемое шкалирование изображено на рис. 2.

После непосредственной оценки метрик полученные результаты необходимо проанализировать. На базе рассчитанных стратегических метрик вычисляются статистические показатели: среднее значение по выборке, среднеквадратическое отклонение и размах. Это необходимо для того, чтобы менеджерам было понятно, насколько текущие пакеты клиентов обладают характером однородности либо разнородности, т. к. в дальнейшем это может сказаться на проводимых мероприятиях.

При анализе и стратегических, и операционных метрик необходимо обращать внимание на те коэффициенты, которые не достигли максимального значения, и намечать их оптимизацию в рамках ближайшего планирования. Те коэффициенты, которые носят максимальные значения, могут служить базой для формирования кейсов в самой компании и использоваться в дальнейшем.

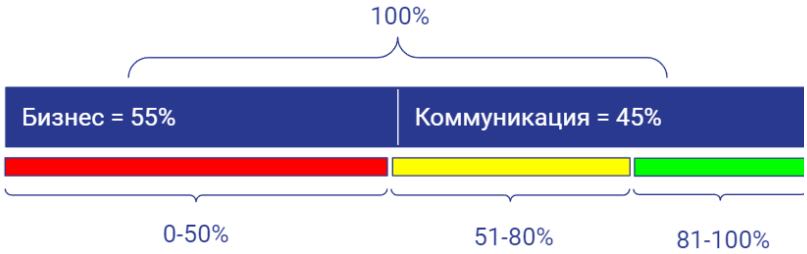

Рис. 1. Шкала стратегических метрик LTA-, LTP- и STC-клиентов
Fig 1. Scale of strategic metrics of long-term active, long-term passive, and short-term clients

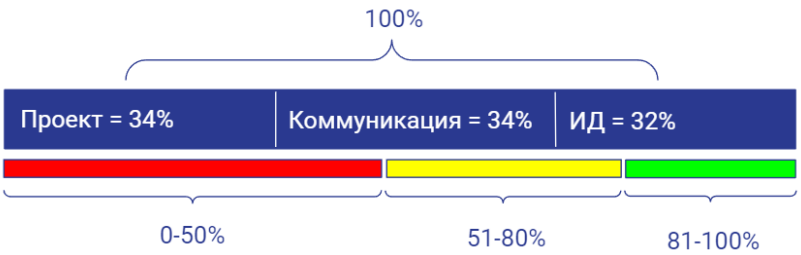

Рис. 2. Шкала операционных метрик LTA-, LTP- и STC-клиентов
Fig. 2. Scale of operational metrics of long-term active, long-term passive, and short-term clients

Табл. 2. Система операционных метрик для LTA-, LTP- и STC-клиентов
Tab. 2. Operational metrics system for long-term active, long-term passive, and short-term clients

Метрика	Значение	Оценка – x	Вес
		Компонент Изначальные данные	
Техническая сложность проекта	Оценка того, насколько сложен проект с технической точки зрения: есть ли там «технический долг», велика ли вероятность запутаться в коде и т. д.	0–1, где 0 – проект технически сложен (например, код был написан неопытным разработчиком, поэтому в нем тяжело разобраться другому специалисту, сюда также могут относиться вопросы, связанные с «техническим долгом»); 1 – на проект можно легко зайти и разобраться (например, код легко читается, разработчик без труда разбирается в нем)	4x
Участие менеджера	Оценка того, позволяет ли клиент участвовать менеджеру в процессе разработки или нет	0–1, где 0 – менеджер остается вне проекта (менеджмент ведется на стороне клиента); 1 – менеджер управляет проектом	4x
Процессы	Оценка того, насколько последовательными являются процессы, построенные в проекте	0–1, где 0 – процессы проекта путают команду, работа становится неэффективной; 1 – процессы проекта последовательны и понятны	4x
		Компонент Проект	
Сроки	Оценка того, насколько в установленные сроки укладывается команда	0–1, где 0 – не укладывается в сроки; 1 – укладывается в сроки	2x
Проблемы проекта	Оценка наличия проблемных ситуаций	0–2, где 0 – были критические проблемы, которые привели к сильному недовольству клиенту, вплоть до отказа работы с компанией; 1 – проблемы были, но не носили критический характер; 2 – проблем не было в принципе	2x
Продуктивность	Оценка продуктивности разработчиков. При этом оцениваться она может по-разному: самими разработчиками либо же менеджером по соответствию выполненных задач к запланированным в рамках отчетного периода	1–4, где 1 – разработчик непродуктивен (например, задачи не были выполнены в целом); 2 – разработчик слабо продуктивен (задачи были выполнены частично); 3 – разработчик умеренно продуктивен (задачи были выполнены); 4 – разработчик перевыполнил план (задачи были выполнены + разработчик выполнил дополнительные задачи)	x
Загруженность	Данная метрика оценивает степень загруженности разработчика	1–4, где 1 – загружен на 25 % и менее; 2 – загружен на 26–50 %; 3 – загружен на 51–75 %; 4 – загружен на 76 % и выше	x
		Компонент Коммуникация	
Скорость ответа разработчиков	Оценка скорости ответа разработчиков по отношению к клиенту	0–2, где 0 – разработчик отвечает долго; 1 – разработчик отвечает умеренно; 2 – разработчик отвечает в срок, при этом точные временные значения подбираются каждой компанией самостоятельно	x
Скорость ответа менеджеров	Оценка скорости ответа менеджеров по отношению к клиенту	0–2, где 0 – менеджер отвечает долго; 1 – менеджер отвечает умеренно; 2 – менеджер отвечает в срок при этом точные временные значения подбираются каждой компанией самостоятельно	x
Удовлетворенность клиента	Оценка уровня удовлетворенности клиента, например в виде снятия регулярных CSI	0–2, где 0 – клиент не удовлетворен оказываемым сервисом; 1 – клиент в целом доволен, но есть возможности роста; 2 – клиент полностью доволен	3x
Вовлеченность клиента	Оценка уровня вовлеченности клиента	0–1, где 0 – клиент не вовлечен в процесс разработки и разговорах о сотрудничестве; 1 – клиент принимает участие в процессе разработки и идет на регулярный контакт с менеджером	3x

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-225-236

Результаты

В качестве примера использования методики представлена оценка трех клиентов из зеленой, желтой и красной зон. Методика позволяет показать условную эффективность от перехода клиента из одной зоны в другую.

Анализ трех клиентов по стратегическим метрикам представлен в табл. 3. Отметим, что мы рекомендуем проводить оценку теми сотрудниками, которые наиболее активно включены в проект – в нашем случае это проектные менеджеры. Они самостоятельно принимают решения по определению баллов на основе наблюдения и практического опыта работы над проектом.

В табл. 3 показано, что клиент, который находится в желтой зоне, преимущественно проигрывает по параметрам блока Коммуникация. Это значит, что с точки зрения бизнеса компании выгодно с ним работать, однако на данный момент времени взаимодействия с ним крайне слабо контролируются менеджером IT-компании, что может перейти в более серьезную проблему. Например, если бы клиент говорил менеджеру заранее о возможных открытых позициях в проекте, то у компании было бы больше времени на то, чтобы предоставить сотрудника. В противном случае у компании может не оказаться сотрудника, а времени на поиски нет, поэтому клиент может стать менее лояльным и перейти в другую компанию.

Клиент в красной зоне преимущественно лидирует по метрикам блока Коммуникация (однако это условно, т. к. с точки зрения самих баллов они также на достаточно низких значениях), при этом блок Бизнес обладает еще более меньшими значениями. Исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что данный клиент, скорее всего, работает с одним и тем же разработчиком и лоялен по отношению к нему, а не компании в целом (на что указывает сложность смены разработчика, но при этом высокий диапазон квалификационной ставки), что достаточно плохо для самой компании, т. к. при потере ресурса уйдет и клиент. Так, от данного клиента правомерно либо отказываться и переводить имеющиеся ресурсы на другой проект, либо же постараться восстановить отношения с ним.

Табл. 3. Анализ клиентов по стратегическим метрикам
Tab. 3. Customer analysis by strategic metrics

Метрика	Зеленая зона (оценка клиента A)	Желтая зона (оценка клиента B)	Красная зона (оценка клиента C)
Компонент Коммуникация			
Контакт с менеджером	3 x 2 = 6 налажен деловой, но не личный контакт	3 x 2 = 6 налажен деловой, но не личный контакт	3 x 1 = 3 у клиента присутствует слабый контакт с менеджером только на уровне отчетности
Легкость смены разработчика	3 x 2 = 6 клиент идет навстречу при замене разработчика, однако менеджеру необходимо предпринять дополнительные усилия, например, презентовать сотрудника либо организовать вхождение в проект на стороне команды	3 x 1 = 3 для смены разработчика потребуются значительные усилия: нужно подготовить его к собеседованию, а также позаботиться о том, чтобы уход предыдущего разработчика был согласован по нормам договора	0 поменять разработчика невозможно – смена разработчика грозит потерей клиента
LTA: командная работа LTP: возвратность	2 x 1 = 2 клиент обсуждает планы компании совместно с менеджером	0 клиент не обсуждает планы компании совместно с менеджером; компания для него, скорее, просто подрядчик, чем бизнес-партнер.	0 клиент не обсуждает планы компании совместно с менеджером
Доступность клиента	2 x 1 = 2 клиент доступен в согласованные с менеджером часы	0 клиент не доступен и не отвечает в согласованные с менеджером часы	2 x 1 = 2 клиент доступен в согласованные с менеджером часы
Отзывы	1 клиент принимал участие в создании маркетинговых материалов	1 клиент принимал участие в создании маркетинговых материалов	1 клиент принимал участие в создании маркетинговых материалов
Итого	17 баллов	10 баллов	6 баллов

Метрика	Зеленая зона (оценка клиента А)	Желтая зона (оценка клиента В)	Красная зона (оценка клиента С)
Компонент Бизнес			
Запросы на дополнительные ресурсы	2 x 1 = 2 были запросы со стороны клиента на новых разработчиков в указанном периоде	2 x 1 = 2 были запросы со стороны клиента на новых разработчиков в указанном периоде	0 не наблюдалось запросов на дополнительные ресурсы в указанный период
Масштабируемость команды	2 x 3 = 6 команда выросла за указанный период	2 x 3 = 6 команда выросла за указанный период	0 команда не увеличивалась за указанный период
Повышение часовых ставок	3 x 1 = 3 происходили повышения часовых ставок за указанный период	3 x 1 = 3 происходили повышения часовых ставок за указанный период	0 ставки не увеличивались за указанный период
Стадия бизнеса клиента	1 бизнес клиента функционирует	1 бизнес клиента функционирует	0 бизнес клиента не функционирует нормально, есть вероятность банкротства
Средняя часовая ставка*	2 x 1 = 2 клиент находится в среднем диапазоне ставок с точки зрения компании	2 x 2 = 4 клиент находится в высоком диапазоне ставок с точки зрения компании	2 x 2 = 4 клиент находится в высоком диапазоне ставок с точки зрения компании
Итого	14 баллов	16 баллов	4 балла
Итоговые значения	31 балл (82 %)	26 баллов (68 %)	10 баллов (27 %)

Прим.: * – точная цифра не оглашается в данной работе в целях сохранения конфиденциальности информации.

Предположим, что исходные данные по проектам трех проанализированных клиентов представлены в табл. 4. Для упрощения анализа и расчетов мы специально взяли два параметра – квалификационную ставку и длительность проекта, чтобы продемонстрировать эффективность при перемещении разработчика с одного проект на другой.

С точки зрения выручки выигрывает проект клиента А, который находится в зеленой зоне: несмотря на то, что ставки оплаты в данном проекте находятся в среднем сегменте, проект обеспечивает компанию постоянной занятостью, т. к. проект является длительным. Кроме того, хороший контакт с менеджером будет способствовать пересмотру квалификационной ставки на 10 % в год. Также выигрышным является и проект клиента В, который находится в желтой зоне: если менеджер сможет наладить контакт с клиентом, то вполне вероятно, что компания обзаведется еще одним «зеленым» клиентом с более высокой квалификационной ставкой и долгосрочным проектом. Проект клиента С, который находится в красной зоне, достаточно рискован, т. к. не только сильно зависит от разработчика, но и объем работы определен всего лишь на 3 месяца, а в условиях нестабильного бизнеса клиента дальнейших задач может и не поступать. Отметим, что рассмотрены типовые расчеты: на проекте клиента А, например, уже могут работать несколько разработчиков, в то время как проект клиента С сосредоточен на работе с одним и тем же разработчиком, что также влияет на проводимый анализ.

Аналогичный анализ проведем и по операционным метрикам (табл. 5). В предложенной методике в стратегическом аспекте мы анализируем клиентов с точки зрения удобства работы с заказчиком, а в операционном – текущие

Табл. 4. Параметры проектов клиентов А, В и С
Tab. 4. Client A, B, and C project parameters

Параметр	Клиент А	Клиент В	Клиент С
Квалификационная ставка	$30, но с возможным ростом на 10 % в год	$40, на данный момент ставка остается неизменной, но может измениться, если наладить контакт с менеджером	$40, ставка остается неизменной
Длительность проекта	12 месяцев = 1920 часов	6 месяцев = 960 часов	3 месяца = 480 часов
Выручка	30 x 1920 = $57,600	40 x 960 = $38,400	40 x 480 = $19,200

бизнес-процессы выполнения проекта. Исходя из проведенного анализа, можно отметить, что у клиента желтой зоны страдает компонент Изначальные данные: в силу наличия «технического долга» и отсутствия коммуникационных процессов данный проект априори не может быть в зеленой зоне, т. к. подобные недочеты вызывают определенные риски при планировании и реализации проекта. Кроме того, в проекте есть очевидные проблемы со скоростью ответа разработчиков, что в том числе может быть вызвано сложностью проекта. Возникает необходимость в большем количестве времени на проведение технического исследования при ответе на вопросы клиента. Также существует проблема элементарной неорганизованности команды как следствие отсутствия приоритизации задач и запросов. Именно поэтому необходимо работать над компонентом Изначальные данные, т. к. от него зависят метрики и других компонентов и процесс разработки всего проекта в целом.

Табл. 5. Анализ клиентов по операционным метрикам
Tab. 5. Customer analysis by operational metrics

Метрика	Зеленая зона (оценка клиента А)	Желтая зона (оценка клиента В)	Красная зона (оценка клиента С)
Компонент Изначальные данные			
Техническая сложность проекта	4 x 1 = 4 проект данного клиента не представляет собой технической сложности, т. к. не имеет «технического долга» и над ним достаточно просто начать работать	0 проект клиента обладает «техническим долгом», проблематично начать работать с нуля	0 проект клиента обладает «техническим долгом», проблематично начать работать с нуля
Участие менеджера	0 на данном проекте менеджер не принимает непосредственное участие в управлении проектом, весь менеджмент лежит на стороне клиента	4 x 1 = 4 менеджер вовлечен в процесс управления проектом	4 x 1 = 4 менеджер вовлечен в процесс управления проектом
Процессы	4 x 1 = 4 процессы данного проекта организованы и стандартизированы: разработчики понимают рабочий процесс и следуют ему	0 процессы проекта не стандартизированы, нет четкого рабочего процесса	0 процессы проекта не стандартизированы, нет четкого рабочего процесса
Итого	8 баллов	4 балла	4 балла
Компонент Проект			
Сроки	0 в данном периоде сроки были нарушены	2 x 1 = 2 в текущем периоде разработчики укладываются в сроки	0 в данном периоде сроки были нарушены
Проблемы проекта	2 x 2 = 4 проблем нет	2 x 2 = 4 проблем нет	0 в данном периоде в проекте были проблемы, вызванные неопытностью разработчика
Продуктивность	3 x 1 = 3 разработчик умеренно продуктивен: работы выполняются, но переработок нет	3 x 1 = 3 разработчик умеренно продуктивен: работы выполняются, но переработок нет	4 x 1 = 4 разработчик был чрезмерно продуктивен и перерабатывал, т. к. это было связано с его неопытностью и сложной задачей
Загруженность	3 x 1 = 3 разработчик загружен на 75 %, в течение периода были простои из-за отсутствия задач	3 x 1 = 3 разработчик загружен на 75 %, в течение периода были простои из-за отсутствия задач	2 x 1 = 2 фактически разработчик был загружен на 50 %, переработки были вызваны неопытностью и сложностью задачи, а также проекта в целом
Итого	10 баллов	12 баллов	6 баллов

Метрика	Зеленая зона (оценка клиента А)	Желтая зона (оценка клиента В)	Красная зона (оценка клиента С)
Компонент Коммуникация			
Скорость ответа разработчиков	2 x 1 = 2 разработчик отвечает точно в срок, при этом компания установила стандартный срок для ответа в течение рабочего дня, т. к. для ответа по какому-либо вопросу может потребоваться время на проведение небольшого исследования	1 x 1 = 1 разработчик не отвечает в установленные сроки, однако не превышает критические сроки ответа (больше двух рабочих дней)	1 x 1 = 1 разработчик не отвечает в установленные сроки, однако не превышает критические сроки ответа
Скорость ответа менеджеров	2 x 1 = 2 менеджер отвечает в срок, стандартное время ответа – 1 час в рабочее время, т. к. менеджер является связующим коммуникационным звеном	2 x 1 = 2 менеджер отвечает в срок	2 x 1 = 2 менеджер отвечает в срок
Удовлетворенность клиента	2 x 3 = 6 по итогам месяца клиентам предлагается оценить степень удовлетворенности работой (не удовлетворен; удовлетворен, но возможны улучшения; полностью удовлетворен), на базе чего была собрана данная оценка	2 x 3 = 6 клиент полностью всем удовлетворен	0 в данном периоде клиент был не удовлетворен работой в связи с неопытностью разработчика и переработками с его стороны
Вовлеченность клиента	3 x 1 = 3 клиент идет на регулярный контакт с менеджером и вовлечен в процесс разработки	3 x 1 = 3 клиент идет на регулярный контакт с менеджером и вовлечен в процесс разработки	3 x 1 = 3 клиент идет на регулярный контакт с менеджером и вовлечен в процесс разработки
Итого	13 баллов	12 баллов	6 баллов
Итоговые значения	31 балл (81 %)	28 баллов (73 %)	16 баллов (42 %)

Если же обратиться к проекту клиента С, который находится в красной зоне, то можно отметить две проблемы, которые в итоге и привели к таким результатам: во-первых, в проекте недостаточный уровень оценки компонента Изначальные данные; во-вторых, со стороны компании было принято не совсем верное управленческое решение – завести начинающего разработчика на такой сложный с точки зрения технической составляющей и отсутствия процессов проект, что привело к плохим результатам с точки зрения превышения сроков, переработок и прочего. Так, если бы в проекте не было этих проблем, то можно было бы назначить на проект начинающего разработчика, однако в текущих условиях нужен более опытный разработчик. Либо необходимо отказаться от задач в текущем периоде в целом, т. к. клиент относится к «красному» сегменту и с точки зрения стратегических метрик.

Обсуждение

Несмотря на то, что предлагаемая нами методика находится на стадии разработки, уже на данный момент можно выделить следующие недостатки и возможности:

1. Методика ориентирована на принятие решений в области сотрудничества, кадрового менеджмента и координации в проектах. К сожалению, на данный момент в ней не учитываются никакие экономические показатели, что ограничивает ее использование в рамках экономического анализа проекта. При этом, как мы уже отмечали выше, данная методика может дополняться другими, например методикой функционально-стоимостного анализа, однако на данный момент нами не была проведена взаимосвязь между двумя подходами для вывода интегрирующего показателя.

2. Методика в больше степени ориентирована на те компании, цикл проектов которых составляет более года. Разумеется, для меньших сроков мы выделили сегмент STC-клиентов, однако без наличия долгосрочных клиентов большая часть методики не имеет смысла, т. к. она идет от частного к общему: от оценки проекта к оценке клиента как потенциального партнера.

3. На данный момент перевод STC-клиентов в LTA- и LTP-клиенты осуществляется на основе одного критерия – срока сотрудничества, однако мы не считаем, что это показательная метрика. Так, при наличии конкуренции

за ресурс клиента в рамках компании подобные клиенты могут быть также либо теми, с кем можно эффективно сотрудничать, либо теми, с кем данное сотрудничество невыгодно.

4. Данная методика все еще является субъективной, т. к. заполняется менеджерами самостоятельно и полагается исключительно на их восприятие.

Заключение

В работе предложен методический подход к оценке проектной деятельности в IT-компаниях, работающих по модели аутсорсинга, проанализированы основные недостатки и пути развития предлагаемой методики в дальнейшем. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в качестве практического инструмента в аутсорсинговых IT-компаниях, ориентированных на проектную деятельность, в научных исследованиях, связанных с управлением проектами и анализом экономической эффективности в целом.

В качестве примера проанализированы три клиента по стратегическим и операционным метрикам, предложены варианты дальнейших действий исходя из полученных результатов. Применение методики демонстрирует необходимость выстраивания долгосрочных коммуникационных бизнес-процессов, связанных с обеспечением качественной работы IT-компании и клиента, что в результате должно обеспечить стабильный экономический эффект.

Разработанная методика не стандартизирована, и компании вправе самостоятельно определять набор интересующих их метрик, а также расставлять весовые коэффициенты. Тем не менее мы считаем, что предлагаемые метрики подойдут для большинства IT-компаний, работающих по модели аутсорсинга, поэтому данная методика может быть использована на практике либо в научной деятельности в предлагаемом нами виде.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: П. А. Сапожников – исполнитель проекта. Ю. Б. Коложвари – руководитель проекта.
Contribution: P. A. Sapozhnikov performed the research. Y. B. Kolozhvari supervised the project.

Литература / References

1. Фейгин Г. Ф., Гайдук А. Б. Рынок аутсорсинга информационных услуг: новейшие тенденции. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* 2021. № 4. С. 81–86.
   Feygin G. F., Hayduk A. B. ICT outsourcing market: new trends of development. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta*, 2021, (4): 81–86. (In Russ.)
2. Боркова Е. А., Манжукова Д. Т., Медведева Н. Д. Анализ развития IT-аутсорсинга в России с учетом рисков его использования. *Петербургский экономический журнал.* 2019. № 3. С. 131–138. https://doi.org/10.25631/PEJ.2019.3.131.138
   Borkova E. A., Manzhukova D. T., Medvedeva N. D. Analysis of the IT outsourcing development in Russia referring risks of its use. *St. Petersburg Economic Journal*, 2019, (3): 131–138. https://doi.org/10.25631/PEJ.2019.3.131.138
3. Лисицын М. О. Проблемы использования IT-аутсорсинга и возможные пути их решения в России. *Инновации и инвестиции*. 2016. № 9. С. 68–73.
   Lisitsyn M. O. Problems of IT outsourcing and their solutions in Russia. *Innovation & Investment*, 2016, (9): 68–73. (In Russ.)
4. Божинова К. Оценяване клиентската привлекателност за аутсорсинг на печатни услуги. Годишен алманах. *Научни изследвания на докторанти на СА Д. А. Ценов – Свищов*. Свищов: АИ Ценов, 2014. Кн. 7. С. 164–198. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2748455
   Bozhinova K. Assessing customer appeal for MPS. Anual Almanac. *Scientific research on doctoral studies at D. A. Tsenov Academy of Economics in Svishtov.* Svishtov: AI Tsenov, 2014, book 7, 164–198. (Bulg.) http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2748455
5. Казаков В. В., Грачев А. Е. Методы оценки проектов. *Вестник Томского государственного университета*. 2006. № 292-2. С. 392–395.
   Kazakov V. V., Grachev A. E. The methods project's evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (292-2): 392–395. (In Russ.)
6. Никоненко П. Г., Бочаров В. А., Клюева Ю. С., Буквич Р. М. Теоретические аспекты лояльности покупателя. 15*th International Multidisciplinary Scientific Conference – Eurobrand*. (Zrenjanin, 24–26 Nov 2017) Zrenjanin: TQM Center – Inventive Center, 2017. С. 140–158. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3161293 (дата обращения: 09.03.2022).
   Nikolenko P. G., Bocharov V. A., Klyueva Y. S., Bukvić R. M. Theoretical aspects of buyer loyalty. *15th International Multidisciplinary Scientific Conference – Eurobrand*, Zrenjanin, 24–26 Nov 2017. Zrenjanin: TQM Center – Inventive Center, 2017, 140–158. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3161293 (accessed 9 Mar 2022). (In Russ.)

7. Сергиевский М. В., Конкин А. Ю. Использование дескрипционной логики для оптимизации диаграмм классов UML. *Cloud of Science*. 2017. Т. 4. № 3. С. 465–479.
Sergievsky M. V., Konkin A. Yu. Optimization of UML class diagrams via description logic. *Cloud of Science*, 2017, 4(3): 465–479. (In Russ.)
8. Труфанов В. А. Применение методологии User story в веб-разработке. *Chronos: естественные и технические науки.* 2020. № 3. С. 4–5.
Trufanov V. A. Application of the User story method in web processing. *Chronos: natural and technical sciences*, 2020, (3): 4–5. (In Russ.)
9. Соколова Е. С. Особенности маркетинговой деятельности IT-компаний. *Beneficium*. 2019. № 2. С. 47–56. https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.2(31).47-56
Sokolova E. S. Peculiaities of the marketing of IT-companies. *Beneficium*, 2019, (2): 47–56. (In Russ.) https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.2(31).47-56
10. Семенов С. А., Кукарцев В. В., Разумняк А. В. Разработка методики предварительной оценки IT-проектов. *Инновации и инвестиции.* 2018. № 6. С. 73–76.
Semenov S. A., Kukartsev V. V., Razumniak A. V. Development of a methodology for the preliminary assessment of IT projects. *Innovation & Investment*, 2018, (6): 73–76. (In Russ.)
11. Хапов А. В., Масленников К. Ю. Описание бизнес-процессов с использованием карт пользовательских историй. *StudNet*. 2020. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-biznes-protsessov-s-ispolzovaniem-kart-polzovatelskih-istoriy (дата обращения: 15.12.2021).
Khapov A. V., Maslenikov K. Yu. Description of business processes using user story mapping. *StudNet*, 2020, (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-biznes-protsessov-s-ispolzovaniem-kart-polzovatelskih-istoriy (accessed 15 Dec 2021). (In Russ.)
12. Копкова Е. С., Власова Ю. Е. Индекс лояльности клиента – рычаг управления стратегией компании. *Фундаментальные исследования*. 2018. № 12-1. С. 119–124.
Kopkova E. S. Vlasova Yu. E. Customer's loyalty index – control lever of company's strategy. *Fundamental research*, 2018, (12-1): 119–124. (In Russ.)

оригинальная статья

Исследование производительности труда горняков на разрезах и шахтах Кемеровской области – Кузбасса

Батиевская Вероника Богдановна
Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-0295-3780
batvb@kemsma.ru

Соколовский Михаил Владимирович
Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-7311-5584

Поступила 24.11.2021. Принята после рецензирования 28.04.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Динамичное социально-экономическое развитие России, среди прочих условий, должно опираться на рост численности рабочей силы и производительности труда. Предметом исследования является анализ производительности труда в угледобывающих регионах и изучение опыта ее повышения на горняцких предприятиях Кемеровской области – Кузбасса. Поставлена цель – исследовать динамику индекса производительности труда как по экономике России в целом, так и по угледобывающим регионам за двенадцать лет; выявить основные тенденции в управлении производительностью труда на угольных предприятиях региона. В результате работы были получены следующие выводы: по статистическим данным индекс производительности труда в России незначительно снижается, особенно в добывающих отраслях; избежать эту негативную тенденцию позволят новые методы управления персоналом, развитие социально-трудовых отношений, повышение вовлеченности работников в трудовой процесс и формирование у них конструктивного сознания, цифровизация всех технологических процессов, развитие оплаты труда на основе эффективного контракта.
Ключевые слова: производительность труда, угледобывающий регион, управление персоналом, социально-трудовые отношения, цифровизация производства, качество трудовых ресурсов предприятия

Цитирование: Батиевская В. Б., Соколовский М. В. Исследование производительности труда горняков на разрезах и шахтах Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 2. С. 237–242. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-237-242

full article

Labor Productivity of Miners at Open Pits and Mines of the Kemerovo Region

Veronika B. Batievskaya
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-0295-3780
batvb@kemsma.ru

Mikhail V. Sokolovsky
Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-7311-5584

Received 24 Nov 2021. Accepted after peer review 28 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The dynamic socio-economic development of Russia depends on the growth of labor force and productivity. This article introduces an analysis of labor productivity in coal-mining regions and the experience of Kuzbass mining. The authors explored the twelve-year dynamics of the labor productivity index both for the Russian economy as a whole and for its coal-mining regions. They identified the main trends in the management of labor productivity at the coal enterprises of the Kemerovo Region. The statistical analysis showed that the labor productivity index in Russia is slightly declining, especially in the mining industry. This negative trend can be avoided by applying new methods of personnel management, developing social and labor relations, involving employees in the labor process and encouraging their labor awareness, digitalizing all technological processes, and developing an effective contract.
Keywords: labor productivity, coal mining region, personnel management, social and labor relations, digitalization of production, quality of labor resources of the enterprise

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Batievskaya V. B., Sokolovsky M. V. Labor Productivity of Miners at Open Pits and Mines of the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 237–242. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-237-242

Введение

Общей темой работы является актуальная проблематика повышения производительности труда как одного из основных стратегических факторов устойчивого развития экономики в целом. Актуальность данной темы подтверждается ее широким обсуждением как отечественными [1; 2], так и зарубежными исследователями [3–6].

Прогнозируя социально-экономическое развитие России до 2036 г., Правительство РФ среди прочих факторов опирается на рост численности рабочей силы и производительности труда, модернизацию основных фондов и развитие инноваций, что в итоге должно привести к увеличению совокупной производительности, к синергетическому эффекту от вышеперечисленных структурных изменений[1]. Этот прогноз актуализирует проблему повышения производительности труда – обобщающего показателя использования рабочей силы как ценности, которую работник создает на единицу своего вклада в трудовой процесс [7]. Цель исследования – сформулировать основные тенденции в управлении производительностью труда. Проблемы управления производительностью труда достаточно хорошо изучены отечественными и зарубежными авторами. Например, описаны типы и виды процесса стратегического планирования, обоснован постулат, что от данного показателя зависит эффективность функционирования организации, региона и государства [8; 9]. Уточняется роль органов государственной и муниципальной власти в разработке методического инструментария стратегического планирования развития территорий, в том числе и за счет повышения производительности труда [10].

Методы и материалы

В процессе исследования был проведен анализ данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), научных публикаций на данную тему, анализ динамических рядов распределения [11–13].

Росстат ежегодно рассчитывает и публикует индекс производительности труда ($I_{пр.т}$). Индекс рассчитывается по методике, утвержденной Приказом Росстата № 274 от 28.04.2018. Iпр.т рассчитывается как отношение индекса физического объема ВВП к изменению совокупных затрат труда в процентах:

$$I_{пр.т} = (I_{ВВП} \div I_{ЗТ}) \times 100\ \%,$$

где $I_{ВВП}$ – индекс физического объема валового внутреннего продукта периода t к периоду t-1; $I_{зт}$ – индекс совокупных затрат труда периода t к периоду t-1 (включен как производственный, так и административно-управленческий персонал, т. к. он также косвенно вносит вклад в производство конечной продукции).

Индекс физического объема ВВП рассчитывается исходя из абсолютных значений этого показателя в постоянных ценах. Индексы изменения совокупных затрат труда определяются на основе трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления. Оценка затрат труда происходит исходя из количества рабочих мест и отработанного времени за год (количество фактически отработанных человеко-часов на всех рабочих местах) [14, с. 10].

Результаты

По данным Росстата, $I_{пр.т}$ постепенно снижается, причем по добывающим отраслям динамика снижения выраженнее, чем в целом по экономике России (рис.[2]).

Выявим причины низкой производительности труда в добывающих отраслях на примере угледобычи, для чего охарактеризуем крупнейшие регионы угледобывающей специализации, обозначив ключевые компании:

1. Красноярский край (разведанные запасы угля около 638 млрд т): «СУЭК-Красноярск», «Сибуголь», «ТД "Уголь-Трейдинг"», «Красноярсккрайуголь».
2. Забайкальский край (общие запасы угля около 2,24 млрд т): «СУЭК», «Разрез Харанорский», «Разрез Тугнуйский», «Читауголь», разрезоуправление «Уртуйское».
3. Республика Саха (Якутия) (балансовые запасы угля более 14 млрд т): «Якутуголь» («Мечел»), «УК "Колмар"», «Эльгауголь».
4. Сахалинская область (ресурсы угля 47,8 млрд т): «Восточная горнорудная компания», «УК "Сахалинуголь"», «Углегорскуголь».
5. Республика Коми (запасы угля 242 млрд т): «Воркутауголь», «Интауголь».
6. Приморский край (балансовые запасы угля 2,24 млрд т): «Приморскуголь», «Дальинвестуголь».
7. Кемеровская область – Кузбасс (общие запасы угля 635 млрд т): «УК "Кузбассразрезуголь"», «Южный Кузбасс» («Мечел»), «СУЭК-Кузбасс», «СДС-Уголь», «Распадская», «Угольная компания "Северный Кузбасс"», «ОУК "Южкузбассуголь"».

[1] Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036 года. Утв. Правительством РФ 22.11.2018. URL: https://cheladmin.ru/sites/default/files/n/page/25381/upload/dolgosrochnyyprognozrf.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

[2] См. файл *Индекс производительности труда* на странице: Национальные счета. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 20.10.2021).

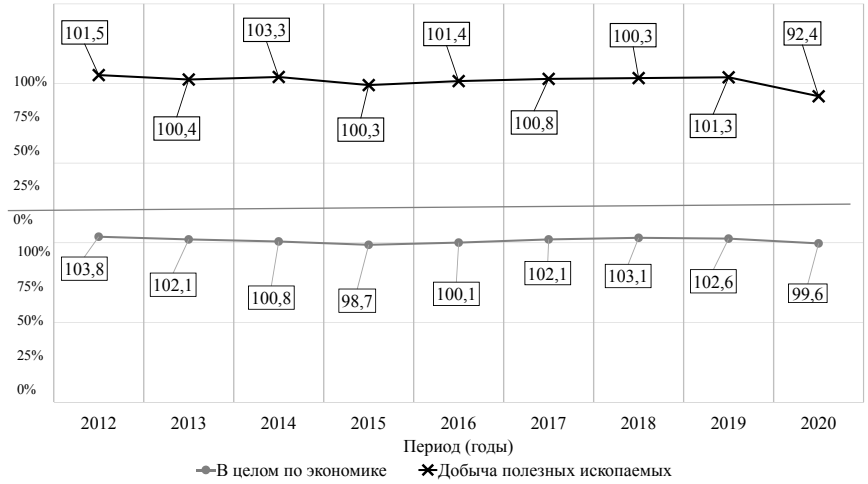

Рис. Динамика индекса производительности труда в экономике РФ, % к предыдущему году
Fig. Dynamics of the labor productivity index in the Russian economy, % compared to the previous year

Динамика индекса производительности труда в угледобывающих регионах России показывает, что за 2008–2019 гг. в большинстве регионов России и в целом по стране происходит его понижение (табл.[3]).

Как правило, низкая производительность обусловлена следующими факторами [15]:

- применяемые на перечисленных предприятиях методы управления направлены преимущественно на материально-технические преобразования, а не на инвестиции в человеческий капитал;
- менеджеры не уделяют должного внимания организационным механизмам регулирования социально-трудовых отношений между участниками трудового процесса (рабочими, линейными руководителями);
- работники имеют низкую вовлеченность в трудовой процесс, у них формируется деструктивное сознание, характеризующееся активным или пассивным сопротивлением повышению производительности труда; деструктивное поведение выражается в искажении и сокрытии информации о состоянии организации и безопасности труда.

Рассмотрим подходы к обеспечению должного уровня производительности труда горняков на примере Кемеровской области – Кузбасса. Регион входит в состав Сибирского федерального округа, занимает площадь 95725 км^2 (34 место по РФ), население на 01.01.2022 составляет 2604272 человека, валовый региональный продукт в 2020 г. составил 1110415,1 млн руб. (21 место по РФ). Отраслевая структура экономики Кузбасса такова: добыча полезных ископаемых (42,1 %); обрабатывающее производство (14 %); сельское хозяйство (2,2 %); строительство (5,4 %); оптовая и розничная торговля (26,3 %); прочее (10 %). В регионе можно выделить две крупные городские агломерации с центрами в Новокузнецке и Кемерове. Под агломерацией мы понимаем «не только компактное расположение населенных пунктов в пространственном смысле, но и их объединение, обладающее развитыми промышленными, технологическими, социальными и экономическими связями» [16, с. 90]. В Кемеровской агломерации расположено крупнейшее угледобывающее предприятие «СУЭК-Кузбасс» (ежегодный объем добычи угля энергетических марок свыше 30 млн т).

Табл. Индекс производительности труда в угледобывающих регионах РФ, % к предыдущему году
Tab. Labor productivity index in coal-mining regions of the Russian Federation, % compared to the previous year

Субъект РФ	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	104,8	95,9	103,2	103,8	103,8	102,1	100,8	98,7	100,1	102,1	103,1	102,6
Республика Коми	103,4	100,4	103,0	107,3	103,5	98,9	98,3	101,0	100,6	99,6	100,0	102,7
Красноярский край	104,2	99,6	105,1	105,6	105,1	102,6	101,1	98,3	103,3	103,1	103,2	99,9
Республика Саха (Якутия)	106,8	98,0	101,7	105,8	103,0	101,1	103,3	101,9	103,2	99,4	102,9	102,3
Забайкальский край	108,9	105,3	103,9	108,7	101,7	98,5	95,6	100,7	101,8	104,3	100,6	104,6
Приморский край	106,7	103,3	106,9	106,7	93,3	99,0	101,7	99,8	94,3	102,6	101,1	108,2
Сахалинская область	95,4	111,5	108,1	103,5	98,0	101,1	100,9	103,6	102,2	96,0	108,2	100,9
Кемеровская область	102,1	97,6	102,0	101,6	95,7	97,3	104,1	102,2	98,0	103,8	102,9	102,1

[3] См. файл *Индекс производительности труда по субъектам Российской Федерации* на странице: Эффективность экономики России. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11186 (дата обращения: 20.10.2021).

Отметим, что благодаря закрытому способу добычи угля существенно повышается его себестоимость. Угольный холдинг «СДС-Уголь» имеет предприятия, шахты и разрезы в обеих агломерациях [16, с. 90]. Открытой добычей угля занимаются преимущественно предприятия, расположенные на юге Кузбасса, например, «УК "Кузбассразрезуголь"» [17].

С целью повышения производительности труда в «СУЭК-Кузбасс» необходимо опираться на разработанную и внедренную на предприятиях «СУЭК» программу повышения операционной эффективности, которая реализуется по следующим направлениям:

комплексная ликвидация горнотехнических ограничений за счет изменения концепции ведения горных работ, для чего перепроектируются добычные предприятия на основе системного принципа;

разработка новой технической политики, формализующей подходы к выбору технологического оборудования и задающей вектор технического развития предприятий в среднесрочной перспективе;

внедрение новых принципов организации производства и мотивации персонала за счет дифференцированного подхода к организации труда для каждого технологического процесса.

В результате производительность труда производственного персонала за период 2007–2019 гг. выросла в два раза (т/человек/мес.)[4].

В «СДС-Уголь» разработан и реализуется проект формирования цифрового горного предприятия, который неизбежно приведет к повышению производительности труда. Проект включает следующие этапы:

1. Внедрение промышленного телевидения (визуальный мониторинг и контроль ведения подземных горных работ, соблюдения требований промышленной безопасности и охраны труда в режиме реального времени).
2. Система позиционирования горнорабочих и транспорта (автоматизированный мониторинг и контроль местоположения персонала и внутришахтного транспорта в подземных выработках с представлением информации диспетчеру шахты и аварийно-спасательным службам в режиме реального времени).
3. Диспетчерско-аналитическая система для подземных работ (автоматизированный мониторинг и контроль параметров производственных объектов с формированием объективной информации о состоянии технологического оборудования и эффективности технологических процессов в режиме реального времени).

Помимо этого проект включает программные комплексы по обеспечению промышленной безопасности и охраны труда, автоматизации и визуализации всего комплекса геологоразведочных работ, автоматическому распределению карьерных автосамосвалов под экскаваторами в целях сокращения внутрисменных простоев в ожидании погрузки и повышения производительности горнотранспортного оборудования и др.[5]

В «УК "Кузбассразрезуголь"», входящей в структуру крупного холдинга «Уральская горно-металлургическая компания», разработана и с 2017 г. реализуется программа оценки компетенций персонала. Цель программы – повышение квалификации работников и увеличение производительности труда представителей профильных горняцких специальностей. С помощью IT-программы определяется уровень профессионализма работника, степень его соответствия требованиям корпоративных характеристик квалификаций. С помощью этой программы ускоряется процедура оценки персонала, охватывается большее количество работников, в электронной форме ускоряется документооборот. После оценки автоматически формируются индивидуальные планы развития для повышения квалификации горняков, а также анализируется производительность труда и качество трудовых ресурсов предприятия[6]. Следующим шагом происходит увязка степени реализации трудового потенциала работника и системы вознаграждения. В подразделении «УК "Кузбассразрезуголь"» «Кедровский угольный разрез» введена современная форма оплаты труда стимулирующего характера «Система эффективного контракта», что позволило решить следующие задачи:

- сформировать организационно-правовые условия для повышения производительности на основе эффективной системы оплаты труда;
- создать условия для развития кадрового потенциала предприятия и формирования базы «Кадровый резерв» с целью реализации возможности замещения вакантных должностей из внутренних источников;
- сформировать нацеленность персонала на выполнение показателей эффективности использования производственных мощностей, достижение более высоких результатов и повышение рейтинга предприятия в общероссийском классификаторе предприятий угольной добывающей промышленности.

Заключение

Изучив практический опыт угольных предприятий Кемеровской области – Кузбасса, а также результаты научно-практических работ других исследователей [18], авторы приходят к выводу, что основными трендами

[4] Операционная эффективность. *СУЭК*. URL: http://www.suek.ru/our-business/production/operating-efficiency/ (дата обращения: 26.10.2021).

[5] Алексеев Г. Ф. Безопасное высокоэффективное производство угольной продукции. *ИнЭИ РАН*. 12.12.2019. URL: https://www.eriras.ru/files/2_alekseev.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

[6] Профессионализм работников УК «Кузбассразрезуголь» оценит компьютер. 28.02.2020. URL: https://ugmk.com/press/news/professionalizm-rabotnikov-uk-kuzbassrazrezugol-otsenit-kompyuter/ (дата обращения: 27.09.2021).

в вопросах повышения производительности труда на угольных предприятиях должны стать:

- применение методов управления персоналом, направленных на инвестиции в человеческий капитал;
- развитие организационных механизмов, регулирующих социально-трудовые отношения между участниками трудового процесса;
- повышение вовлеченности работников в трудовой процесс и формирование у них конструктивного сознания, характеризующегося содействием инновационному развитию предприятия;
- внедрение новых принципов организации производства и мотивации персонала, повышение квалификации горняков, чего требует появление на предприятиях высокоинтеллектуальной техники;
- цифровизация всех технологических процессов, их мониторинг и контроль в режиме реального времени, переход от традиционной шахты к «интеллектуальной»;
- создание организационно-правовых условий для повышения производительности на основе эффективного контракта, формирующего нацеленность персонала на достижение более высоких результатов и повышение рейтинга предприятия.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Криволапова К. О. Анализ производительности труда и оценка влияния отдельных факторов на производительность труда. *Финансово-экономические и технологические проблемы развития регионов*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. (Ставрополь, 11–12 апреля 2019 г.) Ставрополь: Секвойя, 2019. С. 120–122.
Krivolapova K. O. Analysis of labor productivity and assessment of the effect of individual factors on labor productivity. *Financial, economic and technological problems of regional development:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. of Young Scientists, Stavropol, 11–12 Apr 2019. Stavropol: Sekvoiia, 2019, 120–122. (In Russ.)
2. Юркова С. Ю., Савкина Т. В. Проблемы производительности труда в России. *Студенческая наука Подмосковью*: мат-лы Междунар. науч. конф. молодых ученых. (Орехово-Зуево, 25–26 апреля 2017 г.) Орехово-Зуево: ГГТУ, 2017. С. 718–720.
Yurkova S. Yu. Problems of labor productivity in Russia. *Student science near Moscow*: Proc. Intern. Sci. Conf. of Young Scientists, Orekhovo-Zuevo, 25–26 Apr, 2017. Orekhovo-Zuevo: MGOGI, 2017, 718–720. (In Russ.)
3. Battisti M., Vallanti G. Flexible wage contracts, temporary jobs and worker performance: evidence from Italian firms. *CeLEG Working Paper Series*. 2011, (5): 29. URL: http://static.luiss.it/RePEc/pdf/celegw/1105.pdf (accessed 20 Oct 2021).
4. Cirillo V., Fana M., Guarascio D. Labour market reforms in Italy: evaluating the effects of the Jobs Act. *Economia Politica*, 2017, 34(2): 211–232. https://doi.org/10.1007/s40888-017-0058-2
5. Dosi G., Pereira M. C., Roventini A., Virgillito M. E. T*he effects of labour market reforms upon unemployment and income inequalities: an agent based model*. 2016. 33 p. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2804220
6. Kleinknecht A., Kwee Z., Budyanto L. Rigidities through flexibility: flexible labour and the rise of management bureaucracies. *Cambridge Journal of Economics*, 2016, 40(4): 1137–1147. https://doi.org/10.1093/cje/bev056
7. Наседкина Л. В., Чирухина Т. К. Факторы и стимулы роста производительности труда на современных промышленных предприятиях России. *Энигма*. 2021. № 29-1. С. 11–20.
Nasedkina L. V., Chirukhina T. K. Factors and incentives for the growth of labor productivity at modern industrial enterprises in Russia. *Enigma*, 2021, (29-1): 11–20. (In Russ.)
8. Пак О. А. Типы и виды стратегического планирования производительности труда в контексте обеспечения развития предпринимательских структур. *Экономика и социум: современные модели развития*. 2020. Т. 10. № 1. С. 41–48. https://doi.org/10.18334/ecsoc.10.1.100613
Pak O. A. Types and kinds of strategic planning of labor productivity in the context of ensuring the business structures development. *Economics and society: contemporary models of development*, 2020, 10(1): 41–48. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ecsoc.10.1.100613
9. Смирнов В. В., Мулендеева А. В. Приоритеты современной структуры российской макроэкономики. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. № 4. С. 613–630. https://doi.org/10.24891/ni.16.4.613
Smirnov V. V., Mulendeeva A. V. Priorities of the current structure of the Russian macroeconomics. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2020, 16(4): 613–630. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/ni.16.4.613

10. Алферов А. Е., Кремлев Н. Д. Совершенствование системы стратегического планирования и управления устойчивым развитием муниципальных образований. *Концепция развития производительных сил Курганской области*: мат-лы науч.-практ. конф. (Курган, 17 ноября 2017 г.) Курган: Курганский государственный университет, 2017. С. 37–49.
Alferov A. E., Kremlev N. D. Improving the system of strategic planning and management of sustainable development of municipalities. *The concept of the development of the productive forces of the Kurgan region*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Kurgan, 17 Nov 2017. Kurgan: Kurgan State University, 2017, 37–49. (In Russ.)
11. Михненко О. Е., Салин В. Н. От статистического анализа данных к анализу реальных явлений на основе статистической информации. *Наука о данных*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 196–199.
Mikhnenko O. E., Salin V. N. From statistical analysis of data to the analysis of real phenomena based on statistical information. *Data Science*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 5–7 Feb 2020. St. Petersburg: SPbSUE, 2020, 196–199. (In Russ.)
12. Михненко О. Е. Цифровые технологии и эффективность статистических показателей. *Цифровая трансформация в экономике транспортного комплекса*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5–6 декабря 2018 г.) М.: РУТ (МИИТ), 2019. С. 207–216.
Mikhnenko O. E. Digital technologies and the efficiency of statistical indicators. *Digital transformation in transport economics*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 5–6 Dec 2018. Moscow: RUT (MIIT), 2019, 207–216. (In Russ.)
13. Шамсутдинова Т. М. Технологии интеллектуального анализа статистических данных (на примере кластерного анализа показателей сельскохозяйственного производства субъектов РФ). *Современные научно-практические решения в АПК*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 6–7 июня 2017 г.) Воронеж: Воронежский ГАУ, 2017. С. 467–473.
Shamsutdinova T. M. Technologies for the intellectual analysis of statistical data: a cluster analysis of indicators of agricultural production in the constituent entities of the Russian Federation. *Modern scientific and practical solutions in the agro-industrial complex*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 6–7 Jun 2017. Voronezh: Voronezh SAU, 2017, 467–473. (In Russ.)
14. Почекутова Е. Н. Оценка динамики производительности труда в России. *Петербургский экономический журнал.* 2018. № 3. С. 6–15. https://doi.org/10.25631/PEJ.2018.3.1
Pochekutova E. N. Labor productivity dynamics evaluation in Russia. *St. Petersburg Economic Journal,* 2018, (3): 6–15. (In Russ.) https://doi.org/10.25631/PEJ.2018.3.1
15. Коркина Т. А., Макарова В. А. Развитие организационного механизма повышения производительности труда рабочих горнодобывающего предприятия. *Современные исследования социальных проблем.* 2014. № 4. https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-4-9
Korkina T. A., Makarova V. A. Development of an organizational mechanism for increasing labor productivity of workers of a mining enterprise. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, 2014, (4). (In Russ.) https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-4-9
16. Батиевская В. Б., Хаес Б. Б. Диверсификация экономики промышленного региона как путь его стратегического развития, на примере Кемеровской области – Кузбасса. *Конкурс лучших студенческих работ*: X Междунар. науч.-исслед. конкурс. (Пенза, 15 октября 2021 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 89–94.
Batievskaya V. B., Khaes B. B. Diversification of the economy of an industrial region as a way of its strategic development, on the example of the Kemerovo region – Kuzbass. *Competition of student papers:* Proc. X Intern. Sci.-Research Competition, Penza, 15 Oct 2021. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2021, 89–94. (In Russ.)
17. Батиевская В. Б. Динамика общей, профессиональной заболеваемости и производственного травматизма горняков Кузбасса под воздействием технологических изменений и технического переоснащения угольных разрезов. *Мед. труда и пром. экол.* 2019. Т. 59. № 4. С. 242–247. https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-4-242-247
Batievskaya V. B. Dynamics of General, occupational morbidity and industrial injuries of miners of Kuzbass under the infl uence of technological changes and technical re-equipment of coal mines. *Med. truda i prom. ekol*, 2019, 59(4): 242–247. (In Russ.) https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-4-242-247
18. Харлампенков Е. И., Кудряшова И. А. Факторная модель производительности труда в угольной промышленности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2020. Т. 5. № 4. С. 557–567. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-557-567
Kharlampenkov E. I., Kudryashova I. A. Factor model of labor productivity in the coal industry. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 557–567. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-557-567

оригинальная статья

Перспективы неоиндустриализации экономики частично признанного государства

Котов Евгений Валериевич
Донецкая академия управления и гражданской службы при Главе Донецкой Народной Республики, ДНР, Донецк
https://orcid.org/0000-0002-0926-3072
kotovev@mail.ru

Поступила 04.03.2022. Принята после рецензирования 18.04.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Показаны перспективы перехода к неоиндустриальному развитию экономической модели Донецкой Народной Республики, созданной на базе старопромышленного региона. Неоиндустриализация как концепция современного экономического развития актуальна и для социально-экономических систем непризнанных (частично признанных) государств. Перспективы ее внедрения зависят от уровней развития индустриальной базы и квалификации работников. Для их выявления был проведен анализ состояния отдельных секторов социально-экономической системы непризнанного государства и обеспеченность квалифицированными кадрами, выявлены причины и факторы, обусловившие данное состояние. Особое внимание уделено развитию промышленного сектора экономики, являющегося фундаментом современного социально-экономического развития и обеспечивающего потенциал неоиндустриализации. Акцентируется внимание на низком уровне информационной обеспеченности результатов социально-экономической деятельности в непризнанном государстве, в том числе полноты и достоверности статистической базы. С помощью компаративного анализа проведены межстрановые сопоставления отдельных параметров социально-экономического развития непризнанных (частично признанных) государств. Выявлены закономерности в развитии экономических моделей непризнанных (частично признанных) государств независимо от стартовых условий. Обоснованы перспективные направления социально-экономического развития непризнанного государства с акцентом на развитие его индустриального базиса для обеспечения перехода к неоиндустриальному развитию.
Ключевые слова: неоиндустриализация, социально-экономический потенциал, экономическое развитие, непризнанное государство, модель экономики, экономическая изоляция, промышленность, структура производства, наукоемкие технологии

Цитирование: Котов Е. В. Перспективы неоиндустриализации экономики частично признанного государства. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 243–254. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-243-254

full article

Prospects for Neo-Industrialization of a Partly-Recognized State's Economy

Evgeny V. Kotov
Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic, Donetsk People's Republic, Donetsk
https://orcid.org/0000-0002-0926-3072
kotovev@mail.ru

Received 4 Mar 2022. Accepted after peer review 18 Apr 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The article shows the prospects of neo-industrial development in the Donetsk People's Republic with its long industrial history. Neo-industrialization as a concept of modern economic development is also relevant for the socio-economic systems of unrecognized or partly-recognized states. The industrial sector of the Donetsk People's Republic is a foundation for its modern socio-economic development and provides a good potential for neo-industrialization. The prospects depend on the development of the industrial base and qualified workers. The author analyzed some sectors of the socio-economic system and qualified personnel resources. The analysis showed a low level of information security in the sphere of socio-economic activity, including the completeness and reliability of the statistical data. The author also performed a comparative cross-country analysis of the socio-economic development of unrecognized or partly-recognized states, which shared some

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

economic patterns, regardless of the starting conditions. The article introduces prospective directions of socio-economic development for such states with an emphasis on their neo-industrial economy.
Keywords: neo-industrialization, socio-economic potential, economic development, unrecognized state, economic model, economic isolation, industry, production structure, high technology

Citation: Kotov E. V. Prospects for Neo-Industrialization of a Partly-Recognized State's Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 243–254. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-243-254

Введение

Проблемы социально-экономического развития государств, находящихся в условиях ограниченной признанности, не теряют своей актуальности. Значительное количество традиционных методов и механизмов управления их социально-экономическим развитием неэффективны или не используются вследствие ограниченной политико-экономической признанности государства, специфических особенностей развития производительных сил и характера экономических отношений, функционирующих на территории непризнанного государства. В связи с этим данные государства функционируют в перманентном поиске нестандартных, но действенных методов и механизмов, способных обеспечить ускоренное развитие их социально-экономических систем.

Сложившиеся экономические противоречия, связанные с исчерпанием экстенсивной модели развития рыночных отношений, только актуализируют вероятность появления на политической карте мира новых непризнанных (частично признанных) территориальных образований, вставших на путь формирования своей государственности. Исследование особенностей и закономерностей формирования новых социально-экономических систем и результатов применения различных инструментов и механизмов их развития становится для новых и существующих непризнанных (частично признанных) государств теоретическим и эмпирическим знанием для построения собственной государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе в одной из приоритетных – экономической.

Формирование одновременно результативной и перспективной экономической модели, обладающей передовыми технологиями, позволит обеспечить не только высокий уровень жизни населения, но и ускорить получение статуса признанного большинством членов мирового сообщества государства. Современные тенденции экономического развития свидетельствуют о возвращении приоритета производственного сектора над сервисным, что автоматически делает актуальным построение неоиндустриальной модели экономики.

Проблемы появления и развития непризнанных (частично признанных) государств находят свое отражение в исследованиях различной направленности: поиск внутренних резервов саморазвития [1], обоснование критериев и классификации непризнанных государств [2], выявление особенностей в организации государственного управления [3–7], исследование различных проблем социально-экономического развития [8–20]. Предпочтение отдается исследованию эндогенных факторов, почти не уделяется внимание изучению экзогенных факторов, в том числе внутреннего ресурсного и квалификационного дефицита, определяющих возможности и результаты построения эффективной и перспективной экономической модели и общего социально-экономического развития таких государств. Вследствие распространения такого подхода исследования, направленные на изучение возможностей экономической модели непризнанного государства обеспечить неоиндустриальную основу развития, отсутствуют.

Цель статьи – выявить внутренние факторы, сдерживающие или стимулирующие создание и развитие перспективной экономической модели непризнанного государства на примере Донецкой Народной Республики (ДНР).

Методы и материалы

Уровень дифференциации и качество показателей информационной базы определяют возможности достижения поставленной цели. В ДНР получение необходимой статистической информации является исключительно непростой задачей, что обусловлено высоким уровнем закрытости статистической базы. Низкий уровень доступности и качества предоставляемой в публичное пространство статистической информации отмечается и другими исследователями[1], обращается внимание на отсутствие системной информации или раскрытие не всей информации, предоставление разрозненных фактов, использование относительных показателей, в основном в виде процентного выражения, которые невозможно проверить, а также различных группировок, объединений или разделений показателей при их публикации в разное время и разных СМИ. Необходимо отметить, что проблема полноты и достоверности статистической информации стала устойчивым явлением в непризнанных (частично признанных) государствах [21, с. 22].

[1] Ковальчук Ю. На что живут ЛНР и ДНР? *Regnum*. 07.02.2019. URL: https://regnum.ru/news/polit/2568287.html (дата обращения: 22.02.2022).

Статистическая информация экономико-производственного характера, размещенная на сайтах центральных органов исполнительной власти, в большинстве случаев подается в относительных показателях, что не позволяет провести анализ их динамики, тенденций, сопоставимости с другими показателями и репрезентативности. Приводимая же в абсолютных показателях статистическая информация в большинстве случаев непригодна к анализу ввиду своей незначительной важности и / или низкой актуальности для научных исследований. Тем не менее, несмотря на все названные недостатки, часть необходимой статистической и социологической информации была собрана. В качестве источников выступили официальные сайты органов власти, информационно-новостных сайтов, научные работы ученых, исследующих общие и специфические проблемы социально-экономического развития непризнанных (частично признанных) государств[2].

Кроме статистических применялись и другие общенаучные методы: компаративный (сравнительный) анализ, логический анализ и синтез, методы группировок и классификации, метод наблюдений. Их применение позволило оценить состояние, выявить особенности развития и перспективы неоиндустриализации экономики молодого государства.

Результаты

В основе неоиндустриальной экономики лежат два важнейших фактора – квалификация трудовых ресурсов и структура экономики, взаимодополняющих и взаимообуславливающих друг друга [22]. Они являются интегральными, поскольку формируются на основе цепных и иерархических связей множества других показателей. Исследуя первый фактор, в первую очередь, необходимо рассмотреть показатели, характеризующие воспроизводство и сохранение трудовых ресурсов. Анализ демографической ситуации в ДНР показывает как общее снижение численности населения, проживающего на ее территории, так и ухудшение коэффициента рождаемости (табл. 1), что несет определенные отложенные риски для всей социально-экономической системы непризнанного государства и особенно для ее индустриального сектора. Снижение коэффициента смертности не свидетельствует о росте продолжительности жизни или повышении качества медицинских услуг. В данном случае влияние оказывают естественные причины, связанные со снижением количества пожилых людей, проживающих в республике. Косвенно это снижение подтверждается снижающимся показателем численности получающих в ДНР пенсионные выплаты (табл. 2).

Необходимо обратить внимание, что приводимый органами статистики ДНР показатель наличного населения вызывает сомнения. В одной из работ методом простого

Табл. 1. Характеристика демографических показателей ДНР
Tab. 1. Demographic situation in the Donetsk People's Republic

Показатель	2017	2019
Численность наличного населения, тыс. человек, в том числе:	2302,4	2244,4
• городское население, %	95,2	95,2
• сельское население, %	4,8	4,8
Естественный прирост (+), убыль (–), количество человек	–21836	–21060
Коэффициент рождаемости	5,1	4,2
Коэффициент смертности	14,6	12,6
Сальдо миграции, количество человек	9004	4355

арифметического действия было выявлено, что разница между численностью наличного населения, приводимого в документах органа статистики ДНР, и суммой численности таких категорий населения, как получающие пенсионные выплаты, занятые, учащиеся во всех типах учебных заведений, военные, стоящие на учете в центре занятости, составляет около 800 тыс. человек [23]. Конечно, существуют неучтенные категории (например, дети до 6–7 лет) или категории, которые полностью не учтены (например, безработные, а не только те, кто состоит на учете в центре занятости), но их численность если и уменьшит вышеприведенную разницу, то незначительно. К тому же даже это незначительное уменьшение может быть устранено с запасом тем, что при расчете не учитывалось, что среди лиц, получающих пенсионные выплаты, могут быть занятые в отраслях экономики и лица, получающие пенсионные выплаты, но проживающие на территории Украины или России; среди лиц, ищущих работу, могут быть работающие, поскольку в центрах занятости они зарегистрированы не как безработные, а именно как лица, которые ищут работу; среди учащихся также есть лица, занятые в отраслях экономики. Таким образом, если учесть все вышеприведенные факторы, то рассчитанный показатель может даже увеличиться.

Независимо от типа экономики для поддержания процессов развития на требуемом уровне необходимо, чтобы количество занятых в отраслях экономики превышало численность активно не участвующих в производственных процессах. Простое сопоставление численности занятых и получающих пенсионные выплаты показывает, что в ДНР данное соотношение не соблюдается: на 1 работающего приходится 2 пенсионера (например, в Республике Южная Осетия этот показатель составляет 1 к 0,5) (табл. 2).

[2] Привести все ссылки, где были взяты данные, используемые для анализа в данной статье, невозможно ввиду их большого количества, поскольку статистических сборников, аналогичных РФ или некоторым непризнанным (частично признанным) государствам, в ДНР не публикуется. Многие данные были взяты из отчетов и выступлений, в том числе в видеоформате, руководителей соответствующих органов власти ДНР, в функции которых входит осуществление государственного управления в сфере, данные о результатах функционирования которой были использованы в исследовании.

Табл. 2. Отдельные производственно-экономические показатели ДНР и РЮО
Tab. 2. Production and economic indicators in the Donetsk People's Republic and South Ossetia

Наименование показателя / события	ДНР			РЮО		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Валовой внутренний продукт, млн руб.	–	–	–	4880,6	5538,0	6016,2
Доля собственных средств в бюджете, %	30[3]	–	40[4]	–	–	14 [3]
Среднемесячная заработная плата, руб.	9697	10892	11877	16331	17956	18915
Среднесписочная численность штатных работников, тыс. человек, в том числе в сферах:	352,0	354,0	350,4	20,4	21,1	20,9
• промышленность, %	–	35,6	35,3	6,4	7,7	7,5
• торговля и общественное питание, %	–	5,8	–	7,2	7,5	8,2
• жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание, %	–	–	–	9,9	10,7	10,8
• здравоохранение, %	–	15,0	15,1	10,4	9,9	10,1
• образование, %	–	17,0	17,1	18,7	18,7	18,9
• государственное управление, %	–	6,2	–	28,3	27,0	25,3
Численность зарегистрированных в службе занятости, тыс. человек	51,7	44,5	38,1	3,3	2,8	1,9
Численность пенсионеров, тыс. человек	679,9	674,0	669,8	0,42	0,44	0,47
Объем промышленной продукции, млн руб.	146400	121013	126342	834,9	910,9	1035,7

Прим.: – (данные отсутствуют); РЮО – Республика Южная Осетия.

Если же к пенсионерам, получающим выплаты в ДНР, добавить учащихся в различных учебных заведениях и ищущих работу, то соотношение уже будет составлять 1 к 3. При оценке полученного соотношения необходимо учитывать, что в число лиц, получающих пенсионные выплаты, входят и лица, которые еще заняты трудовой деятельностью и которые пенсию на территории ДНР получают, но в экономической жизни участия не принимают, поскольку проживают на территории, подконтрольной Украине. Однако, даже если исключить эти категории из учета, изменения соотношения в сторону превышения показателя занятых над экономически неактивной частью населения не произойдет.

Угрожающее соотношение занятых и экономически неактивных усиливается критической нехваткой квалифицированных работников (рис. 1[5]). В сфере торговли и услуг наблюдается профицит предложения рабочей силы, а вот коэффициент замещения рабочих по эксплуатации и сборке технологического оборудования свидетельствует, что на 1 работника приходится 2 свободных рабочих места. Наивысший показатель дефицита наблюдается в среде специалистов и профессионалов, где на одного представителя приходится 7 свободных рабочих мест.

Абсолютные показатели, которые озвучиваются, в подавляющем большинстве своем неинформативны, если не сравнить их с аналогичными показателями другого частично признанного государства. Автор сознательно выбрал частично признанное государство, имеющее в основе модель экономики, построенную на сфере услуг, чтобы на ее фоне были более отчетливо видны результаты функционирования экономической модели ДНР. По такому важному показателю, как среднемесячная заработная плата, РЮО значительно опережает ДНР: 2017 г. – в 1,68 раза; 2018 г. – в 1,65 раза; 2019 г. – в 1,59 раза; 2020 г. – в 1,27 раза (табл. 2). Наблюдаемая положительная динамика уменьшения разрыва обусловлена не ростом производительности труда, а повышением оплаты труда работникам бюджетной сферы и государственной службы. Производительность труда, по отчетам Минэкономразвития ДНР, даже падает: в 2018 г. – на 6,2 %, в 2020 г. – на 19,8 %.

В первую очередь это свидетельствует о неактуальности структуры экономики в формировании уровня заработной платы и доминировании в ДНР низкотехнологических производств, одна из главных характеристик которых – низкий уровень оплаты труда. Но в данном конкретном случае прослеживается и другая интересная особенность:

[3] СМИ: Россия тратит на финансирование Донбасса около 1 млрд евро в год. URL: https://www.dw.com/ru/сми-россия-тратит-на-финансирование-донбасса-около-1-млрд-евро-в-год/a-18985498 (дата обращения: 22.02.2022).

[4] Кривцун А. Во сколько России обходятся «Л-ДНР» и насколько еще хватит: Мнения экспертов. 25.06.2019. URL: https://dnews.dn.ua/news/719604 (дата обращения: 22.02.2022).

[5] Рассчитано автором по: Занятость населения Донецкой Народной Республики в 2019 году. URL: http://mer.govdnr.ru/images/phocadownloadpap/news/zanyatost-naseleniya-2019.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

Рис. 1. Коэффициент покрытия спроса предложением рабочей силы в разрезе квалификационных группировок в ДНР, 2019 г.
Fig. 1. Coefficient of demand coverage by labor forces in the context of qualification groups in the Donetsk People's Republic, 2019

низкотехнологичное производство с высокой долей занятости (35,3 %) и живого труда проигрывает экономической модели, построенной на сфере услуг (наибольшая численность занятых в РЮО приходится на отрасли образования и госуправления). Данная особенность в значительной мере была сформирована наличием у ДНР внешней политико-экономической непризнанности, в том числе и со стороны РФ (до ноября 2021 г.), что резко ограничило возможности экспорта промышленной продукции. У РЮО данная проблема стоит не настолько остро, что позволяет ее экономике «подпитываться» от экономики России.

Важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического развития является наличие достаточного количества и квалификации трудовых ресурсов. Качество трудовых ресурсов, прежде всего уровень их квалификации, играет тем большую роль, чем сложнее экономические процессы и отношения. В ДНР наибольшая численность занятых – в отраслях промышленности, системах образования и здравоохранения, что только подтверждает индустриальный базис ее экономической модели. В структуре промышленности ДНР основными отраслями являются металлургия (36,4 %), поставки электроэнергии, газа и кондиционированного воздуха (27,3 %)[6]. Последнее стало возможным благодаря расположению на территории ДНР двух тепловых электрических станций – Зуевской (г. Зугрэс) и Старобешевской (пгт. Новый свет).

Потенциал развития определяется структурой экономики, центральное место в которой занимает машиностроительная отрасль. В ДНР доля данной отрасли составляет всего лишь 2,4 %. Такая доля машиностроения среди экономических видов деятельности свидетельствует о его критически низком значении. На фоне общего низкого уровня технологичности индустриального базиса ДНР (табл. 3[7]) перспективы развития машиностроительного комплекса стремятся к нулю.

Чем выше уровень технологичности производства, тем ниже доля физического труда и выше качество продукции. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработана классификация видов деятельности по уровням технологичности. В основу классификации был положен вид производства, а не отраслевая принадлежность, как это долгое время использовалось в постсоветских странах.

В 2019 г. всего 2,4 % промышленных предприятий ДНР производили продукцию высокой наукоемкости. Все они сосредоточены в фармацевтической отрасли. В 2019 г. даже наметился рост количества фармацевтических предприятий – на 2 единицы. Однако необходимо заметить, что по информации исследуемого каталога промышленных предприятий ДНР часть из предприятий данной отрасли производят фиточай и перевязочные материалы, бутилируют этиловый спирт, а эти виды производства нельзя отнести к производству с высоким уровнем наукоемкости.

2019 год в ДНР отметился снижением доли средненизкой и низкой наукоемкости производства и ростом высокой и средневысокой (рис. 2). Как уже отмечалось, рост первой связан с появлением в секторе перерабатывающей промышленности фармацевтических предприятий, которые только формально можно отнести к этой группе. Вторая же группа получила рост за счет увеличения предприятий, производящих горно-шахтное оборудование (вентиляторы местного и главного проветривания, электромагнитные пускатели и т. п.) и оборудование для сельского хозяйства (культиваторы, дисковаторы, бороны и т. п.).

Результаты работы промышленного комплекса республики, на основе данных Минпромторга ДНР и МЭР ДНР, подтверждают развитие отраслей со средненизким и низким уровнем наукоемкости продукции (табл. 4[8]). Нестабильность работы предприятий, использующих технологии данной категории, обусловлена динамикой внешней конъюнктуры рынка [24]. Внутренний спрос на продукцию металлургического комплекса не является определяющим, поскольку гражданское строительство не способно потребить много продукции данного комплекса, а промышленное строительство, которое и является главным потребителем, почти не осуществляется. Положительная динамика внешнего спроса

[6] Итоги социально-экономического развития Донецкой Народной Республики за 2019 год. URL: http://mer.govdnr.ru/images/phocadownloadpap/indexes/itogi-soc-ekonom-razvitiya-2019.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

[7] Составлена автором на основе каталогов «Промышленный потенциал Донецкой Народной Республики», разработанных Министерством промышленности и торговли ДНР: 2016 г.: URL: http://mptdnr.ru/upload/doc/cat_2016.pdf; 2017 г.: URL: http://mptdnr.ru/upload/doc/cat_20xx.pdf; Министерством экономического развития ДНР: 2019 г.: URL: https://invest.govdnr.ru/#Catalog (дата обращения: 22.02.2022).

[8] Составлено по данным, приведенным в отчетах о результатах работы Минпромторга ДНР за: 2016 г.: URL: http://mptdnr.ru/documents/87-otchet-ob-itogah-raboty-v-2016-godu.html; 2017 г.: URL: http://mptdnr.ru/documents/127-otchet-ob-itogah-raboty-v-2017-godu.html; 2018 г.: URL: http://mptdnr.ru/news/1077-doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2018-god-pr.html; 2019 г.: URL: https://dnrsovet.su/doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2019-god/ (дата обращения: 22.02.2022).

Табл. 3. Группировка видов производственной деятельности предприятий ДНР в соответствии с международной классификацией технологичности производства
Tab. 3. Grouping of production activities in the Donetsk People's Republic in accordance with the international classification of production manufacturability

Группа отраслей перерабатывающей промышленности	Вид производства	Предприятия, использующие вид производства							
		2016		2017			2019		
		ед.	доля, %	ед.	доля, %	изменение, +/–	ед.	доля, %	изменение, +/–
Высокотехнологичные (производят продукцию высокой наукоемкости)	аэро- и космические летательные аппараты	–	–	–	–	–	–	–	–
	фармацевтические препараты	3	1,7	2	1,2	–1	4	2,4	+2
	компьютеры и офисная техника	–	–	–	–	–	–	–	–
	оборудование для радио, телевидения и связи	–	–	–	–	–	–	–	–
	научные приборы и измерительное оборудование	–	–	–	–	–	–	–	–
Средние технологии высокого уровня (производство продукции средневысокой наукоемкости)	электрические машины и аппараты, которые не относятся к ранее названным категориям	7	4,0	12	7,1	+5	14	8,3	+2
	автомобили, прицепы и полуприцепы	–	–	–	–	–	–	–	–
	химические вещества, за исключением лекарственных средств	17	9,6	15	8,9	–2	15	8,9	0
	прочие транспортные средства, машины и оборудование	22	12,5	17	10,0	–5	18	10,8	+1
Средние технологии низкого уровня (производство продукции средне-низкой наукоемкости)	производство кокса, продуктов переработки нефти и ядерного топлива	–	–	3	1,8	+3	3	1,8	0
	резиновые, пластмассовые изделия и прочие неметаллические минеральные продукты	15	8,5	17	10,0	+2	12	7,1	–5
	строительство и ремонт судов	–	–	–	–	–	–	–	–
	металлургия и металлические изделия, кроме машин и оборудования	23	13,1	27	16,0	+4	20	11,9	–7
Низкотехнологичные (производство продукции низкой наукоемкости)	целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность	3	1,7	4	2,4	+1	5	3,0	+1
	пищевая промышленность	43	24,4	37	21,9	–6	45	26,8	+8
	легкая промышленность	17	9,7	16	9,5	–1	14	8,3	–2
	прочие виды производства и переработки	26	14,8	19	11,2	–7	18	10,7	–1
Всего	176	100	169	100	–7	168	100	–1	–

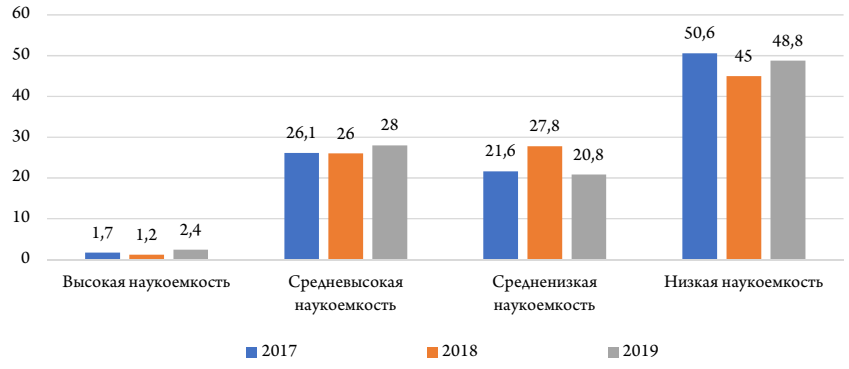

Рис. 2. Динамика наукоемкости производства в ДНР, %
Fig. 2. Science intensity of production in the Donetsk People's Republic, %

на продукцию металлургического комплекса ДНР в одном году обеспечивала рост объемов реализации (2018), а его снижение приводило к аналогичной динамике реализации (2017, 2019).

Машиностроительный комплекс, технологии которого в значительной мере относятся к средневысокому уровню наукоемкости, демонстрирует стабильную динамику роста последние четыре года. То же самое происходит и в фармацевтической промышленности после 2016 г. В контексте данной зависимости можно сделать вывод, что средневысокое и высокое наукоемкое производство обладает высоким уровнем независимости от внешней конъюнктуры, что усиливает потенциал саморазвития неоиндустриализации экономики.

Табл. 4. Характеристика основных показателей работы отдельных промышленных комплексов и отраслей промышленности ДНР, 2016–2019 гг.
Tab. 4. Industries in the Donetsk People's Republic, 2016–2019

Наименование отрасли	2016	2017	2017 к 2016	2018	2018 к 2017	2019	2019 к 2018
Металлургический комплекс (металлургическое производство, металлообработка, коксохимия)							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	51,5	47,3	–4,2	102,2	+54,9	92,0	–10,2
Объем экспорта, млрд руб.	–	18,5	б/о	–	–	51,4	б/о
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	21,4	24,2	+2,8	27,0	+2,8	–	–
Машиностроительный комплекс							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	2,6	2,8	+0,2	3,6	+0,8	5,7[9]	2,1
Объем экспорта, млрд руб.	1,0	1,9	+0,9	2,4	+0,5	–	б/о
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	8,8	7,7	–1,1	12,6	+4,9	–	б/о
Химическая промышленность							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	1,3	1,1	–0,2	1,2	+0,1	1,1	–0,1
Объем экспорта, млрд руб.	–	0,3	б/о	0,4	+0,1	0,4	0
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	1,35	1,84	+0,49	2,6	+0,76	–	б/о
Фармацевтическая промышленность							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	0,14	0,21	+0,07	0,28	+0,07	–[10]	б/о
Объем экспорта, млрд руб.	–	0,09	б/о	–	–	–	б/о
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	0,2	0,2	0,0	0,2	0,0	–	б/о
Легкая промышленность							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	0,09	0,2	+0,11	0,22	+0,02	0,22	0
Объем экспорта, млрд руб.	–	0,06	б/о	0,04	–0,02	–	б/о
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	0,3	0,4	+0,1	0,3	–0,1	–	б/о
Пищевая промышленность							
Объем реализованной продукции, млрд руб.	6,6	9,7	+3,1	11,2	+1,5	–	б/о
Объем экспорта, млрд руб.	–	2,9	б/о	3,4	+0,5	–	б/о
Среднесписочная численность занятых, тыс. человек	5,6	9,5	+3,9	10,8	+1,3	x	б/о

Прим.: – (данные отсутствуют); б/о (оценка изменения показателя не производилась).

[9] По данным Министерства промышленности и торговли ДНР в 2019 г. объем загрузки производственных мощностей предприятий машиностроения составил 30,8 %. См: Эдуард Арматов об итогах работы Министерства промышленности и торговли за 2019 год. 17.03.2020. URL: https://dnrsovet.su/doklad-eduarda-armatova-ob-itogah-raboty-ministerstva-promyshlennosti-i-torgovli-za-2019-god/ (дата обращения: 22.02.2022).

[10] По данным Министерства промышленности и торговли ДНР в 2019 г. отрицательная динамика производства и реализации лекарственных средств и изделий медицинского назначения по отношению к показателям 2018 г. не была преодолена [Эдуард Арматов об итогах работы…].

Глубокое залегание угольных запасов (более 1000 м), небольшая мощность угольных пластов (менее 1 м), высокий уровень зольности и серности добываемого угля[11], легализация «копанок»[12], нестабильность производственных показателей металлургического комплекса (табл. 4), связанных в первую очередь с высокой зависимостью от внешнего спроса на метизы, большой дефицит квалифицированных ресурсов (рис. 1), в том числе и в рассматриваемых отраслях, – все это свидетельствует о низкой перспективности дальнейшего развития угольной и металлургической отраслей в ДНР. Аналогичного мнения придерживаются и жители ДНР, которые сами или на примере близких в режиме реального времени сталкиваются и / или наблюдают за состоянием и динамикой производственных и социально-экономических изменений, происходящих на предприятиях данных отраслей промышленности, что позволяет им сформировать свое мнение о перспективах их развития.

В октябре 2020 г. и феврале 2021 г. в ДНР были проведены социологические опросы на тему будущего угольной и металлургической отраслей ДНР соответственно[13]. Варианты, которые могли выбрать респонденты, сводились к шести ответам: да, все будет хорошо; да, если будут новые рынки сбыта; зависит от качества управления отраслью; свой вариант ответа; нет, будущего нет; затрудняюсь ответить. К анализу будут приняты только варианты тех, кто дал однозначные положительные или отрицательные ответы, и тех, кто затруднился с ответом (рис. 3). Связано это с тем, что остальные ответы – из разряда гипотетических или предполагающих усиление приоритетности рассматриваемых отраслей за счет изменения внешних факторов без их волевого участия. Однозначные же ответы отражают реальную оценку респондентами потенциала с учетом текущих ситуации и политики государства по ее изменению.

Как видно из инфографики, респонденты уверены, что угольная и металлургическая отрасли ДНР не имеют перспектив. Особенно это прослеживается в ответах респондентов относительно угольной отрасли, где ответивших утвердительно о бесперспективности в 1,5 раза больше, чем по металлургической. Если ответы «да, если будут новые рынки сбыта» (27,3 %) и «зависит от качества управления отраслью» (30,8 %) интерпретировать как отрицательные, поскольку развитые страны устойчиво

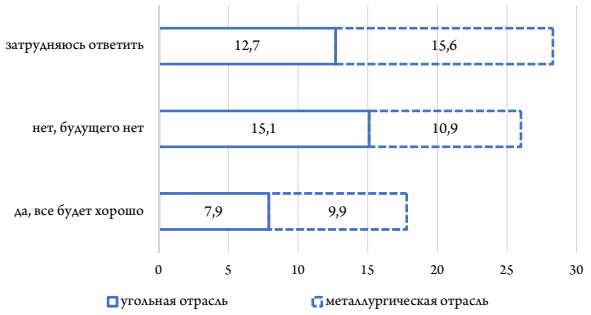

Рис. 3. Ответы респондентов о будущем угольной и металлургической отраслей ДНР, %
Fig. 3. Respondents' answers about the future of the coal and metallurgical industries in the Donetsk People's Republic, %

снижают долю угля в энергетическом балансе, качество управления не улучшится ввиду объективного отсутствия прогрессивных изменений в квалификации управленцев, а политико-экономическая непризнанность сохранится еще долгое время, то бесперспективным угольную отрасль считают 73,2 %. Аналогичное допущение применимо к металлургической отрасли, по мнению 62,4 % опрошенных.

Основными торговыми партнерами ДНР традиционно выступают РФ (81 %) и Луганская Народная Республика (18,7 %). Подавляющую долю товарной номенклатуры на рынке экспорта составляет продукция угольной и металлургической промышленности. На втором месте – экспорт известняка флюсового, цемента, различных строительных смесей – 12,07 %[14].

Зависимость экономической модели ДНР от спроса со стороны внешних рынков вызывает высокий уровень импортозависимости, что подтверждают не только официальные лица государства[15], но и исследования ученых [25]. После 2014 г. показатели экспорта ДНР упали значительно больше, чем показатели импорта. И несмотря на то, что темпы восстановления у экспорта немного больше, чем у импорта, по абсолютным показателям превосходство последнего сохраняется четырехкратным.

Импортозависимость – одна из главных характеристик государств с ограниченным признанием. Анализ результатов внешней торговли РЮО показывает, что экономическая модель РЮО не менее импортозависимая, чем экономическая модель ДНР (рис. 4).

[11] Донецкий уголь загоняют в угол. *РБК*. 14.06.2017. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/06/15/594119b09a79474cad67e87a (дата обращения: 22.02.2022).

[12] В парламенте ДНР заверили, что пристально следят за деятельностью «угольных артелей» на востоке Республики. *Новости Донецкой Республики*. 14.10.2020. URL: https://dnr-news.com/dnr/54669-v-parlamente-dnr-zaverili-chto-sledyat-za-deyatelnostyu-ugolnyh-arteley-na-vostoke-respubliki.html (дата обращения: 22.02.2022).

[13] Есть ли будущее у угольной отрасли ДНР или, Уголь – это прошлый век? Соцопрос. DNR LIVE. 26.10.2020. URL: http://dnr-live.ru/est-li-budushhee-u-ugolnoy-otrasli-dnr-ili-ugol-eto-proshlyiy-vek-sotsopros/ (дата обращения: 22.02.2022); Есть ли будущее у металлургической отрасли ДНР. Соцопрос. *DNR LIVE*. 18.02.2021. URL: http://dnr-live.ru/est-li-budushhee-u-metallurgicheskoy-otrasli-dnr-sotsopros/ (дата обращения: 22.02.2022).

[14] Итоги работы Министерства доходов и сборов за I полугодие 2020 года: экспорт продукции ДНР. URL: http://mdsdnr.ru/index.php/novosti/3001-itogi-raboty-ministerstva-dokhodov-i-sborov-za-i-polugodie-2020-goda-eksport-produktsii-dnr (дата обращения: 22.02.2022).

[15] Из-за чего цены растут? URL: http://mdsdnr.ru/index.php/novosti/3205-iz-za-chego-tseny-rastut (дата обращения: 22.02.2022).

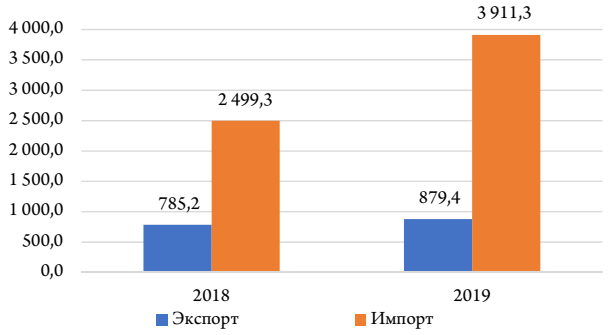

Рис. 4. Динамика внешней торговли РЮО, 2018–2019 гг., млн руб.
Fig. 4. Dynamics of foreign trade in South Ossetia, 2018–2019, million rubles

Отрицательное сальдо внешней торговли обусловлено такой же, как и в ДНР, более чем трехкратной разницей между импортом и экспортом. При этом в РЮО эта разница имеет тенденцию к увеличению: в 2018 г. – трехкратная, в 2019 г. – четырехкратная. Наличие одинаковых «симптомов» у двух разных экономических моделей вызвано общим для них фактором – низким уровнем внешнего политико-экономического признания, а значит состояние импортозависимости присуще всем государствам такого типа.

События и процессы в политико-экономической сфере, начавшиеся в конце 2021 г. и продолжившиеся в 2022 г., окажут серьезное влияние на потенциал неоиндустриализации экономики ДНР. В ноябре 2021 г. в РФ был принят документ[16], которым признавались сертификаты о происхождении товаров, выдаваемых органами (организациями) ДНР, товары ДНР допускались к государственным и муниципальным закупкам и отменялись количественные ограничения к экспорту товаров ДНР.

Еще рано оценивать результаты данного решения, однако некоторые логические предположения уже можно сделать.

1. Прямой и неограниченный экспорт товара в РФ может осуществляться открыто и легально, что будет способствовать как увеличению числа участников экспортных операций, так и расширению номенклатуры и объемов экспорта.
2. Сократится цепочка посредников, действовавшая ранее, целью которой была легализация товара на территории РФ и которая существенно увеличивала цену реализации товара.
3. Участие в тендерах на получение государственного заказа РФ гарантирует субъекту хозяйственной деятельности ДНР загруженность производственных мощностей, а значит сохранение, а возможно, и расширение рабочих мест, стабильность производственной деятельности и получение прибыли.

В феврале 2022 г. были подписаны указ о признании ДНР и договор о дружбе, сотрудничестве и помощи[17], что в дополнение к ранее легализованному товару не только легализует и услуги, которые могут предоставлять организации (предприятия) ДНР, но и запускает процесс признания всех документов, принятых органами власти ДНР. Возможности внешнеэкономической деятельности получают неограниченный потенциал. Тем не менее, как уже было отмечено ранее, делать однозначные выводы и оценки еще рано. Но факт того, что экономическая модель ДНР получила возможности для своего неоиндустриального развития, уже не оспорим.

Заключение

1. Исследование показало отсутствие достаточной и диверсифицированной статистической базы в ДНР. Этап ограниченности публикаций статистической информации проходят все государства, имеющие статус непризнанного (частично признанного). На скорость прохождения данного этапа влияют различные факторы, в том числе зрелость государства как управляющей системы.

2. Старопромышленный комплекс в результате отделения от «материнского» государства «консервирует» свою структуру. Возможности модернизации и повышения уровня наукоемкости (внедрение передовых технологий производства) индустриального базиса появляются только с расширением внешнеполитического признания. Все имеющиеся в наличии ресурсы используются исключительно для поддержания существующей структуры экономики, возможности самостоятельного запуска процессов неоиндустриализации отсутствуют. Использовать старопромышленный комплекс, основанный на угольной и металлургической отраслях, как «локомотив» развития смежных видов производств не представляется возможным. Связано это с дефицитом ресурсов, в том числе кадровых, недостаточной квалификацией имеющихся трудовых и управленческих ресурсов, физически и морально устаревшей производственной инфраструктурой, отсутствием возможностей устранения названных проблем за счет внешнего заимствования и привлечения, а также отсутствием времени, которое необходимо для осуществления всех необходимых мероприятий переходного периода.

3. Импортозависимость является отличительной характеристикой экономик государств с ограниченным внешнеполитическим признанием. Самостоятельно избавиться от этой зависимости данные государства не могут. Внешняя полная или частичная политико-экономическая изоляция ограничивает возможности обмена ресурсами, информацией и технологиями, что приводит к закреплению

[16] Об оказании гуманитарной поддержки населению отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины. Указ президента РФ № 657 от 15.11.2021. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47254 (дата обращения: 22.02.2022).

[17] О признании Донецкой Народной Республики. Указ Президента РФ № 71 от 21.02.2022. *СЗ РФ*. 28.02.2022. № 9. Ч. I. Ст. 1297; О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и ДНР. ФЗ № 15-ФЗ от 22.02.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

импортозависимого состояния или даже, как в случае с РЮО, к усилению данной характеристики.

4. Высокая зависимость от финансово-экономической и материально-технической поддержки со стороны государства-донора. Сохранение структуры экономики, обеспечение минимальных государственных социальных стандартов становится возможным именно благодаря данной поддержке.

5. Обостряется проблема дефицита квалифицированных кадров, являющихся базой и важным инструментом неоиндустриализации. Военные действия и непризнанность вымывают значительную их часть, а ресурсов на их восстановление и дальнейшее воспроизводство новое государство не имеет. Потенциал оставшихся направляется на недопущение критического проседания экономики и поддержание сохраненной структуры экономики, что также не способствует модернизации экономической модели на основе неоиндустриальных принципов развития.

6. В структуре промышленности такой вид производственной деятельности, как машиностроение, резко теряет свою долю, постепенно стремясь к нулевой отметке. Это провоцирует соответствующие негативные процессы в смежных отраслях, ускоряя процессы трансформации структуры экономики в сторону технологий 2 и 3 укладов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Джабиев В. В., Гончарова К. С. Эндогенные факторы социально-экономического развития Республики Южная Осетия (непризнанного государства) в условиях ее экономической изоляции. *Human Progress.* 2021. Т. 7. № 1. https://doi.org/10.34709/IM.171.16
Shelomentsev A. G., Doroshenko S. V., Dzhabiev V. V., Goncharova K. S. Endogenous factors of socio-economic development of the Republic of South Ossetia (unrecognized state) under its economic isolation. *Human Progress*, 2021, 7(1). (In Russ.) https://doi.org/10.34709/IM.171.16
2. Заяц Д. В. Феномен непризнанных государств в современном мире. *Географическая среда и живые системы*. 2020. № 1. С. 53–69. https://doi.org/10.18384/2712-7621-2020-1-53-69
Zayats D. V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geographical Environment and Living Systems*, 2020, (1): 53–69. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2712-7621-2020-1-53-69
3. Варгач М. А. Республика Южная Осетия: история становления, экономика и перспективы развития. *Вестник науки и образования*. 2020. № 3-3. С. 61–68.
Vargach M. A. Republic of South Ossetia: the history of the establishment, economy and development prospects. *Herald of Science and Education*, 2020, (3): 61–68. (In Russ.)
4. Охотский Е. В., Борщевский Г. А. Непризнанные республики Донбасса: правовые основы и особенности организации государственного управления. *Публичное и частное право*. 2019. № 2. С. 38–58.
Okhotsky E. V., Borshchevsky G. A. Unrecognized republics of Donbass: the public administration legal foundation and organization features. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2019, (2): 38–58. (In Russ.)
5. Толкачева А. В. Советское институциональное наследие и постсоветские конфликты: случаи Крыма и Приднестровья. *Политическая наука.* 2004. № 3. С. 86–103.
Tolkacheva A. V. Soviet institutional heritage and post-soviet conflicts: the cases of Crimea and Transnistria. *Political science (RU)*, 2004, (3): 86–103. (In Russ.)
6. Арбатова Н. К. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 88–100. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-88-100
Arbatova N. K. Three dimensions of the post-soviet "frozen" conflicts. *World Economy and International Relations*, 2019, 63(5): 88–100. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-88-100
7. Сальников В. И., Небольсин Ю. В. Проблемы государственного развития и управления в непризнанных государствах постсоветского пространства (на примере ДНР и ЛНР). *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 4. С. 127–133.
Salnikov V. I., Nebolsin Y. V. Problems of the state development and management in the unrecognized states of the former Soviet union (on the example of the DPR and LPR). *Region: systems, economics, management*, 2018, (4): 127–133. (In Russ.)
8. Экономики непризнанных республик: проблемы функционирования и перспективы развития: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д, 26 июня – 4 июля 2015 г.) Ростов н/Д: ЮФУ, 2015. 228 с.
Economics of unrecognized republics: problems and development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 26 Jun – 4 Jul 2015. Rostov-on-Don: SFedU, 2015, 228. (In Russ.)

9. Гриневская С. Н. Модели стратегического планирования на территориях с неопределенным государственным статусом. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2018. № 1. С. 74–79. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-74-79
Grinevskaya S. N. Strategic planning models on the territories with undetermined state status. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ėkonomicheskie nauki*, 2018, (1): 74–79. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-74-79
10. Киризлеева А. С., Мельникова А. С. Формирование банковской системы Донецкой Народной Республики. *Известия Волгоградского государственного технического университета.* 2017. № 2. С. 16–22.
Kirizleeva A. S., Melnikova A. S. Formation of banking system Donetsk People's Republic. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2017, (2): 16–22. (In Russ.)
11. Капыльцова В. В., Чернявская Т. Г. Становление банковских систем в условиях непризнанности. *Общество, экономика, управление*. 2018. Т. 3. № 3. С. 18–24.
Kapyltsova V. V., Cherniyavskaiya T. G. Development of banking systems in the context of non-recognition. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*, 2018, 3(3): 18–24. (In Russ.)
12. Узун И., Оставная А. Оценка состояния и перспективы развития системы занятости населения Приднестровья. *Проблемы межрегиональных связей*. 2018. № 13. С. 43–47.
Uzun I., Ostavnaya A. Assessment of the status and prospects of development of employment of the population of Transnistria. *Problemy mezhregionalnykh sviazei*, 2018, (13): 43–47. (In Russ.)
13. Морозов И. В. Экономика непризнанных государств: способы выживания и развития территорий. *Инновационная экономика и общество*. 2017. № 2. С. 13–18.
Morozov I. V. Economy unrecognized states: ways of survival and development areas. *Innovatsionnaia ekonomika i obshchestvo,* 2017, (2): 13–18. (In Russ.)
14. Davtyan V. S. Development of the hydro-energy complex of Republic of Artsakh. *Proceedings of National Polytechnic University of Armenia. Electrical Engineering, Energetics,* 2017, (2): 9–21.
15. Леонова Е. И. Особенности формирования научно-образовательных кластеров в Донецкой Народной Республике как в непризнанном государстве. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2018. № 1. С. 85–89.
Leonova E. I. Features of forming of scientific and educational clusters in the Donetsk People's Republic as in the unrecognized state. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management,* 2018, (1): 85–89. (In Russ.)
16. Коваленко В. П., Борисенко М. В. Формирование и развитие человеческого капитала в непризнанных государствах. *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 1. С. 159–175. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-159-175
Kovalenko V. P., Borisenko M. V. Formation and development of human capital in unrecognized states. *Russia and New States of Eurasia*, 2021, (1): 159–175. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-159-175
17. Кирьякова В. В. Рекламная деятельность Донецкой Народной Республики в рамках ретроспективного анализа. *Сборник научных работ серии «Экономика»*. 2019. № 16. С. 178–189.
Kiryakova V. V. Advertising activities of the Donetsk People's Republic: a retrospective analysis. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Ekonomika"*, 2019, (16): 178–189. (In Russ.)
18. Демидова Е. Н., Голенкова Н. А. Сравнительный анализ инвестиционно-инновационного климата непризнанных республик. *Финансы. Учет. Банки*. 2020. № 1-2. С. 24–33.
Demidova E. N., Golenkova N. A. Comparative analysis of the investment and innovation climate of the unrecognized republics. *Finansy. Uchet. Banki*, 2020, (1-2): 27–46. (In Russ.)
19. Дорошенко С. В. Теоретический взгляд на факторы саморазвития государств в условиях экономической изоляции. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2020. № 5. С. 27–46. https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10042
Doroshenko S. V. Typology of self-development factors of states in economic isolation conditions. ETAP: *Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*, 2020, (5): 27–46. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2071-6435-2020-10042
20. Свиридова Н. Д. Современные проблемы экономического развития Луганской Народной Республики. *Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности.* 2016. № 5-2. С. 77–80.
Sviridova N. D. Modern problems of economic development of the Lugansk People's Republic. *Strategiia predpriiatiia v kontekste povysheniia ego konkurentosposobnosti,* 2016, (5-2): 77–80. (In Russ.)
21. Лупушор А., Фала А., Пынтя Д., Моркотыло Ю., Гумене В., Прохницки В. Каковы экономические риски для Приднестровья в 2016–2017 годах? *Региональный экономический обзор: Приднестровье*. 2016. № 4. 38 с.
Lupuşor A., Fală A., Pintea D., Morkotîlo Iu., Gumene V., Prohnițchi V. What are the economic threats for Transnistrian economy in 2016–2017? *Regional Economic Review: Transnistrian region*, 2016, (4): 38. (In Russ.)

22. Котов Е. В. Некоторые аспекты методического подхода к оценке неоиндустриального развития экономики. *Beneficium*. 2021. № 2. С. 39–47. https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).39-47
Kotov E. V. Some aspects of the methodological approach to assessment of neo-industrial development of the economy. *Beneficium*, 2021, (2): 39–47. (In Russ.) https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).39-47
23. Котов Е. В. Сравнительный анализ перспектив саморазвития государств в условиях ограниченной признанности. *Вестник МГПУ. Серия «Экономика»*. 2021. № 4. С. 67–78. https://doi.org/10.25688/2312–6647.2021.30.4.5
Kotov E. V. Comparative analysis of the prospects of self-development of states in conditions of limited recognition. *MCU Journal of Economic Studies*, 2021, (4): 67–78. (In Russ.) https://doi.org/10.25688/2312–6647.2021.30.4.5
24. Седнев В. В., Котов Е. В., Войтов А. В., Котова Н. И., Леонова Л. А., Грабовская И. В. На пути к новой государственности: экономические и социально-правовые трансформации. Донецк: Фолиант, 2019. 333 с.
Sednev V. V., Kotov E. V., Voitov A. V., Kotova N. I., Leonova L. A., Grabovskaya I. V. *Towards a new statehood: economic and socio-legal transformations*. Donetsk: Foliant, 2019, 333. (In Russ.)
25. Шумаева Е. А., Чегодаев Б. В., Чегодаева Ю. С. Роль непризнанных и частично признанных государств в новой модели мирового экономического развития. *Сборник научных работ серии «Государственное управление»*. 2019. № 1. С. 74–82.
Shumaeva E. A., Chegodaev B. V., Chegodaeva Yu. S. The role of unrecognized and partly-recognized states in the new model of world economic development. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Gosudarstvennoe upravlenie"*, 2019, (1): 74–82. (In Russ.)

оригинальная статья

Статистическая оптимизация показателей региональной экономики в неоднородной изменчивой среде

Черкашин Александр Константинович
Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, Россия, Иркутск

Мядзелец Анастасия Викторовна
Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, Россия, Иркутск
https://orcid.org/0000-0002-2951-895X
anastasia@irigs.irk.ru

Поступила 21.01.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Решается задача моделирования развития социально-экономической ситуации в регионах на примере статистической оптимизации неизвестной оценочной (индикативной) функции, описывающей связи между экономическими показателями территориальной системы. Для формализации связей, идентификации параметров оптимизации, классификации ситуаций экономических систем по признакам неоднородности геоисторической среды и фиксации моментов трансформации социально-экономических режимов используется байесовский подход. При этом переменные и коэффициенты модели интерпретируются как билинейные характеристики, что позволяет отразить единство внутренних и внешних системных свойств и одновременное влияние фундаментальных экономических факторов и условий географической и исторической среды, что важно для решения современных проблем в области оптимального регионального развития в неоднородном природном и инфраструктурном окружении. При анализе показателей региональной экономики исследуется эмпирическая зависимость размеров внутренних инвестиций от объемов производства в промышленности и сельском хозяйстве в регионах России за 2000–2016 гг., что продемонстрировано на примере экономики Иркутской области. Показаны закономерности инвестиционно-производственного процесса в докризисный, кризисный и посткризисный периоды. Выделены соответствующие характерные временные периоды (2000–2006, 2006–2008 и 2008–2016) изменения условий инвестиционной среды для ведения промышленного производства, в то же время для сельскохозяйственной деятельности такая взаимосвязь отсутствует. Выявлено, что под воздействием геоэкономических условий средовые показатели региональной системы меняются, что влияет на выбор оптимального решения субъектами экономической деятельности в области инвестирования.

Ключевые слова: статистическая оптимизация, средовые показатели, моделирование экономической ситуации, инвестиции

Цитирование: Черкашин А. К., Мядзелец А. В. Статистическая оптимизация показателей региональной экономики в неоднородной изменчивой среде. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 255–265. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-255-265

full article

Statistical Optimization of Regional Economy Indices in a Heterogeneous Changeable Environment

Alexander K. Cherkashin
V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia, Irkutsk

Anastasia V. Myadzelets
V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia, Irkutsk
https://orcid.org/0000-0002-2951-895X
anastasia@irigs.irk.ru

Received 21 Jan 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The authors modelled the development of a regional socio-economic situation using static optimization of an unknown function that describes the relationship between the economic parameters of a territorial system. They applied the Bayesian approach to formalize relations, identify optimization parameters, classify the situation of geographically homogeneous economic systems, and describe the transformation of socio-economic regimes. By using variables and coefficients as bilinear characteristics, they reflected the unity of internal and external system properties, as well as the joint

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

effect of geographical and historical economic factors and conditions. The analysis of regional economic indices revealed the empirical dependence of domestic investment on industry and agriculture in the Russian regions in 2000–2016. The results show some patterns of investment and production processes in the Irkutsk region economy in the pre-crisis, crisis, and post-crisis periods. For industrial production, the changes in the investment environment corresponded to 2000–2006, 2006–2008, and 2008–2016. Agricultural production demonstrated no such relationship. Therefore, the geo-economic conditions change the environmental indicators of the regional system that affects the optimal investment solutions made by economic activity subjects.
Keywords: statistical optimization, environ parameters, economic situation modeling, investment

Citation: Cherkashin A. K., Myadzelets A. V. Statistical Optimization of Regional Economy Indices in a Heterogeneous Changeable Environment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 255–265. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-255-265

Введение

Математический анализ пространственных и временных рядов статистических данных необходим для выявления скрытых закономерностей варьирования социально-экономических ситуаций различных масштабных уровней, сравнения этих ситуаций, прогнозирования их развития и оптимизации планов хозяйственной деятельности, например на основе асимптотической теории, учитывающей возможное наличие у рассматриваемых переменных стохастического тренда [1–4]. Используемые для этой цели сложные математические модели часто слабо обоснованы и трудны при идентификации, что порождает эконометрические проблемы, связанные с задачами поиска статистических методов, нацеленных на обработку конечных выборок дискретных стохастических величин. В этом случае удается заменить результаты аналитических преобразований функций статистическими процедурами с оценкой достоверности выводов, что особенно важно, когда вид функциональной зависимости переменных неизвестен, а решение задачи оптимизации осуществляется с учетом неопределенности состояния внешней среды с наличием разного рода рисков.

Для решения задач оптимального управления при наличии ошибок измерения и неполной исходной информации используется метод максимального правдоподобия [5, с. 159; 6], экспериментально-статистические методы оптимизации, когда для поиска экстремальных значений реализуется оптимальная стратегия проведения наблюдений [7–11], стохастическое программирование решения условных экстремальных задач при неполной информации об условиях задачи [12; 13].

Одним из методов оптимизации является анализ среды функционирования (АСФ). Математическая модель АСФ формулируется в терминах линейного программирования, когда каждая система описывается пространством векторов входа и выхода, соотношениями их значений и естественными ограничениями [14; 15]. С помощью алгоритма АСФ в этом пространстве определяются объекты с максимальными показателями, координаты которых рассматриваются как целевые позиции для остальных объектов и управляемого изменения входов и выходов для повышения их эффективности. Эффективность конкретного объекта определяется через относительное процентное расстояние от объектов с максимальной эффективностью, поэтому значения эффективности независимы от выбранных шкал измерения входов и выходов.

Решаются задачи восстановления зависимостей при отсутствии модели восстанавливаемой функции [16]. Для восстановления из множества функций выбирается такая, которая наилучшим образом приближается к совокупности имеющихся данных. Задачи восстановления зависимостей рассматриваются с единых позиций минимизации среднего риска по эмпирическим данным. Причем разные задачи не похожи в той степени, в которой различаются функции потерь и плотности вероятностей при минимизации среднего риска. В каждой задаче параметр, доставляющий минимум функционалу риска, определяет искомую функциональную зависимость. Например, метод наименьших квадратов (МНК) работает при нормальном распределении помех в функции максимального правдоподобия. Также нормальный закон плотности распределения описывает помехи, которые возникают при изменениях, происходящих в одних и тех же условиях [16]. При этом он обладает наибольшей энтропией, когда результат измерения будет в наивысшей степени не определен, как обычно бывает в экономических исследованиях. МНК, который доставляет минимум квадратичному функционалу (помех) отклонения эмпирических от теоретических значений, является экстремальным методом оценки параметров нормальной регрессии.

Особый интерес представляет байесовский подход, предполагающий обновление сложившихся представлений при получении новых данных [17]. Он основан на субъективно-вероятностном способе реализации принципа максимального использования априорной информации об исследуемом процессе наряду с исходными данными малых выборок [18]. Так решаются задачи теории оптимальных статистических решений, основанные на анализе функций вероятности и полезности от параметров, в том числе с квадратичной оценочной функцией разницы между значениями параметров исхода

и гипотетически выбранного решения [19]. Для этого используются МНК для расчета коэффициентов линейных регрессионных уравнений.

Каждое из гипотетических соотношений в экономике рассматривается при прочих равных условиях, отражающих воздействие неучтенных объясняющих переменных (факторов, предикторов), которое в реальных условиях не может быть удовлетворено [20]. Обычно для учета этого влияния в линейные модели добавляют слагаемое, трактуемое как ошибку регрессии, хотя существующего обоснования данного действия недостаточно. При моделировании социально-экономических процессов и явлений статистическая ошибка должна интерпретироваться шире, а именно как единство внутренних и внешних системных свойств, в частности влияния фундаментальных экономических факторов и условий географической и исторической среды, что важно для решения современных проблем в области оптимального регионального развития в неоднородном природном и инфраструктурном окружении.

Методы и материалы

Байесовский подход, по мнению С. А. Айвазяна [18], является одним из возможных способов формализации уверенности в том, что точность определения значения параметра возрастает и корректируется по мере поступления информации об исследуемом явлении, и могут быть различные научные интерпретации этого тезиса. В логической схеме байесовского метода оценивания, прежде всего, фиксируются априорные сведения о параметрах $x_0 = \{x_{0i}\}$ – векторе (i=1,2,...,n), который в данном случае отождествляется с состоянием среды экономической системы (первое приближение $x_0(0)$). Дополнительно задается поток результатов независимых наблюдений за состоянием системы $x(t) = \{x_{0i}\}$ в разные моменты времени t или в различных местоположениях. С каждым этапом t уточняется величина $x_0(t)$, и чем значительней объем выборки t, тем больше информации для определения неизвестного параметра $x_0(t) \to x_0$ и тем ближе к истинным будут статистические выводы. Задается функция правдоподобия $L[x(t)|x_0(t)]$, определяющая оценку набора $x(t)$ при различных значениях параметра $x_0(t)$. Специфика байесовского подхода определяется вероятностной интерпретацией этой функции. Функция, как правило, зависит от переменной разности $y(t) = x(t) - x_0(t)$ а статистические оценки – различия $y_0(t) = x_0(t) - x_0$. Вектор $y(t) = \{y_1(t)\}$ формирует локальную систему отсчета относительно центра $x_0 = \{x_{0i}\}$, поэтому значения $y_1(t)$ не зависят от координат центра. Эта позиция аналогична идеям модели АСФ, где x_0 задает целевые характеристики объектов с максимальными значениями показателей.

В связи с этим обратим внимание на оптимизационный принцип Гаусса наименьшего принуждения [21], сформулированный для механики и базирующийся на идее МНК, лежащего в основе аналитико-статистических исследований [22]. Принцип Гаусса утверждает, что для любых истинных движений мера отклонения (принуждение) от свободного движения минимальна:

$$S(y) = \sum_i m_i y_i^2 \to 0, y_i = x_i - x_{0i},$$

где $x = \{x_i\}$, $x_0 = \{x_{0i}\}$ – характеристики истинного и свободного движения; $y = \{y_i\}$ – мера принуждения; $m = \{m_i\}$ – весовые коэффициенты. Вектор принуждения $y = x - x_0$ отражает последствия совокупного влияния местных факторов (сил) на поведение системы. При постоянном m минимум $S(y)$ по y обеспечивается при $y_i = x_i - x_{0i} = 0$, т. е. в истинном средообусловленном состоянии $x_i = x_{0i}$ по всем параметрическим показателям.

Состояние системы описывается оценочными функциями связи $F = F(x)$ разной сложности от набора переменных $x = \{x_i\}$. Для исследования их свойств используются методы линеаризации – представления нелинейных функций системой линейных уравнений, эквивалентной исходной функции. Считается, что использование методов линеаризации имеет ограничения, поскольку эквивалентность исходной и линеаризованных систем сохраняется лишь в локальной области переменных, и если система $F(x)$ переходит с одного режима функционирования на другой, изменяется ее линеаризованная модель. Поскольку свойства линейных векторных пространств многообразны и хорошо исследованы в разных геометрических интерпретациях, то применение линеаризации позволяет выяснить качественные и количественные свойства базовой нелинейной зависимости. Особое научное значение и распространение линеаризация получила в теории расслоения над многообразиями в дифференциальной геометрии и ее приложениях [23].

Линейное уравнение

$$F(x) = ax + b \tag{1}$$

идентифицируется методами регрессионного анализа с оценкой коэффициентов a и b, отражающих соответственно наклон и отрезок $b = F(0)$ графика линейной зависимости, с известными процедурами оценки достоверности этих коэффициентов и линейной зависимости в целом [16]. В различных науках давно замечено [24–27], что между коэффициентами уравнений регрессии, найденных по независимым выборкам, существует линейная связь (x_0, F_0 – константы):

$$b = -ax_0 + F_0. \tag{2}$$

Для выявления этой связи сначала по данным восстанавливаются взаимозависимости эконометрических показателей (1) для разных ситуаций или регионов, а затем по (2) находятся величины x_0, F_0. Чем они ближе к постоянным значениям, тем однородней выборка регионов по набору (x_0, F_0), идентифицирующему состояние среды, что становится основой для классификации ситуаций или районирования экономических систем по признакам однородности геоисторической среды [28], а также для фиксации моментов трансформации социально-экономических

режимов (совокупности условий среды), выраженной в смене значений (x_0, F_0).

Коэффициенты $a = \{a_i\}$ и $b(a)$ изменяются в пространстве и во времени, и их варьирование дает возможность установить зависимость (2). Подставляя выражение (2) в (1), получим:

$$F(x) - F_0 = a(x - x_0) \quad (3а)$$

или

$$f(y) = ay, y = x - x_0, f(y) = F(x) - F_0, F_0 = F(x_0) \quad (3б)$$

Уравнение (3а) при разных a определяет пучок линий с центром (x_0, F_0), а уравнение (3б) – пучок с центром в начале координат. Уравнения (1) для разных ситуаций в центрированных переменных y имеют эквивалентный вид (3б) даже в том случае, если величина x_0 изменяется. Для статистически достоверного существования соотношений (3) необходимо, чтобы ошибка $s^2 = (b + ax_0 - F_0)^2 \to 0$ была минимальной, что обеспечивается привлечением в статистические расчеты однородных по параметрам (x_0, F_0) массивов данных.

Вариантом уравнения (3а) является модель CAPM оценки долгосрочных активов, связывающая ожидаемые ставки доходности на долгосрочный актив $F = E(F_i)$ и рыночной доходности x:

$$F = F_0 + a(x - x_0),$$

где в данном случае $F_0 = x_0$ – безрисковая ставка доходности; $a = \beta$ – бета-коэффициент чувствительности актива к изменениям рыночной доходности x, является мерой рыночного риска акции, показывающей изменчивость доходности акции к доходности на рынке в среднем. За фоновую безрисковую ставку дохода $F_0 = x_0$ принимается доходность государственных ценных бумаг.

Другим примером реализации линейной связи (3а) является экономический закон Оукена, отражающий эмпирическую зависимость между уровнем безработицы x и ВВП $F(x)$ в стране. Величина $a = -\beta F_0 / 100$, где β – коэффициент Оукена, показывающий, на сколько процентов снижается ВВП при увеличении безработицы на 1 %. Значение a определяется величиной потенциального ВВП F_0, зависящего от состояния социально-экономической среды страны. Средозависимая величина x_0 в данном случае соответствует естественному уровню безработицы в стране, а разрыв $(x - x_0)$ имеет смысл уровня циклической безработицы. Закон Оукена является устойчивой и универсальной связью, но с различающимися по странам значениями коэффициентов [29]. Причины геоэкономического пространственного варьирования – это в основном институциональные и правовые факторы среды, уменьшающие гибкость рынка труда.

Эмпирические закономерности (1)–(3) линейной связи переменных можно постулировать как некоторый закон зависимости измеряемых величин, который должен выводиться из метатеоретических гипотез, сформулированных как естественное ограничение действия абстрактных математических формул в терминах теории расслоения линейных пространств на многообразиях связи переменных [30; 31].

Всякое многообразие – это хаусдорфово топологическое пространство со счетной базой, каждая точка которого обладает окрестностью, гомеоморфной евклидову пространству размерности n, т. е. такое пространство локально сходно с линейным эвклидовым пространством – прямой линией ($n = 1$), плоскостью ($n = 2$), гиперплоскостью ($n \geq 3$). Топологическое пространство называется хаусдорфовым, если две различные его точки обладают непересекающимися окрестностями, т. е. в некотором смысле изолированы.

Функции $F(x)$ существуют в двух эквивалентных формах как многообразие $F(x_0)$ (поверхность, база расслоения) и как множество касательных пространств $T_{x0}F$ к $F(x_0)$ в разных точках (x_0, F_0) с плоскостями $T(x, x_0)$ – слоями расслоения пространства параметров $x = \{x_i\}$. В параметрическом линейном пространстве $x \subset X$ каждое касательное пространство (плоскость, слой) описывается уравнением пучка вида (3а) или в многомерном случае выражением:

$$T(x,x_0) = \sum_{i=1}^{n} a_i (x_i - x_{0i}) + F_0 \quad (4а)$$

или

$$f(y) = \sum_{i=1}^{n} a_i y_i . \quad (4б)$$

Таким образом, в модели учитываются непрерывные и дискретные свойства реальности. Непрерывное многообразие $F(x_0)$ отображает свойства геоисторической среды хозяйственной деятельности, а непересекающиеся дискретные слои $T(x, x_0)$ соответствуют зависимостям $F(x)$, реализуемым в конкретных условиях среды x_0 касательного пространства. Свойства касательного пространства, в том числе коэффициенты $a_i(x_0)$, определяются координатами точки касания x_0, но в общем случае являются переменными величинами $a_i(y)$, когда $T(x, x_0)$ и $f(y)$ в (4) представляют собой пучки линейных связей (4б), причем $a_i(y)$ в (4б) зависят от значений внутренних координат y, но не зависят от положения центра x_0.

Для выявления этих связей необходимо исходить из математических свойств касательных преобразований Лежандра гладких выпуклых или вогнутых невырожденных функций $F(x) \to H(a)$ в аналогичные функции чувствительности $H(a)$ от двойственных переменных $a = \{a_i\}$:

$$F(x) = -H(a) + \sum_{i=1}^{n} a_i x_i , \; a_i = \frac{\partial F}{\partial x_i} . \quad (5)$$

Частная производная a_i (переменная величина) – частная чувствительность функции $F(x)$ к изменению параметра x_i (предельная оценка); тогда $H(a)$ – функция интегральной чувствительности.

Сумму исходных и преобразованных функций наборов измеряемых величин x и a условно назовем действием процесса или явления:

$$D(x,a) = F(x) + H(a) = \sum_{i=1}^{n} a_i x_i . \quad (6)$$

Согласно неравенству Юнга [32, с. 74] в общем случае $\sum_{i=1}^{n} a_i x_i \geq D(x, a)$, поэтому равенство (6) выражает своеобразный принцип наибольшего действия.

Уравнение (5) сводится к уравнению (4а) при условии (7а):

$$H(a) = \sum_{i=1}^{n} a_i x_{0i} - F_0, \qquad (7а)$$

$$f(y) = \sum_{i=1}^{n} a_i y_i, \qquad (7б)$$

$$f(y) = \sum_{i=1}^{n} \frac{\partial F}{\partial x_i} y_i, \qquad (7в)$$

когда функция $f(y)$ в смещенных относительно постоянной среды переменных $y = x - x_0$ представлена билинейным однородным уравнением (7б) относительно векторов $x = \{x_i\}$ и ковекторов $a = \{a_i\}$ – компонентов градиента функции $F(x)$. Это уравнение эквивалентно уравнению (7в), известному как уравнение Эйлера, что выделяет множество функций $f(y)$ как однородные функции первого порядка $f(ky) = kf(y)$, когда в количественном выражении моделируемые связи зависят от масштаба экономического явления в пространственном или временном выражении, например от курса валют. С другой стороны, свойство однородности позволяет избавиться от этой зависимости, привести соотношения к универсальному виду. Формула (7а) аналогична уравнению (2), связывающему коэффициенты уравнения множественной регрессии, т. е. коэффициент b имеет смысл отрицания функции преобразования Лежандра $b = -H(a)$, заданной в линейном виде (7а). В данном исследовании важным пунктом является статистическая проверка гипотезы (7а).

Функция (5) достигает своего экстремального значения $F(x) = F_0$ при $a_i = 0$ в точке $x = x_0$. Минимум $F(x)$ по x соответствует минимизации правой части соотношения (5) по a [32, с. 74]:

$$F_m(x) = \min_a \sum_{i=1}^{n} a_i (x - x_{0i}) = 0.$$

Значение $F(x)$ всегда зависит от разницы $y = (x - x_0)$ и имеет экстремальное значение (минимум или максимум) при $y = 0$. Например, для функции $F(x)$, квадрат отклонения которой

$$s^2 = [F(x) - F_0]^2 = \sum_{i=1}^{n} m_i (x_i - x_{0i})^2$$

соответствует формулировке принципа принуждения Гаусса, минимум достигается при $y_0 = x_i - x_{0i} = 0$ и равен $F(x) - F_0$. Переменная

$$a_i = \frac{\partial F}{\partial x_i} = m_i (x_i - x_{0i}) \,/\, (F - F_0)$$

в этой точке достигает минимума $a_i = 0$. Максимум $F(x) \to \infty$, когда также $a_i = 0$, а величина $H(a) = -F_0$ в обоих случаях. При постоянном значении $x_{0i} > 0$ увеличение $a_i > 0$ определяет рост величины $H(a)$, что указывает на более благоприятную текущую ситуацию по критерию $F(x)$, что позволяет использовать показатель $H(a) = -b$ для сравнительного статистического анализа состояний и тенденций развития экономик разных регионов в различные исторические периоды.

Выполнение условия (7а) означает, что все линии функциональных связей (7б) образуют пучок с центром (x_0, F_0), и всякое отклонение линий от центра пучка рассматривается как неоптимальное функционирование. Оптимальной является траектория:

$$F_p(x) = \sum_{i=1}^{n} a_i x_i - H_p(a), \; H_p(a) = \sum_{i=1}^{n} a_i x_i - F_0, \quad (8)$$

где x_i, $F(x)$ – исходные статистические данные для расчета текущих значений $H(a) = -b$ и вычисления (x_0, F_0) по ним; $F_p(x)$, $H_p(a)$ – рассчитанные по (x_0, F_0) и a_i (исправленные) значения, обеспечивающие минимизацию варьирования переменной $(H(a) + b)$ вокруг нуля (центра пучка). По этой причине точность знания координат центра (x_0, F_0) определяет точность оптимизации. Изменчивость $H(a)$ относительно колебаний положения центра равна смещению значений коэффициентов чувствительности:

$$\frac{\partial H(a)}{\partial x_{0i}} = a_i - \frac{\partial F_0}{\partial x_{0i}} = a_i - a_{0i}. \qquad (9)$$

Положение средового центра устойчиво при $a_{0i} = 0$ и крайне неустойчиво при $a_{0i} = 0$, когда $H(a) = -F_0$ достигает минимального значения. Изменчивая часть уравнения (5) равна $\alpha = \sum_{i=1}^{n} a_{0i} x_{0i} \to 0$. Поскольку величина $D(x, a) = \sum_{i=1}^{n} a_i x_i$ статистически задана, согласно (8), для достижения максимума $F(x)$ должна минимизироваться функция $H_p(a) = \sum_{i=1}^{n} (a_i - a_{0i}) x_{0i}$ путем регулирования изменения средового параметра a_{0i} в сторону увеличения, что определяет рост значений (x_0, F_0). Оптимальное решение $F_p(x)$ находится в окрестности величины действия $D(x, a)$ минимизацией $H_p(a)$.

В модели CAPM, записанной в виде:

$$F - F_0 = \alpha + \beta(x - x_0),$$

коэффициент α – это мера активного (предпринимательского) избыточного ($\alpha > 0$) дохода от инвестиций, значения которого сравнивается с подходящим индексом рынка $F_0 = x_0$. Величина $\alpha = 1$ % означает, что доход от инвестиций за выбранный период был на 1 % лучше, чем рыночный доход. Коэффициенты α, β являются ключевыми в модели CAPM теории инвестиционного портфеля и связаны со статистическими показателями типа стандартного отклонения или R-квадрата. Параметры уравнений α, β измеряют волатильность или риск, связанные с неопределенностью изменчивости состояния инвестиционной среды. Обобщенное статистическое уравнение факторного влияния на доходы инвестиционных фондов включают учтенные в модели факторы x, неучтенные факторы (условия) x_0, случайные флуктуации и альфу управления фондом, величина которой в однородной рисковой среде снижается со временем [33]. Эти наблюдения соответствуют свойствам уравнения $a_0 = \sum_{i=1}^{n} a_{0i} x_{0i}$, отражающего адаптацию инвестиционного процесса к новой среде.

Результаты

При проведении исследований используются различные оценочные (индикативные) функции $F(x)$, устанавливающие связи между экономическими параметрами территорий в разные исторические периоды. Экономическая дифференциация территории России по различным географическим направлениям определена своеобразием природно-ресурсного потенциала и разной степенью освоенности регионов, особенностью их геоисторической среды, учитывающей текущую трансформацию глобальной политики и экономики.

В данном исследовании в качестве индикативной функции (индиката) $F(x)$ используется объем внутренних инвестиций в экономику регионов России. Индикаторами служат валовые объемы производства в промышленности x_1 и сельском хозяйстве x_2 в денежном выражении (млрд руб.). Расчеты основаны на социально-экономических показателях из отчетов Госкомстата РФ за 2000–2016 гг., собранные в геоинформационную базу данных пространственно-временного статистического анализа.

Пофакторные градиенты $a_i(i = 1, 2)$ индикатов $F(x)$ в данном случае являются коэффициентами акселерации (акселераторы) инвестиционного процесса. Своеобразие функционирования системы определяется зависимостью показателя внутренних инвестиций в регионе от объемов производства различных отраслей хозяйства с учетом состояния внешних геоэкономических и местных региональных условий хозяйственной деятельности.

Рассматриваемый период отражает рост региональных экономик после финансово-экономического кризиса 1998 г. в России и изменения, связанные с мировым экономическим кризисом 2008 г. Современные кризисы глобальных финансов стали проявлением ранее сформировавшейся геоэкономической среды, следствием совместных действий различных государственных и международных организаций. В частности, повысилась роль государственного регулирования как фактора обеспечения устойчивости экономического роста, которое включает мероприятия по формированию новой правовой и финансово-экономической среды, в том числе активную помощь организациям и реформирование системы финансовых институтов и инструментов, инвестиции в создание и обновление инфраструктуры национальных экономик, стимулирование внутреннего спроса, формирование нового технологического типа мировой экономики [34–36].

Для сравнительных исследований использованы сопоставимые данные по регионам России с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Рост инвестиций должен описываться гладкими функциями и их кривыми без резких выбросов показателей. В качестве примера в статье используются экономические показатели по Иркутской области за 2000–2016 гг.; в таблице приведены результаты статистической обработки этих рядов данных.

Отрезок b и акселераторы a_1 и a_2 рассчитываются по исходным значениям инвестиций F и выпусков x_1, x_2 методом скользящей регрессии МНК: по 3 точкам – одна в середине и две по краям. По этой причине два года в таблице и на графиках теряются. Этим методом вычисляется временная изменчивость коэффициентов регрессии [37; 38]. Затем анализируется эмпирическая регрессионная зависимость b от a_1 и a_2 вида (7а) сначала ($t = 0$) по трем первым определенным точкам $b(a_1,a_2)$ с вычислением первого приближения значений координат центра (x_{01},x_{02},F_0). Потом, согласно байесовской схеме, в исходную выборку добавляется четвертый элемент временного ряда и уточняется положение центра и так далее с выходом на стационарные значения координат центра при наличии устойчивой геоисторической среды.

Как известно, расчет по МНК свободного члена регрессионного уравнения проводится по средним значениям исходных величин:

$$\overline{x}_1, \overline{x}_2, \overline{F} : b = -a_1\overline{x}_1 - a_2\overline{x}_2 + \overline{F}.$$

Эта формула напоминает уравнение связи коэффициента b с показателями средовых норм:

$$b = -a_1x_{01} - a_2x_{02} + F_0.$$

Различие этих вариантов b определяется разницей средних и норм $\overline{x}_1 - x_{01}$ в схеме их пошагового расчета, начиная с первого приближения. Сходство полученных результатов для хозяйства Иркутской области незначительно (коэффициент корреляции $R = 0{,}53$), что позволяет считать параметры средовых норм независимыми от исходных данных и постоянными величинами (инвариантами), значения которых необходимо вычислить.

Величина акселераторов заметно варьирует вокруг среднего значения $a_1 = -0{,}30 \pm 0{,}48$; $a_2 = -5{,}67 \pm 11{,}88$, причем инвестиции в сельскохозяйственное производство сильнее зависят от выпусков:

$$a_1 = -0{,}40a_2 + 0{,}17(R = -0{,}90).$$

Максимум значения $b = 282{,}7$ млрд руб. приходится на годы кризиса 2008–2009 гг., что соответствует минимуму функции $H(a) = -b$. Частотно преобладают значения b, близкие к нулю. Характеристика среды ведения сельского хозяйства в Иркутской области за весь период изменяется незначительно: $x_{02} = 23{,}08 \pm 5{,}35$ млрд руб. (рис. 1). В изменении условий промышленного производства выделяются два периода до 2006 г. (I) и после 2008 г. (II), разделенные глобальным кризисом:

$$x_{01} = 120{,}6 \pm 13{,}1 \text{ (I)}; x_{02} = 348{,}6 \pm 11{,}4 \text{ (II)}.$$

На каждом уровне в указанные периоды условия варьируются незначительно ($\alpha \approx 0$), а в переходный период $a_0 > 0$. Аналогичные закономерности прослеживаются для средовой нормы инвестиций F_0 (см. табл.). По этим причинам связь акселераторов со средой невелика:

$$\mathrm{R}(a_1, x_{01}) = 0{,}22; \mathrm{R}(a_2, x_{02}) = -0{,}26.$$

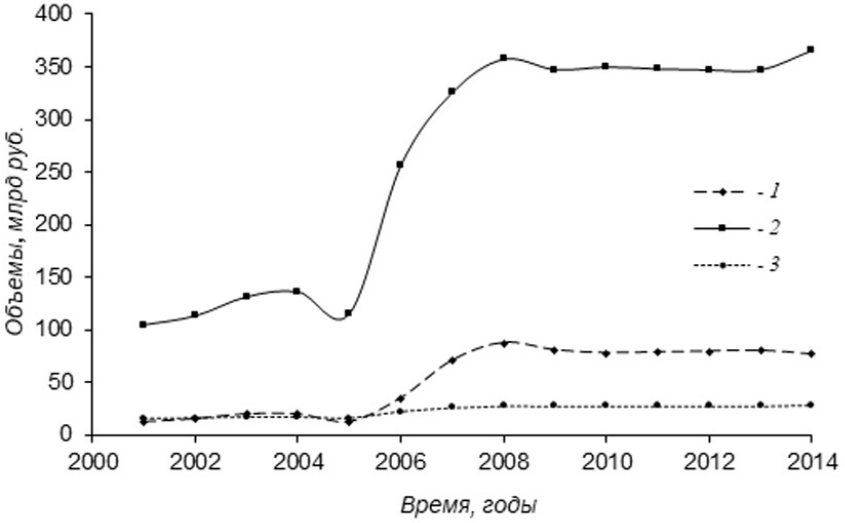

Рис. 1. Расчет параметров геоисторической среды в виде показателей внутренних инвестиций F_0 (1), объемов производства промышленности x_{01} (2) и сельского хозяйства x_{02} (3) в Иркутской области

Fig. 1. Geohistorical environment parameters as indices of domestic investment F_0 (1), industrial production x_{01} (2), and agriculture x_{02} (3) in the Irkutsk region

Табл. Обработка данных взаимосвязи внутренних инвестиций и выпусков продукции промышленного и сельскохозяйственного производства в Иркутской области за период 1999–2016 гг.

Tab. Interrelation of domestic investment and industrial and agricultural production in the Irkutsk region in 1999–2016

Год	Исходные данные			Коэффициенты регрессии			Координаты центра			Оптимизация		
	$F(x)$	x_1	x_2	b	a_1	a_2	F_0	x_{01}	x_{02}	D	H_p	F_p
	млрд руб.	млрд руб.	млрд руб.				млрд руб.	млрд руб.	млрд руб.	млрд руб.	млрд руб.	млрд руб.
1999	8,09	69,12	10,58	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2000	11,38	87,98	11,09	–0,97	0,18	–0,35	–	–	–	9,05	0,00	9,05
2001	12,76	105,13	16,22	–12,07	0,40	–1,08	12,76	105,13	16,22	23,45	14,03	9,42
2002	17,82	119,35	16,83	–522,00	–1,49	42,65	15,65	113,59	16,58	534,76	520,86	13,89
2003	20,88	139,44	17,61	7,63	0,18	–0,65	20,18	131,72	17,32	10,19	–5,95	16,13
2004	25,34	173,80	20,12	–46,57	–0,36	6,66	20,12	136,48	17,48	67,45	52,55	14,90
2005	30,77	204,39	22,58	18,79	0,49	–3,94	13,10	115,89	16,48	6,55	–23,08	29,63
2006	47,82	265,22	25,87	–201,41	–0,54	15,20	35,31	256,49	22,68	232,18	173,77	58,41
2007	122,45	278,25	31,24	–362,63	0,25	13,27	71,00	325,77	26,27	410,45	237,30	173,16
2008	127,86	309,96	31,05	282,68	0,13	–6,30	87,88	357,37	27,94	–160,24	–106,43	–53,81
2009	105,40	314,35	34,70	278,23	0,15	–6,32	80,86	347,50	27,76	–150,38	–104,79	–45,59
2010	102,45	412,35	37,46	–179,06	–0,35	11,37	78,07	350,04	27,86	284,45	132,56	151,89
2011	138,00	510,48	43,61	–121,33	–0,04	6,40	79,02	348,11	27,82	223,78	86,58	137,20
2012	156,47	582,53	46,93	–5,43	0,23	0,63	79,61	347,09	27,80	143,43	21,58	121,84
2013	170,83	636,94	50,11	–12,75	0,19	1,19	80,56	347,16	27,82	169,22	27,11	142,11
2014	192,46	709,46	56,42	–4,51	0,06	2,74	76,92	365,78	28,70	175,34	36,91	138,44
2015	211,80	881,49	59,72	–280,74	–0,06	9,19	–	–	–	473,22	130,50	342,71
2016	258,49	951,34	65,29	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Для поиска оптимальной траектории инвестирования при заданных средовых (x_{01}, x_{02}, F_0) и производственных (a_1, a_2) параметрах на основе уравнений (8) рассчитываются функции действия D и чувствительности $H_P(a)$, находится их разность:

$$F_P(x) = D(x,a) - H_P(a).$$

Эмпирические и теоретические значения внутренних инвестиций по Иркутской области, рассчитанные по параметрам докризисной геоисторической среды, имеют сопоставимые значения. В период кризиса, ориентируясь на эту среду, оптимальной стратегией следовало бы считать резкое сокращение и даже изъятие финансовых средств из оборота. Вычисления по параметрам посткризисной среды (рис. 2) дают более близкие к реальным оценки: ожидание лучших условий для бизнеса незначительно снижает текущие инвестиции в критический период.

Интегральная чувствительность $H_P(a)$ инновационно-производственного процесса варьируется очень сильно: до кризиса – 132,0±154,9, после – 63,7±195,1 млрд руб. Для разных периодов она коррелирована (R = 0,98). Высокие значения $H_P(a)$ указывают на благоприятные условия инвестирования, низкие соответствуют плохой бизнес-среде, отрицательные – прямо указывают на кризисные ситуации, что может использоваться для сравнительного геоисторического статистического анализа развития региональной экономики.

Различные экономики в инновационно-производственной сфере деятельности ведут себя по-разному, характеризуются различными некоррелированными по регионам показателями. Эти средообусловленные различия предстоит исследовать детально. Выделенная для Иркутской области четкая двухэтапная дифференциация параметров инвестиционной среды встречается нечасто. Увеличение объема инвестиций в денежном выражении имеет много причин, включая макроэкономические факторы колебания курса валют и инфляцию. Линейное увеличение масштаба цен в силу однородности уравнений связи переменных не влияет на результаты математического анализа, но обеспечивает дополнительную изменчивость исходных показателей и позволяет решать статистическую задачу оценки средовых параметров, что было бы затруднительно при работе с индексными ценами.

Заключение

Традиционные соотношения эконометрии неявно связаны с известными аналитическими формулами, которые используются для статистического решения оптимизационных задач. Базовой гипотезой становится утверждение о свойствах реальности как многообразия связей различных параметров экономических систем, что позволяет рассматривать каждую конкретную пространственную ситуацию в качестве результата расслоения – касательного слоя к поверхности оценочных функций, эквивалентных в слое пучку линейных зависимостей с центром, координаты которого соответствуют параметрам геоисторической макроэкономической среды (точке на поверхности многообразия среды).

Главная особенность решения статистической задачи заключается в том, что оценочная функция в явном виде не известна. Функция определяется величинами смещенных относительно средовых норм показателей $y_i = x_i - x_{0i}$, поэтому не зависит от величины этих норм. По этой причине с учетом принятых гипотез искомые функции являются однородными функциями первого порядка. Эти индикативные функции – своеобразные локальные метрики пространства показателей или производственные функции, заданные в показателях отклонения состояния системы от средовой нормы.

Исследована эмпирическая зависимость размеров внутренних инвестиций от объемов производства в промышленности и сельском хозяйстве в регионах России. Результаты продемонстрированы на примере экономики Иркутской области. Для статистического анализа используется метод скользящей регрессии для оценки производственных показателей (акселераторов) по группам отраслей и элементы байесовского подхода для последовательного определения индивидуальных средовых норм инвестиций на основе МНК. Точность байесовских оценок положения центра пучка взаимосвязей определяет

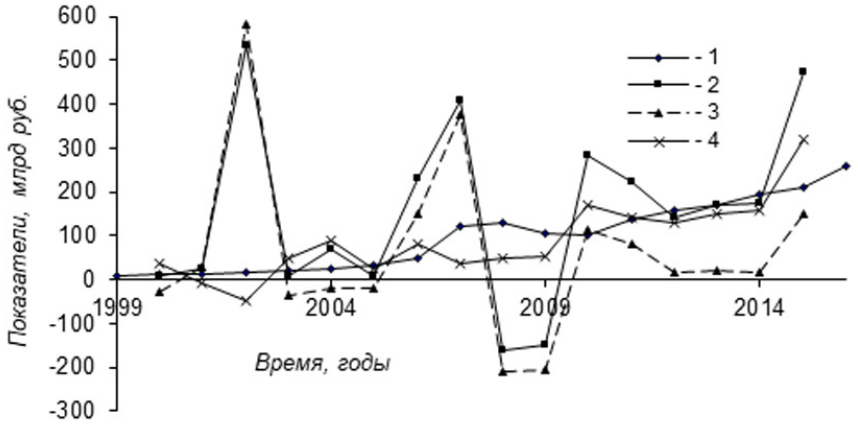

Рис. 2. Расчет показателей инвестиционного процесса в Иркутской области за 1999–2016 гг. с учетом особенностей состояния текущей геоисторической среды: эмпирические значения внутренних инвестиций $F(x)$ (1), величина действия D (2), интегральная чувствительность $H(a)$ (3) и оптимальные инвестиции $F_p(x)$ (4)
Fig. 2. Investment dynamics in the Irkutsk region in 1999–2016 based on the geohistorical status: empiric values of domestic investment $F(x)$ (1), operation value D (2), integral sensitivity $H(a)$ (3), optimal investment $F_p(x)$ (4)

и точность оптимизационного решения. Под влиянием геоэкономических факторов и условий положение центра (среды) меняется, что влияет на выбор оптимального решения в области инвестиций субъектами экономической деятельности, ориентирующимися на прошлый опыт или ожидающими лучшего будущего в смысле создания новых благоприятных условий для бизнеса. По характеристикам условий среды статистически выделяются два периода – пред- и посткризисные годы.

Рассматриваемые уравнения имеют аналогии в разных моделях экономических исследований, которые могут быть проинтерпретированы в терминах особенностей пространства расслоения. Удается строго различить переменные, отражающие факторы и условия среды экономического развития. Совокупность условий определяет средовую норму (базовое значение), относительно которой рассматриваются изменения всех показателей, а полученная смещенная оценка не зависит от средового влияния. Формирование новых расчетных параметров социально-экономической среды определяется состоянием и изменением геоэкономического фона, повышением роли государства и положительными ожиданиями со стороны инвесторов отдачи конкретных производств.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. К. Черкашин – подбор и применение моделей и методов, анализ и интерпретация результатов. А. В. Мядзелец – применение моделей, выполнение расчетов, анализ и интерпретация результатов.

Contribution: A. K. Cherkashin selected and applied models and methods, as well as analyzed the results.
A. V. Myadzelets applied the models, performed the calculations, and interpreted the results.

Финансирование: Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы: АААА-А21-121012190056-4).
Funding: The research was part of state task AAAA-A21-121012190056-4.

Литература / References

1. Hatanaka M. *Time series-based econometrics: unit roots and cointegration*. Oxford: Oxford University Press, 1996, 312. https://doi.org/10.1093/0198773536.001.0001
2. Maddala G. S., Kim In-Moo. *Unit roots, cointegration, and structural change.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 505.
3. Носко В. П. Эконометрика. Введение в регрессионный анализ временных рядов. М.: МФТИ, 2002. 273 с.
   Nosko V. P. *Econometrics. Introduction to time series regression analysis.* Moscow: MIPT, 2002, 273. (In Russ.)
4. Носко В. П. Эконометрика. М.: Дело, 2011. Кн. 1. 672 с.
   Nosko V. P. *Econometrics*. Moscow: Delo, 2011, book 1, 672. (In Russ.)
5. Васильев Ф. П. Методы решения экстремальных задач. М.: Наука, 1981. 400 с.
   Vasilyev F. P. *Methods of extreme tasks solution*. Moscow: Nauka, 1981, 400. (In Russ.)
6. Васильев Ф. П. Численные методы решения экстремальных задач. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 549 с.
   Vasilyev F. P. *Numerical methods of extreme tasks solutions*, 2nd ed. Moscow: Nauka, 1988, 549. (In Russ.)
7. Kiefer J., Wolfowitz J. Statistical estimation on the maximum of a regression function. *Ann. Math. Statist*, 1952, 23(3): 462–466. https://doi.org/10.1214/AOMS/1177729392
8. Лебедев И. В., Трескунов С. Л., Яковенко В. С. Элементы струйной автоматики. М.: Машиностроение, 1973. 360 с.
   Lebedev I. V., Treskunov S. L., Yakovenko V. S. *Elements of the jet automatics.* Moscow: Mashinostroenie, 1973, 360. (In Russ.)
9. Ermoliev Yu., Wets R. *Numerical techniques for stochastic optimization*. Berlin: Springer-Verlag, 1988, 586.
10. Sakalauskas L. Nonlinear stochastic optimization by Monte-Carlo estimators. *Informatica*, 2000, 11(4): 455–468.
11. Sakalauskas L. Nonlinear stochastic programming by Monte-Carlo estimators. *European Journal of Operational Research,* 2002, 137(3): 558–573.
12. Юдин Д. Б. Математические методы управления в условиях неполной информации (задачи и методы стохастического программирования). М.: Советское радио, 1974. 400 с.
    Yudin D. B. *Mathematical methods of control in conditions of incomplete information (problems and methods of stochastic programming)*. Moscow: Sovetskoe radio, 1974, 400. (In Russ.)
13. Юдин Д. Б., Юдин А. Д. Экстремальные модели в экономике. М.: Экономика, 1979. 289 с.
    Yudin D. B., Yudin A. D. *Extreme models in economics*. Moscow: Ekonomika, 1979, 289. (In Russ.)
14. Seiford L. M., Thrall R. M. Recent developments in DEA: the mathematical programming approach to frontier analysis. *Journal of Econometrics*, 1990, 46(1-2): 7–38. https://doi.org/10.1016/0304-4076(90)90045-U

15. Kazan H., Baydar M. Performance measurement with data envelopment analysis in service industry: banking application. *Business Management Dynamics.* 2013, 3(5): 37–50.
16. Вапник В. Н. Восстановление зависимостей по эмпирическим данным. М.: Наука, 1979. 448 с.
Vapnik V. N. *Estimation of dependences based on empirical data*. Moscow: Nauka, 1979, 448. (In Russ.)
17. Зельнер А. Байесовские методы в эконометрии. М.: Статистика, 1980. 438 с.
Zellner A. *An introduction to Bayesian infrence in econometrics*. Moscow: Statistika, 1980, 438. (In Russ.)
18. Айвазян С. А. Байесовский подход в эконометрическом анализе. *Прикладная эконометрика*. 2008. № 1. С. 93–130.
Aivazian S. A. Bayesian methods in econometrics. *Applied Econometrics*, 2008, (1): 93–130. (In Russ.)
19. Де Гроот М. Оптимальные статистические решения. М.: Мир, 1974. 491 с.
De Groot M. *Optimal statistical decisions.* Moscow: Mir, 1974, 491. (In Russ.)
20. Хей Дж. Введение в методы байесовского статистического вывода. М.: Финансы и статистика, 1987. 336 с.
Hei J. *Data in doubt: an introduction to Bayesian statistical inference for economists*. Moscow: Finansy i statistika, 1987, 336. (In Russ.)
21. Маркеев А. П. О принципе наименьшего принуждения. *Соросовский образовательный журнал*. 1998. № 1. С. 113–121.
Markeyev A. P. A principal of least constraint. *Sorosovskii obrazivatelnyi zhurnal*, 1998, (1): 113–121. (In Russ.)
22. Зоркальцев В. И. Метод наименьших квадратов. Геометрические свойства, альтернативные подходы, приложения. Новосибирск: Наука, 1995. 219 с.
Zorkaltsev V. I. *Least squares method. Geometric properties, alternative approaches, and applications*. Novosibirsk: Nauka, 1995, 219. (In Russ.)
23. Зуланке Р., Винтген П. Дифференциальная геометрия и расслоения. М.: Мир, 1975. 348 с.
Zulanke R., Vintgen P. *Differential geometry and bundles*. Moscow: Mir, 1975, 348. (In Russ.)
24. Strehler B. L., Mildvan A. S. General theory of mortality and aging. *Science*, 1960, 132(3418): 14–21. https://doi.org/10.1126/science.132.3418.14
25. Кофман Г. Б. Уравнения роста и онтогенетическая аллометрия. *Математическая биология развития*, отв. ред. А. И. Зотин, Е. В. Преснов. М.: Наука. 1982. С. 49–55.
Kofman G. B. Growth equations and ontogenetic allometry. *Mathematical biology of development*, eds. Zotin A. I., Presnov E. V. Moscow: Nauka, 1982, 49–55. (In Russ.)
26. Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1991. 280 с.
Gavrilov L. A., Gavrilova N. S. *Biology of life span*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1991, 280. (In Russ.)
27. Мядзелец А. В., Черкашин А. К. Пространственные и временные индикаторы для сравнения условий развития экономики регионов России. *Региональные исследования*. 2016. № 3. С. 22–31.
Myadzelets A. V., Cherkashin A. K. Spatial and temporal indicators to compare the conditions for developing the economy of Russian regions. *Regional'nye issledovanija*, 2016, (3): 22–31. (In Russ.)
28. Myadzelets A. V. Modeling of the socio-economic potential of the Siberian regions with consideration for their economic-geographical position in the national economic system of the Russian Federation. *Math. Model. Nat. Phenom.*, 2009, 4(5): 158–175. https://doi.org/10.1051/mmnp/20094511
29. Вакуленко Е. С., Гурвич Е. Т. Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России. *Вопросы экономики*. 2015. № 3. С. 5–27. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-3-5-27
Vakulenko E. S., Gurvich E. T. The relationship of GDP, unemployment rate and employment: in-depth analysis of Okun's l aw for Russia. *Voprosy Economiki*, 2015, (3): 5–27. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-3-5-27
30. Черкашин А. К. Математические основания синтеза знаний междисциплинарных исследований социально-экономических явлений. *Журнал экономической теории*. 2017. № 3. С. 108–124.
Cherkashin A. K. Mathematical basis of knowledge synthesis in interdisciplinary research of social and economic phenomena. *AlterEconomics*, 2017, (3): 108–124. (In Russ.)
31. Черкашин А. К., Мядзелец А. В. Характеризация развития региональной экономики с учетом макроэкономических факторов и условий. *Экономика и математические методы*. 2017. Т. 53. № 4. С. 13–25.
Cherkashin A. K., Myadzelets A. V. Characterization of regional economic development in response to macroeconomic factors and conditions. *Economics and Mathematical Methods*, 2017, (4): 13–25. (In Russ.)
32. Гельфанд И. М., Фомин С. В. Вариационное исчисление. М.: Физматгиз, 1961. 228 с.
Gelfand I. M., Fomin S. V. *Calculus of variations*. Moscow: Fizmatgiz, 1961, 228. (In Russ.)
33. Jaeger L., Wagner C. Factor modeling and benchmarking of hedge funds: can passive investments in hedge fund strategies deliver? *The Journal of Alternative Investments*, 2005, 8(3): 9–36.

34. Аганбегян А. Г. Об особенностях современного мирового финансового кризиса и его последствий для России. *Деньги и кредит*. 2008. № 12. С. 3–9.
Aganbegyan A. G. On specifics of current financial crisis and its consequences for Russia. *Russian Journal of Money and Finance*, 2008, (12): 3–9. (In Russ.)
35. Ершов М. Кризис 2008 года: «момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России. *Вопросы экономики*. 2008. № 12. С. 4–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-12-4-26
Ershov M. Crisis of 2008: "The moment of truth" for the global economy and new opportunities for Russia. *Voprosy Economiki*, 2008, (12): 4–26. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-12-4-26
36. Шавшуков В. М. Глобальный финансово-экономический кризис: причины, природа, механизмы распространения. Антикризисные действия монетарных властей. *Экономические науки*. 2014. № 114. С. 121–125.
Shavshukov V. M. The Global financial and economic crisis: causes, nature, mechanisms of distribution. Anti-crisis actions of the monetary authorities. *Ekonomicheskie nauki,* 2014, (114): 121–125. (In Russ.)
37. Groenewold N., Fraser P. Time-varying estimates of CAPM betas. *Mathematics and Computers in Simulation*. 1999, 48(4-6): 531–539.
38. Buckland R., Fraser P. Political and regulatory risk: beta sensitivity in U.K. electricity distribution. *Journal of Regulatory Economics*, 2001, 19(1): 5–25.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Особенности демографической ситуации Республики Татарстан в разрезе экономики

Юсупова Гульнара Ринатовна
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, Россия, Казань
https://orcid.org/0000-0002-0967-4744
y-gulnarin@mail.ru

Поступила 21.12.2021. Принята после рецензирования 14.02.2022. Принята в печать 28.03.2022.

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам и вопросам современного общества: демографической ситуации и ее влиянию на экономические процессы региона. Анализ демографической ситуации в отдельно взятом регионе может способствовать пониманию источников и причин миграционных процессов, позволит спрогнозировать возможные проблемы в экономике региона. В рамках исследования автор проанализировал миграционные процессы и экономическую ситуацию в Республике Татарстан. Цель – изучить причины снижения численности населения Республики Татарстан за 2019–2021 гг. Проведен сравнительный анализ официальных статистических данных Республики Татарстан по демографии, экономике, численности обучающихся по классам за 2019–2021 гг. Результаты исследования демонстрируют наличие процесса миграции населения из экономически благополучного региона в более крупные города. Ежегодный отъезд школьников из республики на постоянное место жительства в другие регионы за десять лет складывается в большие потери, равные численности сотрудников крупного предприятия. Прикладная значимость исследования заключается в возможности оценить масштабы миграции населения региона и спрогнозировать экономические проблемы отдельно взятого региона в будущем.
Ключевые слова: демографическая ситуация, экономика республики, миграция населения, Республика Татарстан, трудоспособное население, устойчивое экономическое развитие

Цитирование: Юсупова Г. Р. Особенности демографической ситуации Республики Татарстан в разрезе экономики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 2. С. 266–274. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-266-274

full article

Demographic Situation in the Republic of Tatarstan: Economic Context

Gulnara R. Yusupova
V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Russia, Kazan
https://orcid.org/0000-0002-0967-4744
y-gulnarin@mail.ru

Received 21 Dec 2021. Accepted after peer review 14 Feb 2022. Accepted for publication 23 Mar 2022.

Abstract: This article features the demographic situation and its impact on the economic processes in the Republic of Tatarstan, in particular, the decrease in the number of able-bodied population and the issues of sustainable economic development of the region in the future. The author analyzed the local migration processes and the economic situation in the Republic of Tatarstan. The research objective was to explain the decline in the population of the Republic of Tatarstan in 2019–2021. The article introduces a comparative analysis of official statistical data on demography, economy, and number of school students in 2019–2021. The conducted research clearly demonstrates the on-going migration from this economically prosperous region to larger cities. The annual students' migration eventually resulted in the loss of labor force. The author believes that statistical data on the number of school students can predict the scale of migration and the future of the economy of a particular region.
Keywords: demographic situation, economy of the Republic, population migration, Republic of Tatarstan, able-bodied population, sustainable economic development

Citation: Yusupova G. R. Demographic Situation in the Republic of Tatarstan: Economic Context. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(2): 266–274. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-266-274

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Демографические вопросы общества, несомненно, являются актуальными для многих стран на протяжении достаточно длительного времени. С одной стороны, проблемы демографии открыто обсуждаются европейскими государствами, ощутившими на себе приток беженцев из стран, в которых на данный момент сложилась неблагоприятная экономическая или политическая ситуация. С другой – демографические проблемы наиболее актуальны и поднимаются во многих странах в связи с высокой смертностью населения от пандемии COVID-19.

Вопросы демографии – это вопросы рождаемости и смертности, продолжительности жизни, естественного прироста населения, миграции; и в то же время это достаточно важные факторы экономической стабильности государства или отдельно взятого региона, и волновать они должны не только социологов и демографов, но и экономистов. Цель исследования – изучить причины снижения численности населения Республики Татарстан за 2019–2021 гг. через анализ официальных статистических данных о демографической и экономической ситуации в республике.

Исследование различных аспектов повышения эффективности социально-экономического развития региона представлено в работах ряда отечественных авторов [1–8]. Г. Л. Попова рассматривает социально-экономическое развитие региона как объект системного анализа [9]; Г. М. Колотова, Р. Р. Валеева предлагают проводить оценку устойчивого развития территорий [10; 11]. В исследованиях, посвященных социально-экономической эффективности Республики Татарстан, рассмотрены следующие аспекты: развитие региональной социально-экономической системы на основе обеспечения поступательной динамики городских агломераций [12; 13]; развитие региона на основе территорий опережающего социально-экономического развития [14]; региональное развитие как фактор социально-экономического развития страны [15]. Влияние цифровизации на развитие региональных социально-экономических систем изучали В. И. Абрамов и Д. С. Евдокимов [16]. Вопросы влияния демографии, человеческого фактора на социально-экономическое развитие региона в современных условиях пандемии COVID-19 поднимались в трудах [17–26]. Однако аспекты прогнозирования влияния демографических процессов на экономику остаются актуальными и востребованными на данном этапе развития общества.

Методы и материалы. Исследование проведено на материале статистических данных с официального портала государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан «Открытый Татарстан» (вкладка *отчеты ведомств*)[1]. Автором проведен сравнительный анализ официальных статистических данных Республики Татарстан по демографии, экономике, численности обучающихся за 2019–2021 гг.

Результаты

Республика Татарстан входит в число экономически стабильных и перспективных регионов РФ. Уровень регистрируемой безработицы в республике по состоянию на 01.11.2021 г. составляет 0,73 %, в г. Казань – 1,07 %. Численность безработных граждан по республике насчитывает 14753 человека, при этом число заявленных работодателями вакансий составляет 61715, что в четыре раза больше, чем официально зарегистрированных безработных. Большая часть зарегистрированных безработных приходится на столицу республики – 6884 человека, при этом число вакансий, заявленных работодателями г. Казань, превышает число безработных в три раза и составляет 23010 вакансий. Коэффициент напряженности в Республике Татарстан равен 0,24 на одну вакансию, в г. Казань – 0,30 на одну вакансию[2]. Данные цифры статистики показывают, что возможность трудоустроиться в республике есть, но официально признанных безработных не устраивают либо условия труда, либо уровень заработной платы, либо работа не подходит им по профилю образования.

Основные макроэкономические показатели Республики Татарстан на январь-сентябрь 2021 г. характеризуют стабильную, благоприятную экономическую обстановку, сложившуюся в данном регионе (табл. 1[3]). Индекс промышленного производства за предыдущий год вырос и составил 105,2 %; объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами организаций промышленного производства достиг уровня 144,1 %; оборот организаций вырос до 135,1 %, грузооборот автотранспорта составил 121,8 % по отношению к прошлому году; оборот розничной торговли вырос до 108,5 %. К настораживающим неблагоприятным макроэкономическим показателям Республики Татарстан следует отнести снижение объемов производства продукции сельского хозяйства на 11,9 % и рост индекса потребительских цен на 106,5 %.

Среднемесячная заработная плата в Республике Татарстан за 2019–2021 гг. выросла с 37442 руб. до 42539 руб., разница в целом за три года составила 5097 руб. (табл. 2[4]).

[1] Отчеты ведомств. *Открытый Татарстан.* URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories (дата обращения: 29.11.2021).

[2] Информация по рынку труда Республики Татарстан. *Открытый Татарстан.* URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172199/reports/33052 (дата обращения: 29.11.2021).

[3] Итоги социально-экономического развития Республики Татарстан. *Открытый Татарстан.* URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172207/reports/28317 (дата обращения: 29.11.2021).

[4] Начисленная среднемесячная заработная плата в регионах РФ, за период с начала отчетного года. *Открытый Татарстан.* URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172199/reports/31536 (дата обращения: 29.11.2021).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-266-274

С одной стороны, это переместило республику с 39 места в общенациональном рейтинге среднемесячной заработной платы на 36 место, с другой – характеризует рост благосостояния населения республики. Сравнивая среднемесячную заработную плату за 2021 г. в таких городах, как Москва (106238 руб.) и Казань (42539 руб.), следует отметить достаточно сильное отставание показателей Казани от среднемесячной заработной платы в Москве, что объясняет стремление молодежи уехать из столицы Республики Татарстан, жить и работать в столице России.

Конечно, в сравнении с Чукотским автономным округом или с г. Москва среднемесячная заработная плата в Республике Татарстан относительно низкая, но проводить только такое сравнение было бы некорректно. Сравнительные показатели среднемесячной заработной платы в Республике Татарстан и регионах Приволжского федерального округа демонстрируют более верную картину (табл. 3[5]). Среднемесячная заработная плата по Приволжскому федеральному округу составляет 39037 руб., что ниже, чем по Республике Татарстан, на 3502 руб. В Приволжском федеральном округе только Пермский край имеет показатели среднемесячной заработной платы, превышающие показатели Республики Татарстан на 737 руб.

Табл. 1. Основные макроэкономические показатели Республики Татарстан на январь-сентябрь 2021 г.
Tab. 1. Macroeconomic indicators of the Republic of Tatarstan in January-September 2021

Показатель	В январе-сентябре 2021 г.	В % к январю-сентябрю 2020 г.
Индекс промышленного производства, %	105,2	105,2
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами организаций промышленного производства, млн руб.	2797961,3	144,1
Оборот организаций, млн руб.	6204861,1	135,1
Продукция сельского хозяйства, млн руб.	191304,2	88,1
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», млн руб.	254534,9	103,7
Ввод жилья, тыс. м^2	2229,2	107,6
Грузооборот автотранспорта, млн ткм	7964,9	121,8
Оборот розничной торговли, млн руб.	785722,4	108,5
Объем платных услуг населению, млн руб.	214630,0	110,2
Индекс потребительских цен	106,5	106,5
Просроченная задолженность по заработной плате на 1 число следующего месяца, млн руб.	48,5	96,6
Численность зарегистрированных безработных на конец периода, тыс. человек	16,2	21,1

Табл. 2. Начисленная среднемесячная заработная плата в регионах РФ за 2019–2021 гг., руб.
Tab. 2. Accrued average monthly salary in the Russian Federation in 2019–2021, rub.

Регион РФ	2019	Место в общенациональном рейтинге 2019	2020	Место в общенациональном рейтинге 2020	2021	Место в общенациональном рейтинге 2021
Чукотский автономный округ	106846	1	121314	1	127889	1
г. Москва	94011	3	100506	3	106238	3
Республика Татарстан	37442	39	39588	38	42539	36

Табл. 3. Сравнительные показатели среднемесячной заработной платы в Республике Татарстан и регионах Приволжского федерального округа за январь-август 2021 г., руб.
Tab. 3. Average monthly salary in the Republic of Tatarstan and the Volga Federal District in January-August 2021, rub.

Регион РФ	Среднемесячная заработная плата
Пермский край	43276
Республика Татарстан	42539
Самарская область	41252
Республика Башкортостан	40312
Нижегородская область	39697
Приволжский федеральный округ	39037
Удмуртская Республика	37450
Оренбургская область	37125
Саратовская область	35754
Пензенская область	35354
Ульяновская область	35131
Кировская область	34136
Чувашская Республика	33890
Республика Марий Эл	33500
Республика Мордовия	33304

[5] Сравнительные показатели Республики Татарстан и регионов Приволжского федерального округа. *Открытый Татарстан*. URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172207/reports/28326 (дата обращения: 29.11.2021).

Можно предположить, что возможное наличие демографических проблем связано с притоком желающих проживать в экономически более стабильном регионе или с внутренней миграцией жителей малых населенных пунктов в крупные города в поисках более высокой заработной платы и возможностей самореализации, лучших условий жизни.

Данные по Республике Татарстан за 2019–2021 г. свидетельствуют о снижении численности постоянного населения (табл. 4[6]). Несмотря на прирост населения республики в 2019 г., в 2020 г. наблюдалась убыль населения, при том что ее частично компенсировал миграционный прирост. Увеличение показателя естественной убыли населения в 2020 г., возможно, связано с пандемией COVID-19. Численность населения г. Казань за три года выросла на 5372 человека, что, скорее всего, связано с естественным приростом населения.

Анализ численности обучающихся Республики Татарстан по классам за 2018–2021 гг. выявил увеличение количества учеников в школах республики. В 2018–2019 учебном году всего в школах обучалось 416890 учеников, в 2019–2020 – 433599, в 2020–2021 – 449761, что свидетельствует о положительной динамике роста рождаемости в Республике Татарстан за период 2011–2013 гг. Рост численности обучающихся в средних учебных заведениях Республики Татарстан за три года составил 32871 (табл. 5, 6).

В то же время анализ статистических данных демонстрирует наличие проблем в сфере демографии республики. Так, в первый класс в 2018–2019 учебном году пошли 49778 учеников, во второй класс, закончив годовое обучение, перешли 49752 школьника, в 3 класс из числа этих же школьников перешли лишь 49656 обучающихся. Таким образом, из числа учеников, пришедших в первый класс в 2018–2019 учебном году, за три года обучения выбыло 122 ученика. За три года обучения одна и та же параллель школьников 5 классов уменьшилась на 146 обучающихся, а параллель 7 классов – на 87 учащихся. Автор провел анализ снижения численности учащихся всего трех параллелей обучающихся при переходе из класса в класс в динамике за три года и получил данные о снижении общей численности школьников этих параллелей на 355 школьников.

Табл. 4. Сведения о численности населения Республики Татарстан за 2019–2021 гг., человек
Tab. 4. Population of the Republic of Tatarstan in 2019-2021, people

Регион РФ	Численность постоянного населения, на начало года			Прирост / убыль населения		Естественный прирост / убыль населения	
	2019	2020	2021	за 2019	за 2020	за 2019	за 2020
Республика Татарстан	3898628	3902888	3894120	4260	–8768	–180	–12981
г. Казань	1251969	1257391	1257341	5422	–50	3600	–831

Табл. 5. Численность обучающихся по классам за 2018–2019, 2019–2020 учебные годы
Tab. 5. Number of students by year in 2018–2019, 2019–2020

Наименование показателя	Всего	Программы начального общего образования				Программы основного общего образования					Программы среднего общего образования		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2018–2019 учебный год													
Дневные (муниципальные, государстенные, частные, ДМиВ) и вечерние ОО	408918	49778	47832	45478	43432	40079	36718	36167	37508	37419	17921	16186	400
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (физические недостатки)	1785	222	222	191	229	129	146	141	150	255	30	70	–
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (умственно отсталые)	6187	329	539	768	743	799	778	799	737	682	1	12	–
ИТОГО	416890	50329	48593	46437	44404	41007	37642	37107	38395	38356	17952	16268	400

[6] Сведения о численности населения Республики Татарстан. *Открытый Татарстан*. URL: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172161/reports/31309 (дата обращения: 29.11.2021).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-266-274

Наименование показателя	Всего	Программы начального общего образования				Программы основного общего образования					Программы среднего общего образования		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2019–2020 учебный год													
Дневные (муниципальные, государственные, частные, ДМиВ) и вечерние ОО	425383	54088	49752	47782	45535	43355	40114	36604	36156	37665	17141	16794	397
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (физические недостатки)	1835	260	207	226	211	139	145	150	135	260	61	41	–
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (умственно отсталые)	6381	450	463	681	829	818	801	797	812	730	–	–	–
ИТОГО	433599	54798	50422	48689	46575	44312	41060	37551	37103	38655	17202	16835	397

Табл. 6. Численность обучающихся по классам за 2020–2021 учебный год
Tab. 6. Number of students by year in 2020–2021

Наименование показателя		Всего	Программы начального общего образования				Программы основного общего образования					Программы среднего общего образования			
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	11	12
Дневные (муниципальные, государственные, частные, ДМиВ) и вечерние ОО	классы	23556	2746	2707	2617	2555	2301	2246	2158	2050	2026	1077	1028	23	22
	обучающиеся	441390	54899	54006	49656	47788	45392	43375	39933	36640	36080	17049	15798	371	403
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (физические недостатки)	классы	231	31	24	24	33	10	20	17	18	30	12	12	–	–
	обучающиеся	1863	273	210	210	291	89	137	133	140	224	84	72	–	–
Общеобразовательные организации для детей с ОВЗ (умственно отсталые)	классы	723	70	64	70	86	95	84	89	85	78	2	–	–	–
	обучающиеся	6508	443	533	595	746	883	845	811	825	817	10	–	–	–
ИТОГО	классы	24510	2847	2795	2711	2674	2406	2350	2264	2153	2134	1091	1040	23	22
	обучающиеся	449761	55615	54749	50461	48825	46364	44357	40877	37605	37121	17143	15870	371	403

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-2-266-274

В целом изменения численности учащихся школ по классам может свидетельствовать об отъезде семей с детьми школьного возраста из республики. Предполагая, что в основном республику покидают дети с двумя родителями трудоспособного возраста, можно констатировать, что в среднем за год республику покидает 100 семей трудоспособного населения. Если умножить эти данные на 11 лет обучения школьников и принять, что у каждого ребенка два родителя, мы получим, что за этот период в «поисках более хорошей жизни» республику покинут 3300 человек, а это численность сотрудников достаточно крупного предприятия, что однозначно негативно скажется на экономике республики в будущем.

Данные статистики перехода учащихся 9 классов с программ основного общего образования на программы среднего общего образования (10 класс) показывают желание школьников покинуть стены школы и обучаться по программам СПО. Так, в 2018–2019 учебном году в 9 классах республики обучалось 37419 человек, а в 10 класс из них пришло лишь 17141, что составило 45,8 % от всей численности девятиклассников. В 2019–2020 учебном году в 9 классах обучалось 37665 человек, а в 10 класс перешло 17049, что составило 45,2 %.

Число всех детей с ОВЗ, обучающихся в школах в 2018–2019 учебном году, составляло 7972 (1,9 %) от общего количества учеников, в 2019–2020 – 8216 (1,8 %), в 2020–2021 – 8371 (1,8 %). Статистика по числу обучающихся детей с ОВЗ (физические недостатки) выглядит достаточно стабильной: в 2018–2019 учебном году в 1 классы поступили 222 ученика, во 2 класс в 2019–2020 учебном году перешли только 207, а в 3 классе в 2020–2021 учебном году их число составляло 210.

Пугающей является статистика Республики Татарстан по увеличению числа умственно отсталых детей, обучающихся в школах республики. В 2018–2019 учебном году в специализированных образовательных организациях для детей с ОВЗ обучалось 6187 человек, в 2019–2020 – 6381, в 2020–2021 – 6508. Увеличение числа обучающихся в специализированных образовательных организациях для детей с ОВЗ составило за 3 года 4 % (321 человек).

Число обучающихся детей с ОВЗ (умственно отсталые), пришедших в 1 класс в 2018–2019 учебном году, составило 329 человек, во 2 класс перешло уже 463, в 3 классе их число выросло до 595. Данная статистика свидетельствует о миграции в республику семей, имеющих детей с ОВЗ. К сожалению, дети с ОВЗ в будущем не смогут полноценно трудиться: работая в различных сферах экономики, они выполняют в трудовом процессе только самые простые операции. И рост их числа среди подрастающего поколения демонстрирует, что существующие демографические проблемы станут в перспективе экономическими проблемами для республики и общества в целом.

Заключение

Данное исследование позволило выявить наличие демографических проблем в относительно благополучном регионе России – Республике Татарстан. Автором проведен сравнительный анализ официальных статистических данных Республики Татарстан по демографии, экономике, численности обучающихся по классам за 2019–2021 гг. Снижение численности населения Республики Татарстан за последние три года является настораживающим фактором. А статистические данные снижения численности обучающихся школ по классам позволяют оценить масштабы миграции населения региона и спрогнозировать возможные демографические и экономические проблемы. В качестве главных результатов данной статьи автор отмечает возможность применения анализа статистических данных численности обучающихся школ по классам с целью оценки масштабов миграции населения и прогнозирования возможных экономических проблем отдельно взятого региона. Данная статья должна привлечь внимание общества к ситуации снижения числа трудоспособного населения и к вопросам устойчивого экономического развития регионов в будущем.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Арсланов Ш. Д. Социально-экономическое развитие региона: инвестиционный фактор. *Региональные проблемы преобразования экономики.* 2020. № 7. С. 66–72. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-07-66-72
   Arslanov Sh. D. Socio-economic development of the region: the investment factor. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2020, (7): 66–72. (In Russ.) https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-07-66-72
2. Валеева Р. Р. Иммунитет региона (на примере Приволжского Федерального округа). *Неделя науки и технологий:* мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Сибай, 12–16 апреля 2021 г.) Сибай: СИЦ – ф-л ГУП РБ ИД РБ, 2021. С. 8–11.
   Valeeva R. R. Immunity of the region: the case of the Volga Federal District. *Science and Technology Week*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Sibai, 12–16 Apr 2021. Sibai: SITs – f-l GUP RB ID RB, 2021, 8–11. (In Russ.)

3. Валеева Р. Р. Устойчивое развитие территорий: от основных понятий до факторов, на него влияющих. *Проблемы развития национальной экономики в условиях глобальных инновационных преобразований:* мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Махачкала, 25–27 ноября 2020 г.) Махачкала: ДГТУ, 2021. С. 103–109.
Valeeva R. R. Sustainable development of territories: from basic concepts to factors. *Problems of national economy development in the context of global innovative transformations*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Makhachkala, 25–27 Nov 2020. Makhachkala: DSTU, 2021, 103–109. (In Russ.)
4. Доменко Ю. Ю., Упоров И. С., Малькова Н. Н. Социально-экономическое развитие региона на основе эффективного стратегического планирования. *Инновации. Наука. Образование.* 2020. № 23. С. 2265–2269.
Domenko Yu. Yu., Uporov I. S., Malkova N. N. Socio-economic development of the region based on effective strategic planning. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniie*, 2020, (23): 2265–2269. (In Russ.)
5. Илаева З. М. Социально-экономическое развитие региона через инструменты целевого программирования. *Финансовая экономика*. 2018. № 6. С. 1716–1718.
Ilaeva Z. M. Social and economic development of the region via instruments of target programming. *Finansovaia ekonomika,* 2018, (6): 1716–1718. (In Russ.)
6. Мищенко И. К., Мищенко В. В., Шипулина И. А., Гриценко Г. М., Межина М. В., Поволоцкая О. А., Ижболдин-Кронберг А. Р., Разгон А. В., Елистратова Т. Г., Фасенко Т. Е. Социально-экономическое развитие региона: состояние и перспективы. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017, 136 с.
Mishchenko I. K., Mishchenko V. V., Shipulina I. A., Gritsenko G. M., Mezhina M. V., Povolotskaya O. A., Izhboldin-Kronberg A. R., Razgon A. V., Elistratova T. G., Fasenko T. E. *Socio-economic development of the region: state and prospects.* Barnaul: RIO ASAU, 2017, 136. (In Russ.)
7. Sycheva I. N., Voronkova O. Yu., Vorozheykina T. M., Yusupova G. R., Semenova A. N., Ilyin A. E. Directions to improve economic efficiency of regional production. *European Research Studies Journal*, 2018, 21(3): 50–61. https://doi.org/10.35808/ersj/1360
8. Муртазаев Н. А., Абулханова Г. А. Проблемы социально-экономического развития Республики Крым. *Человеческий капитал как важнейший фактор постиндустриальной экономики*: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 23 апреля 2020 г.) Стерлитамак: АМИ, 2020. С. 31–33.
Murtazaev N. A., Abulkhanova G. A. Problems of socio-economic development of the Republic of Crimea. *Human capital as the most important factor of the postindustrial economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 23 Apr 2020. Sterlitamak: AMI, 2020, 31–33. (In Russ.)
9. Попова Г. Л. Социально-экономическое развитие региона как объект системного анализа. *Экономический анализ: теория и практика.* 2011. № 2. С. 49–53.
Popova G. L. Socio-economic development of the region as an object of system analysis. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2011, (2): 49–53. (In Russ.)
10. Колотова Г. М. Оценка социально-экономического развития региона (на примере Республики Татарстан). *Теоретический и практический потенциал современной науки*, ред. Н. О. Берая. М.: Перо, 2019. Ч. IV. С. 153–156.
Kolotova G. M. Assessment of socio-economic development of the region: the case of the Republic of Tatarstan. T*heoretical and practical potential of modern science*, ed. Beraia N. O. Moscow: Pero, 2019, pt. IV, 153–156. (In Russ.)
11. Валеева Р. Р. Методика расчета устойчивого развития территорий: теоретико-методологические аспекты. *Устойчивое развитие территорий: теория и практика*: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Сибай, 19–21 ноября 2020 г.) Сибай: СИЦ – ф-л ГУП РБ ИД РБ, 2020. С. 19–22.
Valeeva R. R. Methodology for calculating sustainable development of territories: theoretical and methodological aspects. *Sustainable development of territories: theory and practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Sibai, 19–21 Nov 2020. Sibai: SITs – f-l GUP RB ID RB, 2020, 19–22. (In Russ.)
12. Байгильдин Д. Р. Развитие региональной социально-экономической системы на основе обеспечения поступательной динамики городских агломераций (на примере Республики Татарстан). *Научные труды Центра перспективных экономических исследований*. 2019. № 17. С. 105–115.
Baygildin D. R. The development of regional socio-economic system based on sustained dynamics of urban agglomerations (on the example of Republic of Tatarstan). *Nauchnye Trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovanii*, 2019, (17): 105–115. (In Russ.)
13. Юсупова И. В., Голицына Л. А. Развитие агломераций – ключевое направление стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан. *Региональная экономика. Юг России*. 2021. Т. 9. № 2. С. 50–57. https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.6
Yusupova I. V., Golitsyna L. A. The development of agglomerations is a key direction of the social and economic development strategy of the Republic of Tatarstan. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, 2021, 9(2): 50–57. (In Russ) https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.6

14. Буранова Е. А. ТОСЭР как инструмент формирования институциональной среды региона. *Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики:* мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Набережные Челны, 14 мая 2018 г.) Казань: Познание, 2018. С. 22–28.
Buranova E. A. TOSER as a tool for the formation of the institutional environment of the region. *Territories of advanced socio-economic development: issues of theory and practice*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Naberezhnye Chelny, 14 May 2018. Kazan: Poznanie, 2018, 22–28. (In Russ.)
15. Зотиков Н. З., Яковлева А. С. Развитие регионов как фактор социально-экономического развития страны (на примере Чувашской республики и Республики Татарстан). *Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*. 2020. № 3. С. 4–11.
Zotikov N. Z., Yakovleva A. S. Development of regions as a factor of social and economic development of the country (on the example of the Chuvash Republic and the Republic of Tatarstan). *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii*, 2020, (3): 4–11. (In Russ.)
16. Абрамов В. И., Евдокимов Д. С. Влияние цифровизации на развитие региональных социально-экономических систем в России и за рубежом. *Проблемы теории и практики управления*. 2019. № 11. С. 6–21.
Abramov V. I., Evdokimov D. S. Impact of digitalization on the development of regional socio-economic systems in Russia and abroads. *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, 2019, (11): 6–21. (In Russ.)
17. Макарова Е. В., Ганеева В. Р. Анализ миграционной привлекательности Республики Татарстан и роли миграционных потоков в социально-экономическом развитии региона. *Казанский экономический вестник*. 2019. № 3. С. 27–33.
Makarova E. V., Ganeeva V. R. Analysis of migration attractiveness of the Republic of Tatarstan and the role of migration flows in the socio-economic development of the region. *Kazan Economic Bulletin*, 2019, (3): 27–33. (In Russ.)
18. Мухаметов А. Р. Основные тенденции сельского населения и расселения на современном этапе социально-экономического развития (на примере Республики Татарстан). *Инновации в науке и практике*: сб. ст. по мат-лам II Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 17 апреля 2020 г.) Уфа: НИЦ Вестник науки, 2020. Ч. 2. С. 201–205.
Mukhametov A. R. The main trends of rural population and settlement at the present stage of socio-economic development: the case of the Republic of Tatarstan. *Innovations in science and practice*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 17 Apr 2020. Ufa: NITs Vestnik nauki, 2020, pt. 2, 201–205. (In Russ.)
19. Сагайдачная О. А., Дуцкий М. В. Влияние миграции на инновационное развитие региона. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2010. № 3. С. 102–108.
Sagaidachnaya O. A., Dutskiy M. V. The influence of migration on the regional innovational development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2010, (3): 102–108. (In Russ.)
20. Артемова О. В., Нестеренко И. Ю., Савченко А. Н. Влияние глобальных и региональных трендов на социально-экономическое развитие и уровень жизни населения региона. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2020. № 2. С. 66–76. https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10206
Artemova O. V., Nesterenko I. Yu., Savchenko A. N. Influence of global and regional trends on socio-economic development and living standards of the region's population. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (2): 66–76. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10206
21. Ахметов Ж. Н. Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие региона. *Инновациялық Еуразия университетінің хабаршысы*. 2016. № 2. С. 14–18.
Akhmetov Zh. N. Migration processes and their impact on social and economic development of region. *Vestnik Innovacionnogo Evrazijskogo universiteta*, 2016, (2): 14–18. (In Russ.)
22. Сиразетдинов Н. Р. Влияние молодежи на социально-экономическое развитие Республики Татарстан. *Студенческий вестник*. 2019. № 21-5. С. 56–60.
Sirazetdinov N. R. The influence of youth on the socio-economic development of the Republic of Tatarstan. *Studencheskii vestnik,* 2019, (21-5): 56–60. (In Russ.)
23. Маратканова Э. М. Человеческие ресурсы как фактор устойчивого развития организации. *Территории опережающего социально-экономического развития: вопросы теории и практики:* мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Набережные Челны, 14 мая 2018 г.) Казань: Познание, 2018. С. 96–99.
Maratkanova E. M. Human resources as a factor of sustainable development of the organization. *Territories of advanced socio-economic development: issues of theory and practice*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Naberezhnye Chelny, 14 May 2018. Kazan: Poznanie, 2018, 96–99. (In Russ.)
24. Абулханова Г. А, Нечаева П. А., Булатова З. А. Культурное наследие как фактор социально-экономического развития региона. *Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике*: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 28 января 2021 г.) Казань: Познание, 2021. С. 433–439.

Abulkhanova G. A., Nechaeva P. A., Bulatova Z. A. Cultural heritage as a factor of socio-economic development of the region. *Vector of development of managerial approaches in the digital economy*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kazan, 28 Jan 2021. Kazan: Poznanie, 2021, 433–439. (In Russ.)

25. Хусаинов А. А., Шафранская Ч. Я. Пандемия коронавируса как фактор развития экономической стабильности России. *Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты – 2021*, отв. ред. И. И. Фролова. Казань: Познание, 2021. Вып. 1. С. 260–262.
Khusainov A. A., Shafranskaya Ch. Ya. The COVID-19 pandemic as a factor in the development of economic stability in Russia. *Scientific research: fundamental and applied aspects in 2021*, ed. Frolova I. I. Kazan: Poznanie, 2021, iss. 1, 260–262. (In Russ.)
26. Шафранская Ч. Я., Ильченко А. А. Социальное управление в России как инструмент сохранения человеческого капитала в период пандемии. *Тренды социально-экономического развития в условиях реального и виртуального мира*: мат-лы Национ. студенч. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Элиста, 22 апреля 2021 г.) Элиста: КалмГУ, 2021. С. 177–178.
Shafranskaya Ch. Ya., Ilchenko A. A. Social management in Russia as a tool for preserving human capital during the pandemic. *Trends of socio-economic development in the real and virtual world*: Proc. Nation. Student Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Elista, 22 Apr 2021. Elista: KalmSU, 2021, 177–178. (In Russ.)

Уведомление о ретрагировании статей из журнала «Вестник КемГУ.
Серия: политические, социологические и экономические науки»

Редакционная коллегия журнала «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки» постановила от 01.06.2022 ретрагировать следующие статьи:

1. **Клещевский Ю. Н., Николаева М. А., Рязанова О. А. Современное состояние и перспективы развития рынка рыбы и рыбных товаров в России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2017. № 3. С. 34–42.**
   Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
   Основание для отзыва: дублирующая публикация.
   Информация о дублировании: Николаева М. А., Клещевский Ю. Н., Рязанова О. А. Роль внешней торговли в развитии рынка рыбных товаров в России. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 10. С. 94–107.
   Тематика: экономические науки.

2. **Миляева Л. Г. Комплексный подход к оценке ситуации на рынке труда. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2017. № 2. С. 52–57.**
   Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.
   Основание для отзыва: дублирующая публикация.
   Информация о дублировании: Миляева Л. Г. К вопросу об интегральной социально-статистической оценке ситуации на рынке труда. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 3. С. 117–121.
   Тематика: экономические науки.

Подписано к печати 23.05.2022.
Дата выхода в свет 01.07.2022.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 16,9. Уч.-изд. л. – 15.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.